

КОНТРОЛЬНЬ

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5
1979

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Позолотин М. Е.</i> По пути социалистического развития	3
<i>Прибылов В. И.</i> Создание Лиги Наций и Польша	10
<i>Лихач Е. В.</i> Буржуазное общественное мнение Великобритании и югославянский вопрос в 1916—1918 гг.	29
<i>Владыко Н. Н.</i> К вопросу об историографии и новых источниках по истории национально-освободительного движения в Герцеговине в 50—60-х годах XIX в.	45
<i>Вапцарова Бойка</i> (НРБ). Советская культура в жизни Николя Вапцарова	61
<i>Кишкин Л. С.</i> Чешско-русские связи (От древних времен до середины XIX в.)	70
<i>Иванов Вяч. Вс.</i> Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов истории металлургии у славян	82

Из истории славяноведения

<i>Воронков И. А.</i> Кафедре истории южных и западных славян Московского университета — 40 лет	101
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Черных М. Н.</i> Ю. Мархлевский. Литература, искусство, классовая борьба. Из литературного наследия	108
<i>Лаптева Л. П.</i> Книга чехословацкого историка о болгарском национально-освободительном движении в 50—70-х годах XIX в.	110

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Лабинцев Ю. А.</i> Комплексное исследование по истории старообрядчества на польских землях в XVII—XX вв.	113
<i>Соболева Н. А.</i> S. K. Kuczyński. Herb Warszawy	114
<i>Федорук А. К.</i> Д. В. Степовик. Болгарське образотворче мистецтво. 1878—1978	116
<i>Мокиенко В. М.</i> Две монографии о славянской фразеологии	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Позолотин М. Е.</i> Научная конференция во Львове	124
<i>И. С.</i> Советско-польский симпозиум «Польская культура XVIII—XIX вв. и русско-польские культурные связи»	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. А. Кошкина*

М. Е. ПОЗОЛОТИН

ПО ПУТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

9 сентября 1944 г. в исторических судьбах Болгарии произошел коренной поворот — поворот от одной общественной формации — капиталистической — к другой — социалистической.

Болгарский народ под руководством Болгарской коммунистической партии сбросил с себя иго капитализма и повел страну по пути социалистического развития. За истекшие 35 лет в жизни Болгарии произошли решающие исторические изменения. Опираясь на опыт Великой Октябрьской социалистической революции, болгарский народ в короткие сроки перестроил страну, общество, экономику, науку, культуру, идеологию на социалистических началах.

К VII съезду БКП, т. е. к 1958 г., социализм в Болгарии был в основном построен. Он занял господствующие позиции в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле, ремесле, финансах и т. д. Страна первой в Европе после Советского Союза завершила кооперирование сельского хозяйства. Построив основы социализма, болгарский народ приступил к строительству развитого социализма. «В результате успешного завершения переходного периода от капитализма к социализму и полной победы социалистических производственных отношений, — говорится в Программе БКП, принятой в 1971 г., — в результате качественных и количественных изменений, происшедших во всей системе общественной жизни, Народная Республика Болгария вступила в новый этап развития — этап строительства развитого социалистического общества»¹.

Социализм внес большие перемены в жизнь болгарского общества. Полной перестройке подвергся аппарат государственного управления, была ликвидирована эксплуатация человека человеком, родилось новое отношение к труду и к собственности. Утратила свое значение частно-собственническая философия и психология, утвердилась новая социалистическая идеология.

Решающим образом изменилась социально-классовая структура общества. В результате экономической перестройки, индустриализации страны произошел большой отток сельского населения в города. Рабочий класс как главный производитель материальных благ, стал не только руководящим классом общества, но и самым многочисленным классом. Если в 1939 г. в промышленности Болгарии насчитывалось всего 93 тыс. рабочих, то к концу 1975 г. их численность (во всем народном хозяйстве) составила 2450 тыс. человек или 57% работающего населения². Повыси-

¹ «Десети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол». София, 1971, с. 721.

² «Работническо дело», 3 VI 1958; 26 VIII 1974; 30 III 1976; «Статистически годишник на Народна република България». София, 1974, с. 84.

лась квалификация рабочего класса, уровень его образованности и культуры, изменился профиль профессиональной подготовки. Рабочие заняли важнейшие позиции в партии, в органах государственного управления, в общественных организациях.

Значительно сократилась численность крестьянства, оно стало более однородным. Исчезло кулачество, а также средние и бедные крестьяне, батраки. Ныне крестьянство представляет собой единый класс крестьян-кооператоров, коренным образом отличающийся по условиям труда и быта, по своей психологии, уровню культуры, отношению к труду, к общественной деятельности от старого, бесправного в своем большинстве, терпевшего нужду, лишения и жестокую эксплуатацию крестьянства царской Болгарии. Резко возросла численность интеллигенции, изменилась ее структура. Увеличилась прослойка инженерно-технических работников, людей творческих профессий.

В 1977 г. в Болгарии было подготовлено 20 тыс. специалистов с высшим образованием против 5,8 тыс. в 1960 г.³

Грандиозные изменения произошли в экономическом развитии страны. До войны Болгария была отсталой аграрной страной. Основная масса самодеятельного населения была занята в сельском хозяйстве. Промышленность давала всего 14,8% национального дохода страны⁴. Из отраслей промышленности были развиты лишь текстильная, пищевая и табачная. К настоящему времени в Болгарии созданы все важнейшие отрасли промышленности — черная и цветная металлургия, машиностроение, судостроение, химическая, электротехническая и электронная промышленность. В 1976 г. Болгария произвела промышленной продукции в 59 раз больше, чем в 1939 г.⁵

Об успехах, достигнутых болгарским народом в индустриализации страны, свидетельствует также значительное сокращение разрыва в уровне промышленного производства между НРБ и наиболее развитыми странами содружества. Если, например, электроэнергия на душу населения в ГДР производилось в 1950 г. в 9,6 раза больше, чем в Болгарии, то в 1977 г. лишь в 1,6 раза; стали в Чехословакии выплавлялось на душу населения в 1950 г. в 360 раз больше, чем в Болгарии, а в 1977 г. — в 3,4 раза. По производству сахара соотношение составило соответственно 11,1 : 1 и 4,0 : 1.

Национальный доход на душу населения в Болгарии в 1950 г. составлял 66% национального дохода, приходившегося на душу населения в СССР, а в 1975 г. — 95%, производство промышленной продукции соответственно — 43% и 90%.

Болгария в 1977 г. заняла первое место среди стран — членов СЭВ по производству на душу населения серной кислоты, силосоуборочных комбайнов, мостовых и порталных кранов, электро- и мотокаров, электродвигателей, автоматических телефонных станций, синтетического аммиака, кальцинированной соды, фосфорных удобрений, ацетона, резиновой обуви, виноградного вина, винограда, второе место — по производству металлорежущих станков, железной руды, экскаваторов, оконного стекла, шерстяных тканей, растительного масла, овощных консервов, зерновых и зернобобовых культур, овощей и фруктов.

Значительных результатов добился болгарский народ в развитии сельского хозяйства. Хотя доля сельского хозяйства в национальном доходе страны заметно сократилась, но валовая продукция только за период

³ «Статистический ежегодник стран — членов СЭВ». М., 1978, с. 417.

⁴ Хр. Е в т и м о в. Рабочий класс Болгарии. София, 1970, с. 13.

⁵ «Статистически годишник на Народна република България», София, 1977, с. 14—15.

1960—1977 гг. возросла почти на 60%. Повысились урожайность культур и продуктивность животноводства. Если в 1961—1965 гг. Болгария собирала в среднем по 18,1 ц пшеницы с га, то в 1976 и 1977 гг. эти сборы составили свыше 39 ц с га, т. е. урожайность пшеницы возросла более чем в 2 раза ⁶.

Весьма важные перемены произошли в материальном благосостоянии народа. В 1935—1936 гг. на душу крестьянского населения потреблялось в Болгарии 2,05 кг сахара и 1,1 кг животного масла в год. Положение рабочих было еще хуже. Потребление мяса и мясопродуктов на душу населения составило 62 кг в 1977 г., сахара и изделий из него — 34 кг ⁷. Более половины всех семей имеют телевизоры, холодильники, стиральные машины.

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих повысилась за период с 1948 по 1977 г. с 40 до 151 лева ⁸. Улучшилось пенсионное обеспечение трудящихся.

Больших успехов добился болгарский народ в развитии науки и культуры. В стране произошла подлинная культурная революция. До освобождения примерно одна пятая населения была неграмотной. На многочисленных курсах около 1 млн человек обучилось грамоте, и к середине 50-х годов неграмотность была практически ликвидирована. В стране было введено всеобщее и бесплатное обязательное восьмилетнее обучение. Значительные результаты достигнуты в развитии высшего образования. В буржуазной Болгарии насчитывалось всего 5 высших учебных заведений. В 1977—1978 гг. их было 29. Количество студентов в них возросло с 10 тыс. в довоенный период до 97,1 тыс. человек в 1977—1978 гг.

Существенные результаты достигнуты в идеологической области — в преодолении остатков буржуазной идеологии, в утверждении научного, марксистско-ленинского мировоззрения, формировании социалистического образа жизни. В стране сложилось и окрепло социалистическое сознание, под умелым руководством БКП одержана важная победа в укреплении морально-политического единства народа. В настоящее время болгарский народ борется за выполнение решений XI съезда БКП, поставившего большие задачи по дальнейшему подъему материального благосостояния трудящихся, динамичному и пропорциональному развитию народного хозяйства, быстрому повышению производительности труда, эффективности производства и качества продукции.

В области внешней политики Болгария последовательно проводит курс на укрепление позиций мирового социализма, в защиту и упрочение мира, на развитие добрых отношений и сотрудничества со всеми народами земли.

За годы, истекшие после освобождения от монархо-фашизма, НРБ стала важным фактором мира и социального прогресса, завоевала видное положение на международной арене. Болгария является активным членом ООН с 1955 г., участвует во многих международных организациях.

Болгария — уважаемый и равноправный член социалистического содружества. С момента основания входит в состав Совета Экономической Взаимопомощи, Организации Варшавского Договора и многих других организаций социалистических стран.

В своей внешней политике Болгария уделяет большое внимание укреплению дружбы и сотрудничества со странами содружества. На XI съезде БКП Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ Тодор Живков отмечал: «Со времени возникновения мировой социалистической системы Болгарская коммунистическая партия всегда при-

⁶ «Статистический ежегодник стран — членов СЭВ», с. 173, 196.

⁷ Там же, с. 50—51.

⁸ «Статистически годишник на Народна република България», София, 1975, с. 70; «Статистический ежегодник стран — членов СЭВ», с. 404.

давала первостепенное значение взаимоотношениям Народной Республики Болгарии с братскими социалистическими странами»⁹. Свои отношения со странами содружества Болгария строит на принципах социалистического интернационализма. Она выступает за коллективную защиту социалистических завоеваний, умело сочетает интернациональные и государственные интересы, интернационализм и патриотизм, борется за укрепление единства и сплоченности социалистических стран. Она связана договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи со всеми европейскими странами содружества. Болгария поддерживает тесные экономические связи со странами содружества, на которые в 1977 г. приходилось 78% ее внешнего товарооборота. Она активно выступает за расширение и углубление социалистической экономической интеграции, принимает участие в международном социалистическом разделении труда, в специализации и кооперировании производства, в координации народнохозяйственных планов, в совместном строительстве предприятий.

Весьма широким и плодотворным является экономическое сотрудничество Болгарии с Советским Союзом. На X съезде БКП Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ Т. Живков сказал, что «дружба с великим братским Советским Союзом» является для Болгарии основой ее «существования и развития как независимого и успешно развивающегося социалистического государства»¹⁰.

В огромной созидательной работе по строительству социалистического общества болгарский народ постоянно ощущает политическую и экономическую поддержку СССР, внимательно изучает опыт КПСС. При техническом содействии СССР были построены, строятся или будут построены в соответствии с контрактами по состоянию на 1 I 1978 г. 309 промышленных предприятий, из которых 178 уже введены в строй.

На предприятиях, в строительстве которых СССР принимал участие, производится 80% всей продукции болгарской промышленности, в том числе 95% черных и цветных металлов, 80% продукции нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, 70% электроэнергии, 55% химической продукции, 100% фосфорных удобрений и т. д.¹¹ Советский Союз передал Болгарии безвозмездно свыше 7000 комплектов технической документации. В свою очередь Болгария вносит ценный вклад в расширение сырьевой и топливно-энергетической базы на территории СССР. В частности, она участвовала и участвует в строительстве газопровода «Союз», Усть-Илимского целлюлозно-бумажного комбината, Кiemбаевского асбестового комбината, заводов ферросплавов и других, предоставляя кредиты, оборудование и рабочую силу.

Быстрыми темпами развивается советско-болгарская торговля. В 1976—1980 гг. ее оборот составит около 24 млрд руб.

Болгария в широких масштабах сотрудничает с Советским Союзом и другими социалистическими странами в научной области — в исследовании атомного ядра, в сфере физики низких температур, в изучении Антарктиды и т. п. В апреле 1979 г. впервые болгарский гражданин, майор Г. Иванов полетел в космос вместе с советским космонавтом Н. Н. Рукавишниковым. Советский Союз оказывает Болгарии большую помощь в подготовке ее национальных кадров. Уже в 1946 г. первые болгарские студенты прибыли на учебу в СССР. А всего с 1946 по 1976 г.

⁹ «XI конгрес на Българската комунистическа партия. Доклади и решения». София, 1976, с. 10.

¹⁰ «Десети конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол». София, 1976, с. 23.

¹¹ А. Н и к о л ь с к и й. Советско-болгарское братство и сотрудничество. «Мировая экономика и международные отношения», 1978, № 3, с. 78.

советские вузы закончили большое число болгарских граждан и многие из них защитили в СССР кандидатские и докторские диссертации.

Болгарская общественность высоко оценивает сотрудничество НРБ с Советским Союзом. «Без огромной всесторонней помощи и поддержки Советского Союза, — говорил Т. Живков, — мы не смогли бы за такой короткий исторический срок ликвидировать вековую отсталость нашей страны, успешно решить вопросы переходного периода от капитализма к социализму в Болгарии...»¹².

Тесными и дружественными являются отношения Болгарии и с другими социалистическими странами. По иному сложились отношения с Китаем, руководители которого о по существу порвали с марксизмом-ленинизмом и проводили на международной арене глубоко враждебный странам содружества реакционный курс. Народная Республика Болгария неизменно подчеркивала, что стремится к улучшению отношений с китайским народом. Вместе с тем она считает своим интернациональным долгом вести решительную борьбу против антисоциалистических теорий и действий пекинского руководства. В докладе на XI съезде БКП Т. Живков сказал по этому поводу: «Политика и идеология нынешнего китайского руководства глубоко враждебны марксизму-ленинизму, коммунистическим идеалам. Наша партия считает своим долгом всемерно участвовать в борьбе против маоизма, за его политический и идейный разгром»¹³.

Отношения с капиталистическими странами Болгария, как и другие социалистические государства, строит на принципах мирного сосуществования. Она поддерживает политические, экономические и культурные связи со многими странами Запада. Большой вклад вносит Болгария в укрепление доверия и взаимопонимания, дружественных, добрососедских отношений с балканскими капиталистическими государствами — Грецией и Турцией.

Болгария оказывает всевозможную поддержку национально-освободительным движениям, всем странам и народам, борющимся за свою политическую и экономическую независимость. Она активно содействовала принятию в 1963 г. ООН Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Болгария участвует в «Комитете 24» по деколонизации, входит в комиссию по правам человека при ООН. Она является автором и соавтором многих предложений, направленных на ликвидацию колониализма, расовой дискриминации, апартеида и т. д.

Болгария проводит общую линию социалистического содружества на развитие дружбы и сотрудничества с развивающимися странами. Она оказывает значительную экономическую помощь развивающимся странам, предоставляет им кредиты, поставляет оборудование и техническую документацию для строящихся при ее содействии объектов, командировует специалистов для участия в монтаже и наладке оборудования, способствует подготовке национальных кадров в этих странах.

В октябре 1978 г. Т. Живков посетил с дружественным визитом ряд африканских стран, в том числе Нигерию, Анголу, Мозамбик, Эфиопию, Народную Демократическую Республику Йемен. В ходе визита были подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве с Анголой и Мозамбиком, декларации о развитии дружбы и сотрудничества с Эфиопией и НДРЙ, Протокол о сотрудничестве между БКП и Фрелимо (Мозамбик), экономическое и культурное соглашения с Эфиопией.

НРБ активно участвует в совместной разработке и координации внешнеполитической линии братских стран на заседаниях Политического Кон-

¹² «Работническо дело», 12 XI 1972.

¹³ «XI конгрес на Българската комунистическа партия...», с. 22.

сультативного Комитета Организации Варшавского Договора, совещаниях секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий, заседаниях министров иностранных дел стран — участниц Варшавского Договора и в других международных форумах.

Болгария вносит большой вклад в дело борьбы за упрочение мира, за обеспечение коллективной безопасности, за разрядку и разоружение. В Болгарии пропаганда войны запрещена законом и рассматривается как тяжкое преступление. В статье 63 § 2 Конституции НРБ указывается: «Подстрекательство к войне и пропаганда войны запрещаются и караются законом, как тяжкие преступления против мира и человечества»¹⁴. Представители болгарской общественности участвуют в движении сторонников мира и входят в состав Всемирного Совета Мира с момента его основания в 1950 г.

Вместе с другими социалистическими странами Болгария выдвинула огромное количество предложений, направленных на обеспечение мира, разоружение, на прекращение гонки вооружений. Болгарский народ горячо приветствовал и полностью одобрил советскую программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятую на XXV съезде КПСС. На XI съезде БКП Т. Живков торжественно заявил, что «Болгарская коммунистическая партия и Народная Республика Болгария, все мы безоговорочно поддерживаем эту программу и воспринимаем ее как свою собственную»¹⁵.

Болгария вносит свой вклад в справедливое дело борьбы арабских народов против израильской агрессии, выступает за вывод всех израильских войск с оккупированных в 1967 г. арабских территорий, за право арабского народа Палестины на создание своей государственности, представляет арабским странам материальную помощь.

Болгария решительно поддерживает правое дело народов Юга Африки, выступает за передачу всей власти в Родезии народу Зимбабве, за предоставление подлинной независимости Намибии, незаконно оккупированной властями ЮАР, за ликвидацию апартеида и дискриминации черного населения в самой ЮАР. Болгария подвергла острому осуждению вероломное нападение Китая на социалистический Вьетнам, оказывает вьетнамскому народу широкую политическую и экономическую поддержку в его справедливой борьбе в защиту суверенитета страны, за развитие своей экономики.

За 35 лет свободного существования Болгария достигла больших высот в экономическом, научно-техническом, культурном развитии. Ныне болгарский народ упорно трудится, чтобы построить развитое социалистическое общество, создать мощную материально-техническую базу социализма, ведет созидательную работу по дальнейшему развитию социалистического образа жизни, совершенствованию нравственных устоев общества. Решение этих задач открывает перед болгарским народом новые широкие горизонты, еще более светлые перспективы.

Советские люди с большим интересом следят за быстрым экономическим, научно-техническим и культурным развитием братской Болгарии, радуются ее действительно выдающимся успехам, как своим собственным, искренне желают болгарскому народу новых больших достижений в социалистическом строительстве, в дальнейшем сближении Болгарии с Советским Союзом, в укреплении великой и нерушимой советско-болгарской дружбы.

Построение социалистического общества в Болгарии, ее успехи в развитии экономики, науки, культуры имеют большое международное значе-

¹⁴ «Конституция Народной Республики Болгарии». София, 1971, с. 22.

¹⁵ «XI конгрес на Българската комунистическа партия...», с. 20.

ние. Они подтвердили еще раз всемирно-историческое значение советского опыта, показали, что он имеет, как и предвидел В. И. Ленин, не национальное, не русское только, а всеобщее, интернациональное значение, что закономерности социалистической революции, открытые В. И. Лениным и подтвержденные Великим Октябрем, испытанные в ходе социалистического строительства в СССР, действительны для всех стран, вступивших на путь социализма. В решении Политбюро ЦК БКП в феврале 1977 г. говорится: «Все наши успехи в строительстве социализма являются убедительным подтверждением жизненной силы бессмертных идей марксизма-ленинизма, дела и идей Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁶.

Народная Республика Болгария широко использовала советский опыт во всех областях социалистического строительства, что значительно облегчило ей быстрое и успешное продвижение вперед. Т. Живков говорил, в частности, что болгарский народ глубоко благодарен советским братьям «за сокровищницу бесценного исторического опыта, из которой он черпает повседневно полными пригоршнями»¹⁷. При этом Болгарская коммунистическая партия сама вносила немалый вклад в дальнейшую разработку теории и практики социалистического строительства, обогащая, таким образом, опыт борьбы за социализм. Так, например, болгарским коммунистам принадлежит определенная заслуга в разработке вопроса о народной демократии как форме диктатуры пролетариата; созданием Отечественного фронта ими была реализована идея Г. Димитрова и других марксистов о едином народном антифашистском фронте; была найдена одна из удачных форм укрепления союза рабочего класса и крестьянства, выражением которой явилось братское содружество Болгарской коммунистической партии и Болгарского земледельческого народного союза; кооперирование сельского хозяйства в Болгарии ввиду сложившихся в нем специфических особенностей и традиций в землепользовании было осуществлено без национализации земли и т. д.

Опыт Болгарии, как и других стран содружества, оказывает большое влияние на развивающиеся страны, убедительно свидетельствует о том, каких успехов может добиться даже малая страна, совершившая исторический поворот от капитализма к социализму, указывает этим странам путь к избавлению от отсталости и нищеты.

В недалеком будущем болгарский народ будет отмечать 1300-летие своего государства. Не будет преувеличением сказать, что сравнительно краткий период после 9 сентября 1944 г. был самым выдающимся и самым важным по своим результатам за всю многовековую историю страны. Путь, пройденный республикой в социально-экономическом и культурном развитии, — сказал член Политбюро ЦК БКП Г. Филипов, — равен по своим масштабам и значению целой эпохе.

¹⁶ «Работническо дело», 25 II 1977.

¹⁷ Т. Ж и в к о в. Единство на основе марксизма-ленинизма. София, с. 513—514.

В. И. ПРИБЫЛОВ

СОЗДАНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ И ПОЛЬША

Одним из важнейших элементов в системе международных отношений межвоенного двадцатилетия была деятельность Лиги Наций.

Создание этой международной организации на Парижской мирной конференции в 1919 г. преследовало вполне определенную цель — закрепление нового передела мира в пользу держав Антанты. При этом каждая из держав-победительниц рассчитывала использовать ее в своих целях, связывая с будущей деятельностью Лиги реализацию тех или иных своих планов.

Польша являлась одним из государств — учредителей Лиги Наций. С самого начала своего существования польское буржуазное государство было включено в Версальскую систему международных отношений как ее составной элемент. Концепция двух врагов Польши — Германии и революционной России, усиленно культивировавшаяся правящими кругами, побуждала их видеть гарантию существования независимого польского государства в сохранении и укреплении этой системы и предполагала активное сотрудничество с Лигой Наций. К тому же существовал ряд вопросов (Гданьск, проблема национальных меньшинств), которые в силу заключенных договоров требовали от Польши участия в работе Женевской организации. При сложном переплетении в период между двумя мировыми войнами экономических и политических интересов различных стран Лига Наций с самого начала своего существования столкнулась с множеством вопросов, требовавших немедленного разрешения. В связи с этим форумы Лиги, различные ее учреждения, комиссии и комитеты превратились в арену острой дипломатической борьбы между отдельными государствами и группами государств. Деятельность Лиги явилась как бы зеркалом, в котором отражались вся сложность и противоречивость событий в мире.

Учитывая широкий диапазон международных проблем, который охватывала деятельность Лиги Наций, можно утверждать, что анализ польской политики, проводившейся в этой организации и по отношению к ней, позволяет выявить основные аспекты деятельности польской дипломатии в межвоенное двадцатилетие.

Первая мировая война и Октябрьская революция в России оказали огромное влияние на ход мировой истории. Совершенная рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством пролетарская революция, являясь закономерным результатом развития капиталистической системы, углубила начавшийся в период первой мировой войны общий кризис капитализма, до основания потрясла систему империализма и серьезно ослабила ее. Внося коренные изменения в расстановку сил на международной арене, Октябрьская революция явилась одним из важнейших факторов, под

влиянием которых сложилась система международных отношений в послевоенной Европе.

Характеризуя природу первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»¹. Война закончилась поражением Германии и ее союзников. Державам Антанты и Соединенным Штатам необходимо было закрепить свою победу. Этой цели должна была служить мирная конференция, работа которой началась 18 января 1919 г. в Париже. Для правительств Англии и Франции характер будущего мирного договора был определен уже задолго до открытия конференции. В нем должны были воплотиться те захватнические устремления держав-победительниц которые вынашивались ими в предвоенные десятилетия и затем нашли свое выражение в программах и тайных соглашениях, заключенных державами Антанты во время войны. Поэтому очень скоро были отброшены в сторону те демократические лозунги, которыми буржуазные политики размахивали во время войны. Внимательно следя за подготовкой мирного договора, В. И. Ленин еще в ноябре 1918 г. писал: «Если до сих пор надеялись, что англичане, французы и американцы, это — настоящая демократия, если до сих пор сохранилась эта иллюзия, то теперь мир, который они дают Австрии и Германии, разоблачает эту иллюзию полностью»². Мирный договор, по мысли английских и французских политиков, должен был юридически оформить то соотношение сил на международной арене, которое сложилось после поражения германского империализма. При этом, разумеется, каждая из союзниц, и Англия, и Франция, рассчитывали обеспечить себе наибольшие преимущества. К этому же стремились и Соединенные Штаты. К концу войны положение США в кругу мировых держав резко изменилось. Из страны-должника Соединенные Штаты превратились в страну-кредитора. «Американские миллиардеры, — писал В. И. Ленин, — были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны»³. Тем не менее молодому американскому империализму предстояло еще утвердиться на мировой арене.

Правящие круги США знали о тайных договорах, заключенных державами Антанты во время войны, и понимали, что ни Англия, ни Франция добровольно не откажутся от своих планов и постараются провести их в жизнь на мирной конференции⁴. Президент США В. Вильсон был полон решимости не допустить этого. Руководимая им американская дипломатия ставила своей целью завоевание ключевых позиций в мировой политике и строила в этом направлении далеко идущие планы. Ярким выражением этой тенденции явились знаменитые 14 пунктов Вильсона, с которыми американский президент выступил как раз в тот момент, когда в Советской России началась публикация тайных договоров, заключенных царским и Временным правительством с державами Антанты⁵. Этот шаг Вильсона

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 1.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 216.

³ В. И. Ленин. Там же, с. 50.

⁴ С. Беккер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923, с. 307.

⁵ Текст программы Вильсона см. Ю. В. Ключников, А. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях, ч. II. М., 1926, с. 108—110.

был продиктован двумя причинами. Во-первых, политическим деятелям Европы и Америки необходимо было нейтрализовать эффект, вызванный публикацией тайных договоров, которые раскрывали истинные цели войны. Во-вторых, необходимо было противопоставить хоть что-нибудь Декрету о мире Советского правительства, который решительно отвергал политику грабежа и насилия на международной арене.

Мировая пресса превозносила «демократический характер» программы Вильсона, которая фактически была программой американской экспансии. Однако империалистическая сущность этой программы была тщательно замаскирована демократической и пацифистской фразеологией. Первый пункт, призывавший ликвидировать тайную дипломатию, был явно нацелен против соглашений Англии и Франции о разделе будущей добычи, заключенных без участия США. «Демократические» принципы о свободе морей и свободе торговли в случае их принятия создали бы весьма выгодные условия для экономической и военно-политической экспансии американского империализма⁶. Что касается пункта 14, в котором говорилось о необходимости создания международной организации, объединяющей государства, то она, как отмечалось в Манифесте II конгресса Коминтерна, нужна была американскому империализму прежде всего для того, чтобы «прикрепить к своей золотой колеснице народы Европы и других частей света, обеспечив над ними управление из Вашингтона»⁷. Лига Наций «должна была осуществлять вильсоновскую империалистическую программу мира»⁸.

Впервые официально Вильсон высказался в поддержку образования Лиги Наций в мае 1916 г. на собрании американской «League to enforce peace» — организации, ставившей своей целью разработку норм послевоенного сотрудничества между государствами. В сентябре и октябре того же года идею Лиги поддержали глава французского правительства А. Бриан и британский министр иностранных дел лорд Грей; в ноябре за ними последовал германский канцлер Т. Бетман-Гольвег. Как оказалось впоследствии, каждый из них по-своему понимал форму и задачи будущего объединения. После речи Вильсона в Сенате (22 января 1917 г.) идея Лиги Наций получает широкое распространение.

Хотя к началу Парижской мирной конференции идея образования Лиги Наций не имела явных противников, тем не менее правящие круги Англии и Франции не собирались содействовать всем планам американского президента. Один из ближайших помощников Вильсона на мирной конференции С. Беккер писал по этому поводу: «Лига им не была по душе и больше всего им не хотелось признать ее условием мирного договора. Кроме того, некоторые пункты вильсоновской программы нагнали на них ужас; их страшило, например, что президент требует для всех бывших германских колоний системы управления на основании мандатов. Это положение тревожило особенно сильно Англию и Японию, которые хотели поделить между собой как военную добычу немецкие колонии в Тихом океане и в Африке»⁹.

С момента прибытия в Европу Вильсон настойчиво рекомендовал рассмотреть прежде всего вопрос о Лиге Наций, однако, это предложение вначале не встретило поддержки в Совете Десяти. Руководители Антанты опасались, что принятие Устава Лиги может затруднить реализацию их программ по территориальным, финансовым и колониальным вопросам. Что

⁶ Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 503.

⁷ «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 140.

⁸ Б. Е. Штейн. Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949, с. 11.

⁹ С. Беккер. Там же, с. 272.

касается вопроса о включении положения о Лиге Наций в общий мирный договор, на чем настаивал президент, то он оставался нерешенным вплоть до 25 января. Лишь непосредственно перед пленарным заседанием конференции, после ряда неофициальных совещаний, было достигнуто соглашение о включении статута Лиги в текст будущего мирного договора. 25 января 1919 г. на пленарном заседании была принята резолюция мирной конференции о Лиге Наций¹⁰, в которой подчеркивалось, что «Лига должна быть создана как нераздельная часть всеобщего мирного договора»¹¹. В комиссию, представляющую «объединенные правительства для выработки в деталях конституции и функций Лиги», должны были войти по два представителя великих держав (США, Франции, Великобритании, Италии, Японии) и пять представителей от так называемых «держав с ограниченными интересами». 27 января в комиссию были избраны представители Бельгии, Бразилии, Китая, Португалии и Сербии.

Передавая вопрос о Лиге Наций в комиссию, дипломатия Франции и Англии надеялась надолго снять его с повестки дня, «тем самым они развязывали себе руки и получали возможность по своему желанию кроить мир в тайном совете великих держав»¹². Чтобы замедлить работу комиссии, ее постарались сделать как можно более многочисленной. «Те же самые Клемансо, Ллойд Джордж и Сонино, которые так страстно настаивали на исключении мелких наций из совещаний по поводу условий мирного договора, вдруг потребовали, чтобы те же самые мелкие народности были привлечены для составления положения о Лиге Наций»¹³. Видя, что работу комиссии хотят затруднить, Вильсон заявил, что берет на себя председательствование в ней. В те дни президент США был чрезвычайно популярен. Буржуазная пресса на все лады превозносила Вильсона, изображая его борцом за мир, который в действительности был «идолом мещан и пацифистов»¹⁴.

Первое заседание комиссии, призванной подготовить проект статута Лиги Наций, состоялось 3 февраля 1919 г. По месту ее пребывания комиссия получила впоследствии название «Комиссия отеля Крийон». В ее состав входили, кроме Вильсона, полковник Э. М. Хауз (США), Л. Буржуа и проф. Ф. Лярнод от Франции, лорд Р. Сессил и генерал Я. Сметс от Великобритании, В. Э. Орландо и сенатор А. Шалоджа от Италии, барон Маккино и виконт Шинда от Японии. Кроме того, в комиссию вошли П. Гиманс (Бельгия), Пессона (Бразилия), Велингтон Ку (Китай), Ж. Батала Рейш (Португалия) и М. Веснич (Королевство сербов, хорватов и словенцев). Впоследствии на третьем заседании комиссии, состоявшемся 5 февраля, в ее состав были введены Э. Вензелос (Греция), К. Диаманди (Румыния), К. Крамарж (Чехословакия) и Р. Дмовский (Польша).

Позицию польской делегации по отношению к планам создания Лиги Наций выразил Дмовский в своем выступлении на пленарном заседании конференции 25 января. «Я, — заявил польский делегат, — поднимаюсь не только для того, чтобы поддержать проект резолюции, но и для того, чтобы выразить глубокую благодарность за эту благородную инициативу... Если бы у нас была подобная организация, которая предлагается сегодня и которая дала бы международные гарантии мира, мы бы не оказались в такой опасной ситуации. Я выражаю признательность от имени страны, которая, возможно, более чем другие нуждается в международных гарантиях мира и которая будет приветствовать Лигу Наций с величайшим

¹⁰ «Архив полковника Хауза», т. IV. М., 1944, с. 227.

¹¹ Там же.

¹² С. Беккер. Там же, с. 272.

¹³ Там же, с. 262.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 224.

энтузиазмом»¹⁵. Следует отметить, что идея создания Лиги Наций нашла в Польше многочисленных сторонников. Газеты печатали восторженные статьи, восхваляя Вильсона и превознося его идеи. Консервативный краковский «Час» писал в статье, озаглавленной «Настоящий святой союз»: «...мы являемся свидетелями реализации новой, поворотной в мировой истории мысли; то, о чем мечтали мыслители прошлого от Данте до Канта, осуществить дано было Вильсону... То, что дипломатия пяти великих держав и нескольких других государств подготавливает в настоящее время в качестве фундамента будущего мира, во многих отношениях обещает быть положительным, истинно благословенным, если не святым союзом»¹⁶. «Для охраны и защиты прав всех народов, больших и малых, сильных и слабых, должен быть образован Союз народов, обладающий полноправными исполнительными органами, который на основе права разрешал бы все международные споры», — писал орган ППС «Напшуд»¹⁷. Появлялись в польской печати и отдельные статьи, в которых делалась попытка определить характер и задачи будущей организации, выдвигались конкретные предложения по вопросам ее структуры и формы деятельности. Так, еженедельник «Пшеглёйд дыпломатычны» поместил статью, озаглавленную «Заметки о Союзе Наций», в которой говорилось: «Он (Союз Наций. — В. П.) должен иметь власть законодательную, власть исполнительную и обладать правом судопроизводства. Это был бы союз отдельных государств, в начале не слишком централизованный, постепенно все более тесный, чтобы когда-нибудь в будущем превратиться в союзное государство, наподобие Соединенных Штатов Северной Америки»¹⁸. При этом отмечалось, что будущий союз должен иметь «достаточную исполнительную силу» и указывались средства: «Из материальных репрессий на первом плане должна стоять не организация международных вооруженных сил, так как использование военной силы было бы последним аргументом в случае безуспешного применения всех предупредительных мер, на первом плане должен стоять целый ряд средств экономического воздействия, которые в настоящее время во многих отношениях являются таким сильным оружием, что считаются с ним вынуждены будут даже перворазрядные государства. К таким средствам принадлежат: закрытие кредитов, закрытие границ для торговли и коммуникации, прекращение связи (почта, телеграф), валютные репрессии и т. д. В случае безуспешности всех этих средств всегда остается возможность использования силы как „ultimum remedium“, однако, для этого пока не требуется создавать отдельной международной армии, достаточно будет использовать соответствующим образом вооруженные силы отдельных государств»¹⁹. В статье признавалась целесообразность создания «Международного военного совета, как одного из органов Союза Наций»²⁰. Сами по себе предложения не содержали чего-либо принципиально нового. Положения о репрессиях (экономических и военных) против государства, нарушившего Устав Лиги, предлагались и ранее²¹.

¹⁵ «Paris Peace Conference. Foreign Relations of the United States», t. III. Washington, 1943, p. 186—187.

¹⁶ «Czas», 2 III 1919.

¹⁷ «Naprzód», 5 II 1919.

¹⁸ E. Ś t a r c z e w s k i. Uwagi o Związku Narodów. «Przegląd dyplomatyczny», 1919, № 2, s. 60.

¹⁹ Ibid., s. 62.

²⁰ Ibid.

²¹ В частности, пункт 3 программы «Лиги общества наций», образованной в Лондоне в 1915 г., предлагал немедленное объединение всех государств — членов Лиги в целях совместного военного или иного выступления, если кто-либо из них нарушает договор о Лиге. Подобные положения имелись и в программе-минимум «Центральной организации в пользу прочного мира», образованной на пацифистской конференции в Гааге 7 апреля 1915 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что в программе отвергалась идея о создании международной армии и в то же время признавалась необходимость образования международного военного совета. Положение о международной армии либо о международном военном совете являлось одним из основных элементов французской концепции Лиги Наций. Против этого решительно выступали США и Великобритания. К тому времени уже существовал целый ряд проектов будущего объединения, разработанных отдельными правительствами и общественными организациями. Подготовили свои проекты Швейцария, Италия, Германия. Совместный проект разработали Дания, Швеция и Норвегия.

Французский проект (автором его был Л. Буржуа), исходя из того, что к концу войны Франция обладала наиболее многочисленной и сильной сухопутной армией, предусматривал создание при Лиге Наций постоянной международной армии во главе с командующим и постоянным генеральным штабом. Эти вооруженные силы должны были бы состоять в основном из французских контингентов и, разумеется, служили бы прежде всего политическим интересам Франции. Ввиду того, что Франция более других держав имела основания опасаться повторения германской агрессии, французский проект предусматривал детально разработанную систему мер воздействия на агрессора, предполагавшую разрыв дипломатических отношений, денежные штрафы, блокаду, захват судов агрессивного государства и финансовый бойкот. В этом отношении французский проект придерживался традиции и методов мирных гаагских конференций²².

Однако проект, легший в основу статута Лиги Наций, был в основном результатом компромисса между проектом, представленным британской делегацией, и проектом президента Вильсона. Британское правительство еще в 1917 г. приступило к разработке проекта будущей международной организации. В марте 1918 г. комиссия министерства иностранных дел Великобритании под руководством лорда Филлимора подготовила проект Лиги Наций, который в июне того же года был послан Вильсону. Британский проект в своей основе избегал даже видимости образования союза государств с известной долей централизации верховной власти²³. Он предполагал скорее дипломатический союз, имевший целью регулировать международные конфликты посредством арбитража. Вильсон направил полученный проект полковнику Хаузу, руководившему в США подготовительными работами к мирной конференции, с просьбой представить свои замечания. Следует отметить, что Хауз был горячим сторонником идеи Лиги Наций и сыграл немаловажную роль в ее создании. Еще до того, как Вильсон направил ему британский проект, Хауз усиленно работал над проблемой Лиги. В течение зимы 1917—1918 гг. он вел переговоры с наиболее видными сторонниками Лиги в Соединенных Штатах — бывшим президентом У. Х. Тафтом и сенатором Рутом относительно основных элементов структуры будущей международной организации. Хауз состоял также в переписке с одним из виднейших поборников Лиги в Англии лордом Р. Сессилем.

13 июля 1918 г. Хауз приступил к составлению проекта Устава Лиги Наций, 16 июля он представил его президенту²⁴. В письме Вильсону Хауз сообщил, что его проект был «написан независимо от присланного Вами (т. е. Вильсоном. — В. П.) британского устава (доклад Филлимора). По окончании работы мы сравнили оба проекта и включили целиком некоторые

²² Текст французского проекта см. D. H. Miller. The Drafting of the covenant, v. II. New York — London, 1928, p. 403—411.

²³ Д. Л о й д Д ж о р д ж. Правда о мирных договорах, т. I. М., 1957, с. 518.

²⁴ «Архив полковника Хауза», с. 22—28.

статьи из британского проекта. По-моему, британский документ совершенно не отвечает требованиям ситуации»²⁵.

Проект Лиги Наций, представленный Хаузом, предусматривал создание международной организации, имеющей постоянный секретариат (в английском проекте говорилось только о комиссиях для изучения вопросов), регулирование международных споров путем арбитража, применение дипломатических, финансовых и экономических мер против государства, нарушившего Устав Лиги, учреждение международного суда. Проект Хауза состоял из 23 статей, 18 из них Вильсон использовал затем в своем первом проекте. Интересен факт, что Вильсон отрицательно отнесся к идее создания международного суда и не включил этот пункт в свой проект, только в Париже президент согласился на включение этого положения в текст Устава. Напротив, идея арбитража получила полную поддержку Вильсона, равно как и положение о санкциях, к которым он добавил еще и военные.

Вильсон сделал поправки в проекте Хауза, сократив его до 13 статей. В Париже он продолжил работу над Уставом Лиги Наций. Здесь Вильсон дополнил проект положением о мандатных территориях и пунктом о создании Совета Лиги Наций. Тогда же в проект Устава была внесена статья о предоставлении так называемыми новыми государствами равноправия расовым и религиозным меньшинствам, подлежащим их юрисдикции²⁶. Именно эта статья, впоследствии не включенная в Устав Лиги, послужила основой для Трактата об охране национальных меньшинств, подписанного Польшей с великими державами.

Еще одно добавление, сделанное Вильсоном в Париже, составляла статья 8, объявлявшая «дружественным правом каждого из государств обращать внимание собрания делегатов на любые обстоятельства, где бы они ни имели места, угрожающие нарушить международный порядок или же доброе согласие между государствами, от которого зависит мир»²⁷. Впоследствии сущность этой статьи нашла свое отражение в статье 11 окончательного текста Устава.

Президент ознакомил со своим вторым проектом членов американской делегации на конференции Р. Лансинга, генерала Т. Х. Блисса и Д. Х. Миллера. На основе их замечаний Вильсон приступил к новой переделке проекта Устава, законченной им к 20 января. Так появился его третий (второй парижский) вариант Устава²⁸.

К этому же времени Вильсону был вручен проект Лиги, подготовленный британской делегацией²⁹. Английский проект несколько отличался от вильсоновского. Он, в частности, не включал представителей малых стран в Совет Лиги, не предусматривал системы мандатов, содержал пункт о международном суде, устанавливал отдельное представительство в Лиге британских доминионов и Индии.

В результате частных совещаний между членами американской и английской делегаций, которые имели место уже после принятия официальной резолюции конференции о Лиге Наций, 31 января было принято решение согласовать оба проекта. Эта работа была в течение двух дней проделана Миллером со стороны США и Хэрстом со стороны Великобритании. Получившийся в результате проект был принят 3 февраля 1919 г. комиссией по выработке Устава Лиги Наций в качестве основы для рас-

²⁵ Там же, с. 19.

²⁶ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały», t. III. Warszawa, 1968, s. 240.

²⁷ Текст второго проекта Вильсона см. D. H. Miller. Ibid., v. II, p. 65—93.

²⁸ Текст третьего проекта см. Ibid., p. 98—105.

²⁹ Текст британского проекта Лиги см. Ibid., p. 106—116.

смотрения. В промежуток между 25 января, когда мирная конференция приняла резолюцию, утвердившую принципы Лиги Наций, и первым заседанием «Комиссии отеля Крийон», состоявшимся 3 февраля, между делегациями великих держав происходили многочисленные переговоры. Главная проблема возникла при обсуждении принципа мандатов. Державы Антанты были против того, чтобы Германия сохранила свои колонии, вместе с тем они не желали распространения на них мандатной системы. «Французы, по крайней мере Французское Министерство Колоний, хотели аннексировать часть Камеруна и Того, а три британские доминиона (Южно-Африканский Союз, Австралия и Новая Зеландия.— В. П.) были заинтересованы в том, чтобы аннексировать Немецкую Юго-Западную Африку, Новую Гвинею и Самоа»³⁰.

Между тем, еще на пути в Европу во время беседы с группой американских экспертов по экономическим и территориальным вопросам, которая состоялась 10 декабря 1918 г. на борту парохода «Джордж Вашингтон», Вильсон заявил по поводу колоний: «...германские колонии должны быть объявлены общей собственностью Лиги Наций и управляться малыми государствами. Естественные богатства всех колоний должны быть доступны всем членам Лиги...»³¹. Американские монополии не собирались «дарить» своим европейским конкурентам обширные источники сырья и рынки сбыта, которыми являлись бывшие германские владения. Открытое требование своей доли показало бы всему миру истинную сущность американских «благих намерений», поэтому правительству США представлялось весьма удобным, отдав эти территории в управление малым странам под флагом Лиги Наций, обеспечить американским монополиям доступ к ним. Однако в этом вопросе Вильсон встретил упорное сопротивление британской, французской и японской делегаций. Даже защитник принципа мандатов Я. Х. Смэтс, предлагавший распространить это положение на территории, входившие в состав Австро-Венгрии, царской России и Турции, не торопился применить его к германским колониям. Но президент упорствовал. Тогда французы и англичане, согласовав свои действия, усилили нажим. Хауз записал в своем дневнике 28 января 1919 г.: «Он (Вильсон.— В. П.) очень обеспокоен оборотом, который приняли дела сегодня днем. Французы и англичане требуют, чтобы в случае распространения Лигой Наций принципа мандатов на германские колонии это было бы совершенно немедленно и чтобы соответствующие державы были назначены сейчас, а не потом»³². С большим трудом Вильсону удалось провести в жизнь свой план, хотя от идеи передачи этих территорий под управление малых государств пришлось отказаться. Член американской делегации государственный секретарь Р. Лансинг позже объяснял, какой довод при этом сыграл решающую роль. Доказывалось, что если бы германские колонии были просто аннексированы, то немцы могли бы потребовать включения их стоимости в счет погашения контрибуции; мандатный же принцип позволял отобрать у Германии колонии без всякой компенсации³³. Таким образом, было принято решение о включении в будущий Устав Лиги положения о подмандатных территориях, которое впоследствии нашло свое отражение в статье 22 окончательного текста Устава Лиги Наций.

Комиссия по выработке статута Лиги Наций заседала с 3 по 13 февраля. Всего за этот период она провела 10 заседаний. Наиболее существенные разногласия во время обсуждения проекта Устава Лиги вызвали пункты о

³⁰ D. H. Miller. Ibid., v. I, p. 103.

³¹ «Архив полковника Хауза», с. 220.

³² Там же, с. 231.

³³ «История дипломатии», т. III. М., 1965, с. 146.

представительстве малых стран в Совете, о вооружениях и о создании международных вооруженных сил.

3 февраля, на втором заседании комиссии, представитель Бразилии выступил с требованием предоставить делегатам малых стран «достаточное» количество мест в Совете Лиги, указывая, что в противном случае «...все решения будут приниматься великими державами. Стало быть, — заявил бразильский делегат, — речь идет не об органе Лиги Наций, а об органе „Пяти наций“, своего рода трибунале, которому всему миру остается подчиняться. Гг. Гиманс (Бельгия), Веснич (Сербия), Ку (Китай), Пессона (Бразилия), Батала Рейш (Португалия) настаивают на просьбе малых держав иметь достаточное представительство в Совете»³⁴. Эти требования поддержали Л. Буржуа и итальянский премьер В. Э. Орландо.

На следующем заседании, 5 февраля, дискуссия возобновилась, но ни к каким результатам не привела. Было решено оставить в протоколе место, чтобы позднее определить число представителей малых стран. Окончательное решение по этому вопросу было принято только на утреннем заседании 13 февраля, за день до пленарного заседания конференции, на котором должен был быть представлен подготовленный Устав. Малые страны получили в Совете четыре места.

6 февраля, когда обсуждался вопрос о вооружениях будущих членов Лиги, французская, британская и японская делегации единодушно выступили против критерия, определявшего численность вооруженных сил государств потребностями «внутренней безопасности». После дискуссии было принято предложение японского делегата Макино заменить выражение «внутренняя безопасность» понятием «национальная безопасность»³⁵. Эта формулировка и была включена впоследствии в окончательный текст Устава, статья 8 которого гласила: «Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением обязательств, налагаемых общим выступлением»³⁶. Задачи Совета Лиги по вопросам вооружений, согласно Уставу, сводились к подготовке планов ограничения вооружений и представлению их на рассмотрение отдельным правительствам, причем последние могли их и не принять. Таким образом, каждое государство по сути дела само определяло тот «минимум национальных вооружений», который, по его мнению, был «совместим с национальной безопасностью». Это, разумеется, открывало широкие возможности.

Французские делегаты в Комиссии по выработке Устава Лиги Наций Л. Буржуа и Ф. Лярнод добивались создания международных вооруженных сил или хотя бы международного штаба. Французская концепция Лиги с самого начала содержала в себе идею создания международной армии, без которой считала Лигу бесполезной.

Главной заботой французской дипломатии на мирной конференции было стремление создать такую политическую ситуацию на континенте, при которой было бы невозможно повторение германской агрессии на западе. «Потенциальная военная мощь республиканской Германии пугала Францию не меньше, чем мощь Германской империи»³⁷. Ввиду того, что тесный союз с Англией и Америкой стал весьма сомнительным из-за острых разногласий, выявившихся еще в период подготовки конференции, французская дипломатия решила попытаться использовать в своих целях идею Лиги Наций. Впрочем, в Париже не питали особых иллюзий по поводу

³⁴ D. H. Miller. Ibid., v. II, p. 424.

³⁵ Ibid., p. 431.

³⁶ «Версальский мирный договор». М., 1925, с. 9.

³⁷ В. М. Джордан. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1945, с. 47.

возможностей будущей организации обеспечить безопасность Франции. Клемансо в разговоре с Вильсоном открыто выражал свои сомнения. «В беседе с президентом, — записал в своем дневнике 19 декабря 1918 г. Хауз, — Клемансо выразил мнение, что следует попытаться создать Лигу Наций, но он не уверен в успехе как в отношении ее формирования, так и в отношении ее работоспособности после сформирования»³⁸.

Тем не менее французские требования создания международной армии под флагом Лиги в сочетании с противодействием принятию в эту организацию Германии превращали Лигу Наций в продолжение антигерманского союза, в котором Франция, благодаря своей военной силе, играла бы одну из первых ролей. Это не отвечало интересам ни США, ни Англии, поэтому на заседаниях комиссии развернулась ожесточенная борьба между французской делегацией, с одной стороны, и англичанами и американцами, с другой.

«В том, что касается международных вооруженных сил, речь идет не о постоянной армии, а только о военной организации, которая будет состоять из национальных воинских контингентов, с тем чтобы быстро направлять их против агрессивного государства»³⁹, — уверял на заседании комиссии 11 февраля французский делегат Буржуа. Хауз записал в этот день в своем дневнике: «Буржуа отнял много времени, требуя, чтобы мы учредили международную армию; его нельзя было заставить умолкнуть; несмотря на то, что президент не раз заявлял ему, что Соединенные Штаты никоим образом не смогут присоединиться к подобной Лиге»⁴⁰. Аналогичная ситуация повторилась и на следующем заседании, которое состоялось 13 февраля. Однако французские требования не были поддержаны другими делегатами.

14 февраля, на третьем пленарном заседании конференции, Вильсон представил готовый проект Устава Лиги Наций. «Организм, который мы предлагаем основать, имеет своей целью противодействовать войне, недоразумениям и конфликтам всякого рода, которые могут привести к ней, — возвещал президент. — Преступление побеждено. Мир более чем когда-либо понял величие права... Зародыши интриг и недоверия устранены. Люди могут посмотреть друг другу в лицо и сказать: „Мы братья и мы имеем общую цель“. Раньше мы этого не замечали, теперь мы отдаем себе в этом отчет; здесь перед нами лежит пакт братства и дружбы»⁴¹.

Вслед за Вильсоном выступили Барнс, лорд Сессил, Буржуа, Орландо, барон Макино, Венизелос. Конференция единогласно приняла резолюцию, одобряющую Устав Лиги Наций.

Утверждение мирной конференцией статута Лиги получило широкий резонанс в Польше. Крупнейшие газеты поместили сообщение об этом событии, а краковский «Час» опубликовал полный отчет своего корреспондента о пленарном заседании. Однако следует отметить, что проблема Лиги Наций не слишком занимала польскую делегацию на мирной конференции, которая главное внимание уделяла вопросам, связанным с территориальными проблемами. Р. Дмовский, входивший в состав комиссии по выработке Устава, был, пожалуй, единственным делегатом, который практически совершенно не участвовал в дискуссиях во время подготовки проекта⁴². Отсутствие интереса со стороны польской делегации к проблеме

³⁸ «Архив полковника Хауза», с. 199.

³⁹ D. H. Miller. Ibid., v. II, p. 463.

⁴⁰ «Архив полковника Хауза», с. 243.

⁴¹ «Le monde nouveau diplomatique et economique», № 6, p. 5, en: «La Conference de la paix. Paris—Versailles. Janvier—Juin 1919. Documents contemporains publiés par P. Albin». Paris, 1921.

⁴² См. протоколы заседаний комиссии: D. H. Miller. Ibid., v. II, p. 395—538.

Лиги отмечала и польская пресса. Корреспондент газеты «Час» писал по этому поводу: «Казалось бы, что наши национальные стремления могли с этой программой в высшей степени согласоваться, если бы польские делегаты сумели сделать выводы из последствий проектируемого устройства Лиги Наций, обосновать наши чаяния на ее целях... Не знаю, пробовали ли это, но во всяком случае это не достигнуто... Проект Лиги Наций не оценили и не использовали в кругах парижского комитета должным образом...., что нашло свое выражение в том, что в состав Комитета не был включен ни один ученый или политик, компетентный в области международного права. Это свидетельствует о непонимании всей значимости такой важной проблемы...»⁴³. Что касается задач Лиги Наций, то польская печать видела их прежде всего в поддержании status quo в Европе. Эту точку зрения в полной мере выразил «Дзеник повшечны»: «...время для каждого из народов, победителей в особенности, выдвигает один главный вопрос, который преобладает над всем положением, в меньшей степени и над проблемой Союза наций. Этот вопрос заключается в том, как удержать и обеспечить за собой плоды победы. Вопрос этот настолько важен, что от него зависит сама мысль и само принятие идеи Союза наций... Мы не тешим себя иллюзиями, но в то же время и не сомневаемся, что Союз наций будет именно той формой, либо предоставит новые формы гарантий того положения вещей, которое каждое государство будет желать за собой сохранить»⁴⁴.

Другая газета прямо давала определение Лиги как центра всех контрреволюционных сил, как организации, призванной бороться с революционным движением. Рассуждая о ширящейся революции, газета писала: «В таких условиях не мечтания туманного идеализма, а врожденное чувство самосохранения вынуждает все противостоящие силы, сосредотачивающиеся как бы сами по себе в одном лагере, приступить, наконец, к организации той области, в которой их уже почти опередили разрушительные факторы в области международных отношений. Теперь уже само время, если все не должно быть потеряно, не допустит, чтобы основные принципы Лиги Наций остались мертвым вероисповеданием, хотя и это само по себе имеет значение»⁴⁵.

Правящие буржуазно-помещичьи круги Польши уже в то время строили далеко идущие планы экспансии на восток европейского континента, мечтая о захвате украинских, белорусских и литовских земель. Знаменательной в этом отношении была реакция в Варшаве на положения Лиги Наций, касавшиеся системы мандатов. Еженедельник «Пшеглэнд дыпломатычны» поместил 1 апреля 1919 г. статью под названием «Несколько заметок о статуте Союза наций», в которой, в частности, говорилось: «Архиважным для упорядочения отношений в Европе имеет статья 19 статута, имеющая содержание более широкое, нежели это указано в заголовке; речь здесь идет не только о колониях, которые освободились из-под власти иностранных государств и население которых не способно создать самостоятельные правительства. Эта статья имеет первостепенное значение для всего европейского востока и для нашей позиции по отношению к проблемам, связанным с Россией и Украиной»⁴⁶.

Следует отметить, что в Париже действительно ставился вопрос о предоставлении Польше мандата на управление Восточной Галицией на определенный период, с тем чтобы впоследствии провести там плебисцит, который должен был разрешить вопрос о государственной принадлежности

⁴³ «Czas», 5 IV 1919.

⁴⁴ «Dziennik powszechny», 3 IV 1919.

⁴⁵ «Czas», 27 IV 1919.

⁴⁶ E. S t a r c z e w s k i. Kilka uwag o statucie Związku Narodów. «Przegląd dyplomatyczny», 1919, № 5, s. 216.

этой территории⁴⁷. Против подобного решения данной проблемы польская делегация решительно протестовала, требуя включения Восточной Галиции в состав польского государства⁴⁸. В Варшаве, скорее всего, строили несколько иные планы в связи с системой мандатов, рассчитывая, что она будет распространена на территории Восточной Украины и России.

В целом известие о принятии статута Лиги Наций было встречено польской прессой с энтузиазмом.

Между тем к этому времени в США выявилась резкая оппозиция по отношению к политике Вильсона, и в первую очередь по вопросу о Лиге Наций. Президенту пришлось срочно выехать в США. Он отсутствовал с 24 февраля по 14 марта. За это время выяснилось, что ему необходимо идти на уступки и внести изменения в Устав Лиги Наций в соответствии с возражениями, выдвинутыми в США. Отсюда новая серия заседаний комиссии после возвращения президента в Париж. Утвержденный 14 февраля Устав Лиги рассматривался комиссией на пяти заседаниях — 22, 24 и 26 марта, 10 и 11 апреля. Именно в этот период в статут были включены положения о доктрине Монро и о праве выхода членов Лиги из состава этой организации с условием уведомления за два года. Против включения в устав пункта о доктрине Монро резко выступила французская делегация, основывая свои возражения на том, что принятие Лигой этой доктрины поставило бы США в особое положение и освободило бы их от обязательств участвовать в урегулировании европейских проблем в соответствии с решениями Лиги⁴⁹.

28 апреля состоялось пятое пленарное заседание мирной конференции, на котором Устав Лиги Наций был принят в окончательной его редакции.

Согласно Уставу создавались два высших органа Лиги — Ассамблея (общее собрание членов Лиги) и Совет, при которых состоял постоянный секретариат. Каждый член Лиги мог быть представлен не более, чем тремя делегатами в Ассамблее и располагал одним голосом⁵⁰.

Совет Лиги должен был состоять из пяти постоянных членов (Великобритания, Франция, Италия, США и Япония) и четырех непостоянных, избираемых Ассамблеей. Согласно Уставу Лиги, ее учредителями являлись страны, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся государства — Польша, Чехословакия, Геджас. Ввиду того, что статут Лиги Наций составлял интегральную часть мирного договора, эти государства становились членами Лиги *ipso iure*, т. е. посредством подписания мирного договора и последующей его ратификации. Вторую группу составили страны, приглашенные к немедленному вступлению в Лигу (Аргентина, Венесуэла, Дания, Испания, Колумбия, Нидерланды, Норвегия, Парагвай, Сальвадор, Чили, Швейцария, Швеция, Персия). Все остальные государства могли стать членами Лиги, если за их принятие высказалась две трети Ассамблеи. Признавалось право выхода из Лиги «после предварительного за два года предупреждения» и при условии, что государство «выполнило к этому моменту все свои международные обязательства»⁵¹. Статья 9 Устава определяла, что Генеральный секретарь Ассамблеи и Совета назначается Советом с одобрения большинства Ассамблеи⁵². Статья 14 предусматривала создание Постоянной палаты междуна-

⁴⁷ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały», t. II. Warszawa, 1967, s. 339—344.

⁴⁸ Ibid., s. 362—364.

⁴⁹ D. H. Miller. Ibid., v. II, p. 373.

⁵⁰ Статья 3 Устава Лиги Наций. «Версальский мирный договор», с. 8.

⁵¹ Там же, с. 7.

⁵² Первый Генеральный секретарь был указан в приложении к статуту Лиги; им стал англичанин Д. Э. Друммонд.

родного суда. Местом пребывания Лиги была определена Женева. Часть XIII мирного договора с Германией содержала Устав Международной организации труда, при этом члены Лиги Наций признавались и ее членами.

Устав Лиги Наций в качестве составной части был включен в тексты всех мирных договоров, заключенных после первой мировой войны.

После утверждения Устава Лиги Наций работа конференции над составлением мирного договора значительно ускорила. 28 июня 1919 г. в Версальском дворце «Мирный договор между Союзными и Объединившимися Державами и Германией» был подписан, его первая часть (статьи 1—26) излагала Устав Лиги Наций⁵³.

За время, прошедшее с момента принятия конференцией статута Лиги и до подписания мирного договора, был принят ряд решений, которые существенно расширили круг деятельности созданной Лиги Наций. В частности, под управление Лиги сроком на пятнадцать лет была передана Саарская область. По истечении указанного срока здесь предполагалось провести плебисцит, который должен был определить будущее этой территории. Два других постановления — о национальных меньшинствах и о статусе Гдапска — непосредственно касались польского государства.

По идее ее создателей, международная система охраны прав национальных меньшинств должна была нейтрализовать ширящееся национально-освободительное движение путем формальной гарантии обеспечения их прав на культурное и национальное развитие. С другой стороны, обязательства государств в этом отношении давали возможность и поводы великим державам посредством Лиги Наций вмешиваться во внутривнутриполитическую жизнь этих стран.

Впервые официально положения, касающиеся национальных меньшинств, были выдвинуты во втором вильсоновском проекте Лиги Наций. В третьем они были дополнены пунктами о свободе религии. В дальнейшем, однако, Вильсон отказался от идеи включения положений о национальных меньшинствах в статут Лиги в связи с предложением Японии включить туда пункт о равноправии рас. Принятие этого предложения означало бы для Соединенных Штатов и некоторых британских доминионов, которые ограничивали японскую иммиграцию, необходимость пересмотра своей иммиграционной политики.

Тогда была выдвинута идея о наложении на ряд государств, в том числе и на Польшу, обязательств по охране прав национальных меньшинств в форме особого документа. 1 мая 1919 г. на заседании Совета Четырех было принято решение о создании комиссии из представителей Соединенных Штатов, Великобритании и Франции для подготовки международных обязательств, которые будут наложены на некоторые государства в «целях охраны расовых и религиозных меньшинств»⁵⁴. При этом в постановлении была непосредственно указана Польша.

Позднее на заседании Совета Четырех было принято решение подготовить специальный трактат об охране прав национальных меньшинств в Польше. Комиссией новых государств и охраны национальных меньшинств был составлен соответствующий документ, который был утвержден Высшим Советом 17 мая 1919 г.⁵⁵ В проекте трактата предусматривалось принятие Польшей обязательств обеспечить «охрану жизни и свободы всем жителям... без различия происхождения, расы, национальности, языка либо религии». При этом она должна была признать все обязатель-

⁵³ «Версальский мирный договор», с. 7—15.

⁵⁴ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu...», t. III, s. 255—257.

⁵⁵ Ibid., s. 270—274.

ства, изложенные в этом документе в качестве международных, подлежащих юрисдикции Лиги Наций ⁵⁶.

В статье 14 проекта указывалось, что для какого-либо изменения этих положений будет необходимо согласие Совета Лиги. 22 мая 1919 г. текст проекта был доведен до сведения правительства в Варшаве ⁵⁷. В результате дальнейшей работы Комиссия новых государств и охраны национальных меньшинств подготовила второй, а затем третий проект соглашения с Польшей. При подготовке договора наиболее трудным для решения оказался вопрос о том, кто будет иметь право обращаться в Лигу Наций, либо в международный суд по поводу возможного нарушения постановлений этого трактата. После многочисленных консультаций на заседании Совета Четырех 16 июня было решено предоставить это право членам Совета Лиги Наций ⁵⁸.

Польское правительство с самого начала негативно отнеслось к планам подписания договора об охране прав национальных меньшинств. Польская делегация представила конференции обширный меморандум по этому вопросу, датированный 16 июня, в котором проектируемый трактат назывался вмешательством во внутренние дела Польши ⁵⁹.

Меморандум польской делегации, автором которого был И. Падеревский, рассматривался на заседании Совета Четырех 17 июня 1919 г. При этом было зачитано письмо французского представителя в комиссии по выработке трактата о национальных меньшинствах — Ф. Бертело по поводу польского меморандума. В письме отмечалось, что польское правительство, по сути дела, выступает против самого принципа каких-либо официальных обязательств по охране прав национальных меньшинств ⁶⁰.

Текст проекта договора между Польшей и великими державами был официально передан польской делегации 24 июня вместе с сопроводительным письмом Клемансо. В своем письме французский премьер-министр обосновывал мотивы, которыми руководствовались великие державы при установлении системы охраны прав национальных меньшинств, и подчеркивал, что принятие на себя Польшей обязательств по охране этих прав будет условием признания Польши «как независимого государства и передачи ей территорий, входивших ранее в германское государство...» ⁶¹. В своем ответе Падеревский представил точку зрения польского правительства, подчеркивая неравноправный характер договора и требуя обеспечения прав польского меньшинства в Германии. Письмо содержало также многочисленные предложения поправок, ни одна из которых, впрочем, не была принята ⁶². Договор между «Главными Союзными и Объединившимися Державами и Польшей» был подписан 28 июня 1919 г. ⁶³ Он состоял из вступления и двух разделов. Первый раздел включал 12 статей, касающихся национальных меньшинств, второй раздел состоял из 9 статей, имевших хозяйственный и политический характер.

В Польше трактат был воспринят как акт дискриминации. А. Бреман, долгое время бывший корреспондентом официального правительственного органа «Газета польска» при Лиге Наций, писал в своей книге, что подписанный с великими державами трактат в значительной степени повлиял на позицию, занятую Польшей по отношению к Женевской орга-

⁵⁶ Ibid., s. 274.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid., s. 299.

⁵⁹ Ibid., s. 292—298.

⁶⁰ Ibid., s. 301—304.

⁶¹ Ibid., s. 310—315.

⁶² Ibid., s. 315—317.

⁶³ Ю. В. К л ю ч н и к о в, А. С а б а н и н. Международная политика новейшего времени в договорах, в нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, с. 330—337.

низации: «Основной причиной неприязненного отношения к Лиге была проблема национальных меньшинств. Одностороннее, ничем не обоснованное ограничение нашего государственного суверенитета, навязывание только некоторым государствам обязательств, гарантированных Лигой Наций, должно было быть расценено как оскорбительная несправедливость»⁶⁴.

Особое недовольство в Польше вызвали положения, дающие право национальным меньшинствам через посредничество членом Совета обращаться с жалобами в Лигу Наций по поводу нарушения постановлений трактата. «Газета польская» писала в те дни: «Хорошо, если государства, являющиеся членами Лиги Наций и имеющие право вмешательства в наши внутренние дела, будут нам дружественны, не будут стремиться к ослаблению Польши и расширению анархии внутри нее»⁶⁵.

Совет Лиги Наций 13 февраля 1920 г. принял решение гарантировать договор между Польшей и великими державами.

Статья 104 Версальского мирного договора предусматривала охрану прав польского меньшинства на территории Вольного Города Гданьска. Впоследствии на основе заключенной в Париже польско-гданьской конвенции действие этой статьи распространялось на все национальные меньшинства, проживавшие на территории Вольного Города.

Мирный договор с Германией содержал постановление, касающееся статута Гданьска. Впервые официально вопрос о выходе Польши к морю был затронут в речи Вильсона в конгрессе 4 декабря 1917 г. Вильсон говорил о необходимости для каждого государства иметь свободный выход к морю, при этом он привел в качестве примера Австро-Венгрию, Сербию и Польшу. Затем этот вопрос нашел свое отражение в 14 пунктах американского президента. Не вполне определенное выражение «свободный доступ к морю» оставляло свободу маневрирования в этом вопросе, но тем не менее усиливало проантантовские симпатии в польском обществе.

Польский национальный комитет в Париже еще перед началом конференции добивался присоединения Гданьска к Польше⁶⁶. Во время мирной конференции польская делегация предпринимала многочисленные попытки, имевшие целью повлиять на решение этого вопроса в желательном для Польши духе.

В 1918 г. и в первые месяцы 1919 г. позиция Антанты относительно выхода Польши к морю через Гданьск была благоприятной для Варшавы, что было связано с планированием военных действий против Советской России. Польша должна была играть тут одну из главных ролей ввиду того, что использование для этой цели немецких войск представлялось в тот период сомнительным⁶⁷. Впоследствии, однако, примерно с конца марта, положение коренным образом изменилось. 3 апреля Совет Четырех принял решение о создании на территории Гданьска Вольного Города, находящегося под покровительством Лиги Наций⁶⁸. Представляется несомненным, что принятие такого решения было связано с так называемым «русским вопросом», который «...по своей роли и влиянию на всю работу конференции, на все принятые ею решения превосходил, несомненно, все остальные вопросы»⁶⁹. Ставка на Германию, как на главную антисовет-

⁶⁴ A. B r e g m a n. Liga Narodów, 1920—1930. Bilans dotychczasowej działalności. Warszawa, 1931, s. 141.

⁶⁵ «Gazeta Polska», 16 VII 1919.

⁶⁶ R. D m o w s k i. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926, s. 445—447, 502—505.

⁶⁷ R. B i e r z a n e k. Sprawa Gdańska w polityce wielkich mocarstw Zachodnich w okresie Konferencji Pokojowej 1919 r. «Przegląd zachodni», 1954, № 9/10, s. 151.

⁶⁸ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały», t. I. Warszawa, 1965, s. 308—309.

⁶⁹ Б. Е. Ш т е й н. Там же, с. 6.

скую силу, ввиду явной хозяйственной и политической слабости Польши, наряду со стремлением стабилизировать положение берлинского правительства перед лицом шириющейся в Европе революции привела к тому, что западные державы пошли на компромиссное решение гданьской проблемы, т. е. создание Вольного Города без передачи его под польский суверенитет. На принятие этого решения повлияла и позиция Англии, не желавшей усиления восточноевропейского союзника Франции и тем самым увеличения влияния последней на континенте. «Газета польска» писала по этому поводу: «...Франция, исходя из своих собственных интересов, хочет иметь по другую сторону Германии сильного союзника, поэтому выступает за передачу нам Гданьска и Силезии, что явилось бы основой мощи будущего Польского государства и одновременно было бы лучшим способом ослабления Германии. Но именно поэтому Англия предпочитала бы компромиссное решение, которое не было бы смертельным ударом для немецкой мощи»⁷⁰.

Вопрос о крупнейшем на Балтийском побережье торговом порте имел огромное значение для польского государства. Это признавала и Межсоюзническая комиссия в Польше и Комиссия по польским делам, которые в своих сообщениях в различные органы конференции поддерживали польскую точку зрения на эту проблему.

Польская делегация на мирной конференции выступила против планов создания вольного города и передачи его под опеку Лиги. Председатель Отдела печати ПНК в Париже М. Сейда писал в своем письме: «Боремся против этого в дипломатических кругах, в прессе не только французской и готовим поле для деятельности в парламенте. Организуйте в стране как можно больше манифестаций по поводу Гданьска»⁷¹. Однако предпринятые в этом направлении меры не повлияли на позицию Антанты.

Основой режима в Гданьске являлись статьи 100—108 отдела XI мирного трактата. Согласно этим положениям Гданьск объявлялся Вольным Городом под защитой Лиги Наций, представленной Верховным комиссаром.

В ноте мирной конференции от 16 июня 1919 г., направленной немецкой делегации в Версале, подчеркивалось, что город Гданьск получит конституцию Вольного Города, не будет находиться под властью Польши и не будет являться частью польского государства⁷². Права Польши были определены в статье 104 Версальского договора. Польское государство обеспечивало ведение внешних сношений Вольного Города и защиту его граждан за границей. Гданьск включался в пределы таможенной границы Польши, которой предоставлялась свободная зона в гданьском порту. Польше обеспечивался контроль и управление в отношении Вислы, водных путей, доков, железнодорожной сети в пределах Вольного Города, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений между Польшей и гданьским портом с правом развивать и улучшать их. Договор не предоставил Польше никаких военных прав в Гданьске.

Вступление к статье 104 предусматривало, что между Польшей и Вольным Городом будет заключена конвенция, которая обеспечит возможность Польше пользоваться правами и полномочиями, перечисленными в этой статье⁷³.

⁷⁰ «Gazeta Polska», 6 IV 1919.

⁷¹ «Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu...», t. I, [s. 303.

⁷² «Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunku Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej. Zebrane i wydane przez Komisariat Generalny Rzeczypospolitej Polskiej w Gdańsku», cz. I, 1918—1920. Gdańsk, 1923, [s. 5—7.

⁷³ Упомянутая конвенция была заключена 9 ноября 1920 г. в Париже.

Версальский мирный договор был подписан Польшей 28 июня 1919 г. Ю. Пилсудский ратифицировал его 1 сентября того же года на основе постановления, принятого Сеймом 31 июля.

Подписанием и последующей ратификацией мирного договора польское буржуазное государство включалось в так называемую Версальскую систему международных отношений, которая сложилась, в основном, в первые послевоенные годы и представляла собой сложный комплекс двусторонних и многосторонних отношений между государствами, основанный на мирных договорах и соглашениях, подписанных в Версале, Трианоне, Севре, Нейи и Сен-Жермене. Составным элементом Версальской системы была Лига Наций.

Положение польского буржуазного государства в послевоенной Европе нельзя было назвать стабильным. Версальский договор не гарантировал границ Польши, а многочисленные конфликты с соседями, в которые она оказалась втянутой из-за авантюристической политики правящего лагеря, мало способствовали упрочению международного положения страны. С самого начала перед польским государством встала проблема безопасности. Реваншистские настроения в Германии, не желавшей мириться с потерей восточных провинций, давали повод для беспокойства. Одним из вариантов решения этой проблемы, по мнению правящих кругов, было всемерное укрепление *status quo*, поэтому краеугольным камнем польской внешней политики в первые послевоенные годы стала защита Версальской системы. По мнению ее творцов, гарантией мира в Европе должна была стать Лига Наций. Следует сразу же отметить, что Лига Наций, в том виде как она была создана, решить эту проблему была не в состоянии. К тому же отсутствие в этой системе «коллективной безопасности» места для Советской России, игнорирование ее возрастающего влияния с самого начала обрекало всю эту концепцию на неудачу. Отрицательно сказывалось на авторитете Лиги и неучастие в ней США.

Лига Наций не могла стать действенным орудием борьбы за мир еще и потому, что назначение ее каждая из великих держав, определявших мировую политику, понимала по-своему. Франция, опасавшаяся немецкого реванша, трактовала Лигу как средство для поддержания сложившегося территориального *status quo*. Дdiamетрально противоположной была немецкая концепция Лиги «как инструмента для уничтожения того же *status quo*»⁷⁴. Для Англии «Лига Наций — это организация примирения и инструмент для мирного пересмотра договоров»⁷⁵. Италия рассматривала Лигу Наций в основном «как инструмент для увеличения своего политического влияния, не придавая ей, впрочем, слишком большого значения»⁷⁶. Если учесть, что основным фактором, определявшим послевоенную международную политику в Европе, было англо-французское соперничество, можно сделать вывод, что отсутствие единой точки зрения великих держав на цели и задачи Женевской организации мало способствовало ее эффективности. Фактически Лига Наций не была инструментом мира. С самого начала она превратилась в арену борьбы между Англией и Францией за господство в Европе, в колониях и зависимых странах. «...Лига Наций,— писал В. И. Ленин,— союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу»⁷⁷. Позицию Советского государства по отношению к этой организации В. И. Ленин выразил в интервью, данном им в октябре 1922 г. корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Ман-

⁷⁴ A. F r e g m a n. Ibid., s. 19.

⁷⁵ Ж. Т а б у и. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, с.

⁷⁶ A. F r e g m a n. Ibid., s. 42.

⁷⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, с. 142.

честер гардиан» М. Фарбману: «Мы, конечно, противники Лиги Наций, и я думаю, что не только наш экономический и политический строй с его особенностями вызывает наше отрицательное отношение к Лиге Наций, но и интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще, вполне оправдывают это отрицательное отношение»⁷⁸.

Для понимания отношения правящих кругов Польши к Лиге следует прежде всего принять во внимание тот факт, что они с самого начала негативно относились к системе охраны прав национальных меньшинств. Заключенный с великими державами договор вынуждал Польшу принять на себя ряд обязательств по отношению к национальным меньшинствам, что вызывало сильное раздражение в Варшаве и стремление избавиться от этих обязательств. Подобная тенденция проявилась уже во время дебатов при ратификации Сеймом мирного договора⁷⁹. Недовольство польских правящих кругов вызывало и привилегированное положение великих держав, имевших постоянные места в Совете Лиги. «...Великие державы обеспечили себе в ней решительное превосходство, точнее решающий голос. Укрепление и даже поддержание такого положения — не в интересах Польши...»⁸⁰, — подчеркивалось в статье, помещенной в краковском «Пшеглэнд вспулчесны». Польская дипломатия серьезно опасалась перспективы подчинения Лиги Наций диктату великих держав и в результате — возможной ревизии границ мирным путем на основе статьи 19 Устава Лиги⁸¹. Все это явилось причиной того, что в Польше отношение к Лиге Наций было скорее критическим и неоднократно проявлялось как негативное⁸².

В то же время опасения реваншистских тенденций со стороны Германии склоняли польское правительство к мысли о необходимости поддержки Лиги как организации, призванной охранять status quo. «Великие державы, по крайней мере некоторые из них, — отмечал политический комментатор того времени, — видели и видят в Лиге одну из гарантий трактата, одно из средств, обеспечивающих им спокойное пользование плодами победы. Разумеется, Польша должна полностью поддерживать это положение... Лига гарантирует ее существование, независимость и границы, в особенности со стороны Германии, и это является для нас наиболее жизненной и существенной ее стороной»⁸³.

Что касается гарантий, предоставлявшихся пактом Лиги, то при анализе Устава этой организации появляется некоторый скептицизм по поводу ее способности обеспечить безопасность своих членов и всеобщий мир. Прежде всего этот «инструмент мира и поддержания территориальной целостности» не гарантировал ни того, ни другого. Более того, Устав содержал признание возможности ревизии заключенных соглашений. В статье 19 говорится: «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 241.

⁷⁹ «Sejm Ustawodawczy R. P. Sprawozdania Stenograficzne. 81—120, (1919—1920)».

⁸⁰ D r a g o s ł a w. Polska a Liga Narodów. «Przegląd współczesny», 1922, № 1, s. 84.

⁸¹ I. K r a s u s k i. Rola Ligi Narodów w kształtowaniu się stosunków polsko-niemieckich. 1919—1939. В сб. Problem polsko-niemiecki w traktacie wiersalskim, Poznań 1963, s. 596.

⁸² S. B u k o w e c k i. Liga Narodów a polska racja stanu. В сб. Liga Narodów. Siedem odczytów wygłoszonych w Uniwersytecie Warszawskim w roku akademickim 1924/1925. Warszawa, 1925, s. 60.

⁸³ D r o g o s ł a w. Ibid., s. 84.

могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»⁸⁴. Таким образом, не исключена возможность ревизии любого договора, в том числе и Версальского со всеми его территориальными постановлениями.

Сомнения по поводу ценности гарантий Лиги высказывались и самими ее создателями. Ллойд Джордж писал: «Действительная опасность текущего момента заключается в том, что Лига Наций не может внушать доверия в то время, как старые интриги, старые происки, старая международная зависть и ненависть в полной мере будут действовать вне ее»⁸⁵.

Пилсудский, который в период создания Лиги Наций, по сути дела, руководил политикой польского государства, также довольно критически относился к этой организации⁸⁶. Таким образом, польская дипломатия стала перед дилеммой. С одной стороны, неприязненное и порой враждебное отношение к Лиге как органу, дающему возможность великим державам вмешиваться во внутривнутриполитическую жизнь страны и оказывать определенное давление на польское правительство. И с другой стороны, поддержка этой организации, стремление использовать ее для обеспечения безопасности государства. Все это предопределило тот факт, что политика Польши в Лиге на протяжении межвоенного двадцатилетия претерпевала существенные изменения, на что, естественно, влияла и конкретная политическая ситуация на европейском континенте.

В заключение следует отметить, что факт образования Лиги Наций сам по себе не внес существенного элемента стабильности в положение польского буржуазного государства на международной арене. Напротив, некоторые положения, обязывавшие Польшу к сотрудничеству с Женевской организацией, создавали дополнительные трудности для политической и экономической жизни возрожденного польского государства.

⁸⁴ «Версальский мирный договор», с. 12.

⁸⁵ Цит. по: Р. А р е к и й. Европа после войны. Буржуазные политики о последних мировых войнах. Л., 1924, с. 77.

⁸⁶ W. M i c h o w i c z. Polska w Lidze Narodów. «Sprawy międzynarodowe», 1978, № 12, s. 133.

Е. В. ЛИХАЧ

КОРФСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1917 г. И БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В настоящей статье освещается отношение буржуазных кругов Великобритании к национальному движению югославянских народов накануне и во время конференции на острове Корфу, завершившейся подписанием 20 июля 1917 г. декларации, провозгласившей необходимость объединения этих народов в единое государство.

Известно, что буржуазные историки тенденциозно преувеличивают роль английских публицистов и общественных деятелей в деле освобождения югославян и создания ими единого государства. В монографии, посвященной формированию британского общественного мнения в отношении Австро-Венгрии, английский историк Г. Хенек пишет о «неоценимой помощи негерманским и невенгерским народам монархии Габсбургов» со стороны «небольшой группы интеллектуалов и идеалистов», объединенных вокруг еженедельника «The New Europe»¹.

Эта группа, как утверждает Г. Хенек, «буквально захватила Форин Оффис»². В подобных тонах освещает деятельность английских общественных деятелей, сочувствовавших югославянам, американский историк Артур Дж. Мей. Он создал идеализированные образы активных сторонников идеи югославянского объединения Уикема Стида и Роберта Ситон-Уотсона, которые проявляли определенную инициативу при подготовке к созыву Корфской конференции. Внешнеполитический обозреватель газеты «The Times» У. Сидд наделен, например, такими эпитетами, как «государственный деятель — журналист», «злой гений Габсбургов», «ангел возмездия угнетенных наций» и т. д.³ Не менее лестная характеристика дана историку и публицисту Р. Ситон-Уотсону, который, как сообщает А. Мей, был «неутомимым крестоносцем», защищавшим интересы югославян и других народов Габсбургской монархии⁴.

Отношение английской общественности к Корфской декларации — сравнительно мало изученный вопрос в советской и югославской литературе. В трудах советского историка Ю. А. Писарева, всесторонне исследовавшего югославянское освободительное движение накануне и в годы

¹ H. H a n a k. Great Britain and Austria-Hungary during the First World War. «A Study on the Formation of Public Opinion». London, 1962, p. 279.

² Ibid., p. 188.

³ A. J. M a y. The Passing of the Habsburg Monarchy 1914—1919, v. I. Philadelphia, 1966, p. 233, 235.

⁴ A. J. M a y. R. W. Seton-Watson and British Anti-Habsburg Sentiment. «The American Slavic and East European Review». New York, 1961, v. XX, № 1, February, p. 46. Интересную заметку об этой статье К. Б. Виноградова «Английские буржуазные деятели и Австро-Венгрия периода первой мировой войны» см. «Вопросы истории», 1962, № 2, с. 191—192.

первой мировой войны, Корфской декларации уделено значительное место⁵, но отношение к ней английской общественности едва затронуто. Югославские историки отводят особую роль общественному мнению в формировании британской политики в югославянском вопросе. Наиболее отчетливо эта мысль проведена в работе Д. Шепича, посвященной внешнеполитическим аспектам этого вопроса. В ней дана высокая оценка роли английских общественных деятелей, под влиянием которых, как пишет автор, «в Великобритании начали другими глазами смотреть на адриатический вопрос»⁶. Оценивая указанную книгу, К. Милутинович одну из заслуг автора увидел в том, что он «проливает дополнительный свет на чрезвычайное значение роли независимого общественного мнения в постепенной переориентации британской внешней политики в вопросе сохранения Австро-Венгрии как великой державы в Европе»⁷. Сам К. Милутинович неоднократно обращался к изучению роли и влияния Р. Сетон-Уотсона в решении югославянского вопроса⁸. При всем этом отношение английской общественности к Корфской декларации не стало предметом специального исследования. В работах Д. Янковича, Ф. Чулиновича и чешского историка М. Пауловой данная тема затронута лишь косвенно.

Корфская декларация была итогом длительной работы делегаций сербского правительства во главе с Н. Пашичем и Югославянского комитета во главе с А. Трумбичем. Подписанный ими 20 июля 1917 г. документ явился результатом компромисса между двумя руководящими центрами югославянского движения. Зафиксированное в нем решение о создании после окончания войны независимого объединенного югославянского государства имело большое прогрессивное значение, поскольку поддерживало борьбу югославян за свое объединение. Академик Ф. Чулинович оценил декларацию как государственно-правовой акт, провозгласивший впервые в истории необходимость национального и государственного объединения народов, разъединенных на протяжении многих веков. В этом смысле, подчеркивал историк, Корфская декларация сыграла роль Великой хартии вольностей для развития югославянского движения за свободу и объединение⁹. Главным ее пунктом было, как известно, заявление о создании объединенного государства югославян — сербов, хорватов и словенцев — включающего территории Сербии, Черногории и югославянских земель Австро-Венгрии.

Декларация вместе с тем не устранила противоречий между югославянскими политиками, которые по-разному трактовали подписанный совместно документ. Глава сербского правительства полагал, что в основе «большой программы», т. е. югославянского объединения, сохраняется положение о создании «Великой Сербии». Н. Пашич не хотел компрометировать великосербскую идею программой югославянского объединения¹⁰.

⁵ Ю. А. Писарев. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968, гл. 10; его же. Образование Югославского государства. М., 1975, с. 206—211.

⁶ D. S e p i ć. Italija, saveznici i Jugoslovensko pitanje 1914—1918. Zagreb, 1970, s. 174.

⁷ «Mogućnosti». Split, 1972, № 1, s. 56.

⁸ K. M i l u t i n o v i ć. R. W. Seton-Watson i Jugoslavenski odbor u Londonu. «Jugoslavenski odbor u Londonu. U povodu 50-godišnjice osnivanja». Zagreb, 1966, s. 451—480; его же. R. W. Seton-Watson i Jugoslovensko pitanje u Habsburškom monarhiji. «Jugoslovenski istorijski časopis». Beograd, 1967, № 1—4, s. 209—242.

⁹ F. C u l i n o v i ć. Pravnopolitičko značenje Krfske deklaracije. «Jugoslavenski odbor u Londonu», s. 165—228.

¹⁰ D. S e p i ć. Ibid., s. 105. Д-р Янкович полагает, что Н. Пашич от начала и до конца войны открыто высказывался за «большую» программу, хотя сам лично считал реально выполнимой «малую» программу, т. е. создание «Великой Сербии». См. Д. Я н к о в и ч. «Велики» и «малы» ратни програм Николе Пашича 1914—1918. «Анали Правног факултета у Београду», год XXI, 1973, № 2, с. 151—167.

Председатель Югославянского комитета в Лондоне А. Трумбич рассматривал декларацию в плане расширения прав Хорватии и других югославянских земель Австро-Венгрии в будущем объединенном государстве. По-разному восприняла подписанный документ югославянская общественность¹¹. Уместно также отметить, что при составлении документа, провозглашавшего ряд важных демократических принципов, буржуазные политики мало занимались социальными вопросами. В Корфской декларации они были отодвинуты на задний план¹².

К началу работы конференции на о. Корфу объединительное движение югославян имело в Великобритании своих сторонников. Открытию поддержку это движение получило впервые в конце 1916 г. при основании Сербского общества Великобритании¹³. Комментируя выступления на митинге в Менсин-хаузе при открытии этого общества, «Таймс» писала о создании югославского государства, как проявлении политики союзников, стремящихся обеспечить права малых наций на свободу и независимость¹⁴. Влиятельная буржуазная газета не раскрывала при этом истинных мотивов. Перечень ораторов, выступавших в Менсин-хаузе, лучше всего иллюстрирует заинтересованность в создании Югославии определенных колониальных кругов. 20 октября 1916 г. при открытии общества речи произнесли: лорд Мейо, лорд Кромер, лорд Керзон, Э. Карсон и У. Сид. Анализ их выступлений показывает, что стратегические соображения — необходимость укрепить подступы к Британской колониальной империи — были главными¹⁵.

Неблагоприятная для стран Антанты обстановка на Балканах, сложившаяся к концу 1915 г. в связи с военным поражением Сербии, вызвала своеобразную реакцию в Великобритании. Многим английским колониальным деятелям казалось, что Германия, стоявшая за спиной Австро-Венгрии и Болгарии, оккупировавших Сербию, непосредственно угрожает британским колониальным владениям на Востоке. Пресса непомерно раздувала намерения и планы Германии в Европе, Азии и Африке. Интересно отметить, что для этой цели использовались выражения, почерпнутые из книг и статей Ф. Науманна, П. Рорбаха, Б. Функа и других пангерманистов. Достаточно упомянуть о книге Ф. Науманна «Срединная Европа», которая была очень скоро переведена на английский язык и стала литературной сенсацией. Дискуссия вокруг этой книги породила, как выразился американский профессор А. Дж. Мей, «телегу страхов»¹⁶. В лексикон английской политической литературы для обозначения германских планов прочно вошел термин «Берлин—Багдад». Публицисты взяли также на вооружение фразу Э. Зиммермана «Мы воюем за Центрально-африканскую империю» и обыгрывали ее в различных вариантах¹⁷.

Отражая опасения колониальных группировок, буржуазная пресса убеждала публику, что центр Британской империи — не Лондон, а Каир; что конечная цель Германии — завоевать Средний Восток, затем Индию, и, таким образом, окончательно подорвать могущество Британии на

¹¹ Ю. А. П и с а р е в. Образование Югославского государства, с. 208—211.

¹² «Istorija Jugoslavije». Beograd, 1972, s. 398.

¹³ Отдельные выступления в прессе в защиту югославян были и раньше. Особую активность проявляли У. Сид, А. Эванс и Р. Ситон-Уотсон в начале 1915 г. Их усилия не увенчались успехом. По Лондонскому договору (апрель 1915 г.) часть югославянских земель была обещана союзниками Италии. См. А. J. M а у. Seton-Watson and the Treaty of London (Document). «The Journal of Modern History», v. XXIX, № 1, March, 1957, p. 42—47; D. S e p i ć. Ibid., s. 95—97.

¹⁴ «The Times», 21 X 1916.

¹⁵ Все речи были опубликованы в «The New Europe», 1916, October, № 2.

¹⁶ А. J. M а у. Passing of the Habsburg Monarchy, v. II, p. 512.

¹⁷ См. Z. A. B. Z e m a n. A diplomatic History of the First World War. London, 1971, p. 319.

Востоке. Такая гиперболизация «германской угрозы» была отнюдь не случайна. Под ее прикрытием Англия, например, оккупировала южные провинции Ирана. Укрепление подступов к британским владениям (под влиянием пропаганды) становилось лозунгом дня. Давление колониальных кругов сказывалось и на правительственном уровне, а со вступлением в военный кабинет Милнера и Керзона, олицетворявших собой эти круги, курс нового правительства, сформированного в декабре 1916 г. Ллойд Джорджем, приобрел отчетливо «имперский» крен¹⁸.

Политики, заинтересованные в укреплении подступов к границам Британской империи, вполне естественно обращали внимание на Балканы и Восточную Европу. Судьбы Сербии и югославян Австро-Венгрии интерпретировались при этом сквозь призму глобальных стратегических планов британского империализма. Не случайно поэтому в роли активного сторонника расчленения габсбургской монархии и объединения югославян в единое государство выступил бывший английский консул в Египте лорд Кромер. Именно этот опытный колониальный деятель, душитель свободы египетского народа стал президентом Сербского общества Великобритании. Не случайным было также выступление в Менсин-хаузе лорда Керзона — признанного главы «средневосточной» колониальной группировки, оказывавшей сильное влияние на британскую внешнюю политику в конце XIX — начале XX в.¹⁹ Избрание в совет Сербского общества лидера ольстерских юнионистов Э. Карсона еще ярче иллюстрирует отсутствие у основателей этого общества каких-либо благородных мотивов. Ярый враг свободы ирландского народа, один из руководителей реакционной группы «оранжистов» Э. Карсон примыкал в колониальном вопросе к так называемым «неоимпериалистам», которые всеми средствами стремились сохранить и постепенно англизировать Британскую империю. Необходимость укрепления подступов к этой империи, ее «оборонительных рубежей» — вот главная причина, заставившая Кромера, Керзона, Карсона и им подобных обратить внимание на югославян в конце 1916 г.

Почти одновременно с образованием Сербского общества группа публицистов основала еженедельник «The New Europe» для освещения проблем Центральной и Юго-Восточной Европы. Ведущим автором и редактором-издателем журнала стал известный историк и публицист Р. Ситон-Уотсон, проявлявший живой интерес к югославянскому вопросу с начала XX в. Еженедельник стал трибуной для группы энтузиастов, наиболее осведомленных в национальном вопросе на Балканах и в Австро-Венгрии²⁰. Многие эксперты, группировавшиеся вокруг журнала, и прежде всего Р. Ситон-Уотсон, выступили в качестве пропагандистов проведения Англией более гибкой политики, в роли теоретиков, пытавшихся вооружить своих соотечественников из правящей элиты аргументами и концепциями, которые могли бы поколебать сложившиеся традиционные представления о необходимости оставления в неприкосновенности Австро-Венгрии во имя сохранения равновесия сил в Европе.

Проводя кампанию за территориальное переустройство Балкан и Восточной Европы и стремясь повлиять в этом направлении на политику и общественность, английские австрофобы использовали традиционный

¹⁸ К. Б. Виноградов. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970, с. 230.

¹⁹ О влиянии этой группировки см. подробнее Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968, с. 15—46.

²⁰ Все номера еженедельника за 1916 г. и отдельные номера за 1917—1920 гг. имеются в фонде известного русского библиофила И. Н. Рубакина в 6-ке им. Ленина. Важнейшие статьи Р. Ситон-Уотсона за военные годы были изданы отдельным сборником с предисловием, содержащим подробное изложение взглядов автора («Europe in the melting-pot», London, 1919).

пропагандистский аргумент — «германскую угрозу» Индии, а отсюда и положению Великобритании в мире. На протяжении почти целого века английская пропаганда использовала лозунг «русской угрозы» Индии. Появившийся в конце 1916 г. еженедельник приковывал внимание читателей к «германской опасности», акцентируя при этом на необходимости «обороны Индии». Выступая в качестве главного адепта «оборонительной» концепции, Р. Ситон-Уотсон изображал нападение на Сербию как первый шаг германского наступления на Индию²¹. Центральной темой журнала стало освещение восточных планов Германии. «Два года мы неустанно информировали читателей о планах „Срединная Европа“ и „Берлин — Багдад“», — сообщала редакция в конце войны²². По мысли английских австрофобов, цепь независимых государств в Восточной Европе и на Балканах создаст непреодолимый барьер для германской экспансии. Они призывали к освобождению югославян и других народов, исходя при этом из великодержавных позиций укрепления Британской колониальной империи. Среди англичан под прикрытием либеральных фраз о свободе балканских народов велась фактически утонченная шовинистическая пропаганда за войну до победного конца. Социальная программа, предлагаемая английскими либералами освобожденным народам, сводилась к проведению умеренной аграрной реформы и к предоставлению буржуазных свобод²³. Провозглашая лозунги национального освобождения, они умалчивали об освобождении экономическом и социальном. Пропаганда расчленения Австро-Венгрии и освобождения угнетенных ею народов даже в таком урезанном виде слабо воспринималась общественностью Англии.

Перед редколлегией журнала стояли сложные задачи, особенно если учесть распространенную среди англичан индифферентность к народам Австро-Венгрии. Перед войной буржуазная пресса обрушивала на читателей поток сообщений, представляя габсбургскую монархию как «модель демократической свободы и терпимости»²⁴. В пропаганде этих не отвечающих объективной реальности утверждений была немалая заслуга и самого Р. Ситон-Уотсона, который разработал и активно распространял план решения югославянского вопроса в рамках монархии Габсбургов²⁵. Такую же роль играл и влиятельный журналист У. Сидд. После 10-летнего пребывания в Вене он писал о «законном месте» этой многонациональной империи в Европе²⁶.

С началом войны взгляды Р. Ситон-Уотсона, У. Сидда и их сторонников постепенно менялись в сторону признания неизбежности развала дуалистической монархии. Для них эта эволюция была вполне естественной, так как и предложения о реорганизации империи, и их критика дуализма, подчас очень острая, были связаны с надеждами предотвратить превращение Австро-Венгрии в орудие великогерманских устремлений. С началом войны такие надежды быстро исчезали. Р. Ситон-Уотсон и его друзья

²¹ «The New Europe», 1916, November, 9, № 4; 1917, January, 11, № 13. С Индией Роберта Ситон-Уотсона связывали воспоминания об отце, который оставил ему богатое наследство. Уильям Уотсон был зажиточным купцом в Калькутте и Лондоне и землевладельцем в Шотландии. После долгих лет пребывания в Индии он возвратился «сказочно богатым человеком». («Dictionary of National Biography, 1951—1960». Oxford, 1974, p. 877.)

²² «The New Europe», 1918, October, 17, № 105.

²³ «Europe in the melting-pot». Introduction, p. XI.

²⁴ F. R. Bridgeman. Great Britain and Austria-Hungary 1906—1914. A diplomatic history. London, 1972, p. 36.

²⁵ R. W. Seton-Watson. The Southern Slav Question and Habsburg Monarchy. London, 1911. Автор предлагал решить югославянский вопрос на основе «обновленной концепции триализма», как назвал ее польский историк Г. Батовский (H. Batorski. Rozpad Austro-Węgier 1914—1918. Warszawa, 1965, s. 67).

²⁶ H. W. Steed. The Habsburg Monarchy. London, 1913, p. IX.

прошались, хотя и неохотно — слишком тяжел оказался груз традиций, — с прежними внешнеполитическими концепциями²⁷. Нельзя не отдать им должное в известной прозорливости при оценке объективной обстановки и настойчивости, с которой они пропагандировали идею переустройства Центральной и Юго-Восточной Европы.

В консервативном Форин Оффисе на внешнеполитические реальности реагировали значительно медленнее, а предложения Р. Ситон-Уотсона воспринимали скептически. «Наш новый „советник“, — с сарказмом сообщает о нем в памятной записке от 16 января 1915 г.²⁸ Лишь в середине 1916 г. в отделе политической разведки был разработан, правда в сугубо гипотетической форме, прогноз о возможности развала Австро-Венгрии.

Еще медленнее идея образования новых государств, в том числе и югославянского, воспринималась общественностью. «Нас было несколько против многих», — вспоминал позже У. Стид²⁹. В Англии больше знали о Сербии и ее планах, чем о югославянах в целом. В сентябре 1916 г. журнал «The Review of Reviews», помещая обзор книги шотландского путешественника У. Бейли, сообщал: «Население Хорватии, Истрии, Далмации, Боснии и Герцеговины составляет именно ту часть славян, о которой мы знаем очень мало»³⁰. Упоминание в ноте союзников американскому президенту от 10 января 1917 г. об «освобождении итальянцев, а также славян, румын и чехословаков от иностранного владычества» было не более чем пропагандистской фразой. «Мало кто знал об этих народах, но еще меньше о них заботились», — пишет современный английский историк А. П. Тейлор³¹.

Новое и необычное, как казалось, направление еженедельника, представлявшего в позитивных тонах национальное движение югославян и их стремления к объединению, вызвало резкие нападки буржуазной прессы. Кампания, предпринятая «The New Europe» не получила в Англии ни одного официального или полуофициального одобрения³². Одна из английских газет сравнивала цели «небольшого кружка писателей по внешнеполитическим вопросам» с целями Югославянского комитета, который представлялся редакции «странной политической гидрой, говорящей одним голосом в Лондоне и совершенно другим в Женеве и Вене»³³. Пресса центральных держав также с шумным негодованием встретила появление необычного журнала. Но наиболее сильную реакцию вызвала «The New Europe» в итальянских правящих кругах, которые восприняли призывы к созданию югославянского государства как прямую угрозу своим экспансионистским планам. Итальянское министерство иностранных дел инспирировало выпуск специального журнала под названием «Современная Италия» с целью ведения пропаганды против «Новой Европы»³⁴.

Английские австрофобы не ограничивались только пропагандой. На рубеже 1916/1917 гг. они пытались уяснить, как югославянские политики представляют себе создание будущего государства. Как известно, между

²⁷ «Не перестаю сожалеть о потерянных надеждах, которые я возлагал на эрцгерцога (Франца Фердинанда. — *Е. Л.*) и его стремления к внутренним реформам», — писал Р. Ситон-Уотсон лорду Кромперу 12 IX 1915 г. (A. J. M a y. R. W. Seton-Watson and British Anti-Habsburg Sentiment, p. 47).

²⁸ H. H a n a k. The Government, the Foreign Office and Austria-Hungary 1914—1918. «The Slavonic and East European Review», v. 47, № 108, January, 1969, p. 165.

²⁹ H. W. S t e e d. Through Thirty Years. A personal narrative 1892—1922, v. II. London, 1924, p. 128.

³⁰ «The Review of Reviews», v. 54, № 321, September, 1916, p. 311.

³¹ A. T a y l o r. English History 1914—1945. Oxford, 1965, p. 80.

³² «The History of „The Times“», v. IV, part I. London, 1952, p. 324.

³³ «The Saturday review», 19 V 1917.

³⁴ K. M i l u t i n o v i ć. R. W. Seton-Watson i Jugoslavenski odbor, s. 457.

сербским правительством и Югославянским комитетом имелись серьезные разногласия по вопросу о путях достижения и форме объединения югославянских народов. Более того, спор о «государственной концепции Югославии» был причиной затяжного внутреннего кризиса в самом Югославянском комитете³⁵. Английские сторонники объединения югославян пытались воздействовать на ход событий. В конце 1916 г. У. Стид предложил эмигрантам в Лондоне проявить инициативу по созыву конференции для решения югославянского вопроса. Известие об этом заинтересовало Н. Пашича. По его заданию постоянный представитель сербского правительства в Югославянском комитете Стоян Протич в переговорах с А. Трумбичем пытался выяснить, от кого исходит предложение У. Стида — от него лично, или от влиятельных английских кругов?³⁶ Опасаясь поддержки этими кругами Югославянского комитета, Н. Пашич стремился удержать инициативу в югославянском движении в своих руках. Вот почему в мае 1917 г. он дважды выносил на заседание сербского правительства югославянский вопрос. После падения царской власти в России позиция Великобритании имела для него особое значение. Предлагая провести совещание представителей двух руководящих центров в югославянском движении, Н. Пашич преследовал кроме всего прочего также и цель поколебать веру английских и французских политиков в возможность сохранения Австро-Венгрии³⁷. В этом направлении определенную работу проделали и английские австрофобы.

Антигабсбургская пропаганда и деятельность группы публицистов, поддержанная представителями колониальных кругов, нашла отклик и в Форин Оффисе, где довольно быстро сообразили, что подрыв могущества габсбургской монархии изнутри вполне отвечает интересам британской внешней политики. В середине 1916 г. британская дипломатия, реагируя на изменение обстановки, поставила вопрос о возможности расчленения Австро-Венгрии и образования новых государств. На подготовку английских империалистов к такому исходу войны указывал В. И. Ленин в конце 1916 г.³⁸ Специальный внутренний комитет по военным целям в Форин Оффисе еще в августе разработал и представил на рассмотрение кабинета меморандум под названием «Предполагаемые основы будущего территориального устройства в Европе». Авторы документа, работники отдела политической разведки У. Тиррель и Р. Пейджет, в гипотетической форме ставили вопрос о распаде Австро-Венгрии и предлагали меры по усилению на этот случай английского влияния в Дунайском бассейне. В разработанном ими документе предусматривалось объединение югославян в единое независимое государство³⁹.

Таким образом, борьба югославян за независимость и объединение привлекала внимание различных групп буржуазной Англии — от либеральных публицистов до официальных кругов Форин Оффиса. При этом главным для всех групп были не интересы югославян, а забота об укреплении стратегических позиций британского империализма. Незадолго до начала войны, касаясь положения на Балканах, В. И. Ленин призывал «бороться и с казенно-правительственной и с либеральной „дипломатией“»⁴⁰, прикрывавшей экспансионистские планы империалистических держав в этом регионе. Этот призыв оставался актуальным и в военные годы.

³⁵ M. P a u l o v á. Jugoslavenski odbor (Povijest jugoslavenske emigracije za svjetskog rata od 1914—1918). Zagreb, 1925, s. 195.

³⁶ Ibid., s. 335.

³⁷ Д. Я н к о в и ћ. «Велики» и «малы» ратни програм..., с. 161.

³⁸ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, с. 105.

³⁹ V. H. R o t h w e l l. British war Aims and Peace Diplomacy 1914—1918. Oxford, 1971, p. 42—44.

⁴⁰ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, с. 142.

Позиции противников югославянского объединения были к середине 1917 г. преобладающими в общественном мнении Великобритании и доминирующими на уровне официальной политики. Традиция внешнеполитического мышления британских политиков, рассматривавших Австро-Венгрию в качестве необходимого звена в системе европейских государств, подкреплялась сохранившимися надеждами на отрыв этой страны от Германии. Попытки завязать мирные переговоры с габсбургской монархией предпринимались неоднократно на протяжении 1917 г. В связи с этим в высших правительственных кругах разрабатывались и обсуждались различные проекты. Их авторы сходились в одном: если Австро-Венгрия заключит сепаратный мир, она станет барьером германскому продвижению на Восток. Эти планы, естественно, исключали распад габсбургской империи и образование югославского государства⁴¹.

Возможность отделить Австро-Венгрию от Германии широко обсуждалась в прессе. По разному интерпретируя этот вопрос, об этом писали «Манчестер гардиан», «Нейшн», «Дейли ньюс». Известный либеральный журнал «Контемпорери ревью» подвел своеобразный итог этому вопросу словами Г. Н. Брейлсфорда: «Реорганизованная на федеральной основе Австро-Венгрия будет идеальным барьером против германской экспансии»⁴². Эта фраза отражала не просто личные взгляды видного английского публициста, а позицию узкой, но влиятельной группы буржуазных радикалов — противников войны. Осенью 1914 г. они создали пропагандистское общество «Союз демократического контроля» (СДК), которое на протяжении войны разоблачало в памфлетной литературе империалистические цели воюющих держав и прежде всего британского правительства. Оставаясь на позициях буржуазного пацифизма, активные деятели СДК — Э. Морель, А. Понсонби, Б. Рассел, названный выше Брейлсфорд и другие — полагали, что распад Австро-Венгрии продлит войну⁴³. Эта исходная посылка лежала в основе их отрицательного отношения к идее югославянского объединения.

Подход английских государственных и политических деятелей и общественности к югославянскому вопросу определялся не только стратегическими соображениями и сложившимся в английской дипломатии традиционным внешнеполитическим стереотипом. Значительное воздействие на его решение оказывали и другие факторы, а именно: обострение национального вопроса в самой Великобритании и рост освободительного движения в Британской империи. В сознании английского буржуа, знакомого с историей своей страны, всякое упоминание о национально-освободительной борьбе ассоциировалось с ирландским вопросом, а в подсознании всплывали воспоминания о грозных событиях 1857—1859 и 1905—1908 гг. в Индии, а также антиимпериалистические движения в других частях империи.

Уже в первые годы войны британский империализм столкнулся с трудностями в своей колониальной политике. Активизировалось освободительное движение в Индии, Египте, Южной Африке. Но особенно сильный удар, потрясший колониальные устои британской империи, нанесло знаменитое пасхальное восстание в Ирландии, длившееся с 24 по 30 апреля 1916 г. «Красная пасха» напомнила самодовольному британцу, с негодованием осуждавшему притеснения в других частях мира, что борьба за

⁴¹ H. H a n a k. The Government, the Foreign Office and Austria-Hungary, p. 171—175.

⁴² «The Contemporary Review», v. 112, № 620, August, 1917, p. 135.

⁴³ Подробнее об этом см. M. S w a r t z. The Union of Democratic Control in British Politics during the First World War. Oxford, 1971, p. 136—138; H. H a n a k. Great Britain and Austria-Hungary..., p. 154—156.

национальное освобождение ведется не только в Восточной Европе и на Балканах, но и рядом, на «Зеленом острове». Стало более чем очевидным, что в стране, претендовавшей на особый «демократизм», имеется «задний двор», на который не распространяются заявления английских политиков о свободе и правах малых наций. В связи с этим возможности для ведения внешнеполитической пропаганды значительно сузились, а внутри страны критики получили материал для нападков на правительство. Они прибегали к сравнению призывов к освобождению угнетенных народов габсбургской империи с аналогичными требованиями ирландцев в самой Великобритании. «Если мы требуем независимости для наций Австро-Венгрии, — заявлял с парламентской трибуны пацифист Ч. Тревелиян, — то нет никаких вразумительных аргументов для выступлений против независимости Ирландии или Финляндии, так же как Чехословакии и Югославии»⁴⁴.

Опасной для английских правящих кругов аналогией не преминули воспользоваться ирландцы. 26 февраля 1917 г. ирландский парламентарий Скэнлен вопрос об арестах в Ирландии начал со слов: «Мы много слышали о сражении за свободу малых наций. Есть одна нация, которую следует немедленно освободить — это ирландцы»⁴⁵. В дальнейшем этим аргументом пользовались многие парламентарии⁴⁶. Ирландский вопрос, являясь на протяжении последних военных лет своеобразным барометром политической жизни внутри страны, оказывал сильное воздействие и на внешнюю политику Великобритании⁴⁷. Особенно сильно это влияние ощущалось в связи с определением политики в отношении народов Австро-Венгрии. Именно здесь наиболее резко проявлялось противоречие между лицемерными внешнеполитическими претензиями Великобритании на роль защитницы европейских свобод и ее открыто угнетательской внутренней политикой. Лучшее из этого противоречия понимал мастер социального и политического маневрирования премьер-министр Д. Ллойд Джордж. В апреле 1917 г. глава правительства говорил лидеру ольстерских юнионистов Э. Карсону: «Ирландский вопрос является камнем преткновения в ведении войны»⁴⁸. Эту же мысль он выразил в Палате общин⁴⁹. Забота о сохранении «фасада» буржуазной демократии в сфере внешней политики и в прямой связи с этим необходимость некоторых уступок в Ирландии открыто выражалась буржуазной прессой. Апрельский номер журнального обозрения, суммируя выводы ряда статей, отмечал, что ирландский вопрос касается основ военной программы и будущей политики. «Мы не можем, — резюмировал автор обзорной статьи Г. Лоу, — быть защитниками права наций в Европе и отрицать эти права на наших островах»⁵⁰. Таким образом, в противовес стратегическим соображениям и традиции внешнеполитического мышления определенное воздействие на подход по-

⁴⁴ «The Parliamentary Debates. House of Commons. Official report. 5-th series», v. 90, col. 1190.

⁴⁵ «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 90, col. 1787.

⁴⁶ В Палате общин Ирландскую националистическую партию представляли 84 депутата. См. «British Parliamentary Election Results 1885—1918». London, 1974, table 3.

⁴⁷ Е. Ю. Полякова. Ирландский вопрос в английской политике (1916—1920 гг.). «Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки». Изд-во МГУ, 1972, с. 74—97. Автор статьи изучала влияние ирландского вопроса на внутреннюю политику. Отсутствие специальных исследований о влиянии этого вопроса на внешнюю политику признано серьезным пробелом в британской военной истории. См. «Guide to the Sources of British Military History (ed. by R. Higham)». London, 1972, p. 405.

⁴⁸ David G. Boyse. British Opinion, Ireland and the War 1916—1918. «The Historical Journal», 1974, v. 17, № 3, p. 585.

⁴⁹ «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 91, col. 455.

⁵⁰ «The Review of Reviews», v. 55, № 328, April, 1917, p. 377.

литиков и общественности к югославянскому движению оказывало обострение национального вопроса в самой Великобритании.

Известия о конференции представителей сербского правительства и Югославянского комитета, собравшихся на о. Корфу, доходили в Англию со значительным опозданием. Эти известия вызвали своеобразную поляризацию общественного мнения и послужили стимулом к активизации противников освободительной борьбы югославян. Среди них особо выделялся Ноэль Бакстон, известный по его книге «Война и Балканы»⁵¹ как поборник прав малых наций. Н. Бакстон и его сторонники избрали необычную тактику. Являясь решительными противниками распада Австро-Венгрии, они в то же время не хотели терять репутацию защитников малых наций и поэтому не делали открытых заявлений в парламенте и прессе. Английские австрофилы с начала 1917 г. практиковали метод частного давления на влиятельных чиновников. Таким способом они пытались воздействовать на внешнеполитическое мышление государственных деятелей, включая самого премьер-министра⁵².

Получив известие о переговорах на о. Корфу, Н. Бакстон и его сторонники изменили тактику. В середине 1917 г. они «атаковали» Форин Оффис письмами с изложением перспектив территориального переустройства Восточной Европы. Подобные письма были разосланы видным политикам⁵³. Аргументы, находившиеся в теоретическом багаже английских австрофилов, раскрылись в парламентской речи Н. Бакстона. 24 июля 1917 г. депутат от графства Норфолк произнес в Палате общин длинную речь, которая была оценена его сторонниками как «прямолинейная и стремительная атака на югославянскую идею»⁵⁴. Н. Бакстон разделил аргументы в пользу раздела монархии Габсбургов на две категории. К первой он относил провозглашенный союзниками принцип национальности, на основе которого «нам предлагают сохранить в силе обещание о восстановлении Сербии и дать гарантию создания крупного объединения сербов, хорватов и словенцев». Вторая категория аргументов сводилась к тому, что «ради нашей собственной защиты мы должны создать прочный барьер германскому продвижению на Восток в виде обширного Югославянского государства»⁵⁵. Н. Бакстон опровергал эти утверждения своих оппонентов, которых он назвал «огнедышащими австрофобами». Суть его доказательств сводилась к следующему: народы габсбургской монархии не хотят независимости; возможность ее внутреннего преобразования за годы войны не отдалилась, а приблизилась; в США не считают Австро-Венгрию «ветхой и обреченной». Черпая аргументы против создания независимых государств в хорошо знакомом британцу сюжете из ирландской действительности, депутат от Норфолка пугал парламентариев перспективой «создания в Европе нескольких Ольстеров»⁵⁶.

Выступление Н. Бакстона в парламенте энергично поддержал Д. Кинг, который поведал об «изумляющем заявлении югославян», разосланном членам Палаты общин накануне заседания. Потрясен этим заявлением, найденным по его собственному признанию, в мусорной корзине Вестминстера, оратор обратил внимание на то, что под ним среди других стоят подписи трех членов военного кабинета — Карсона, Мильнера и Барнса. Усомнившись в истинности этих подписей, Д. Кинг приписывал авторство документа двум чиновникам, которым, по его словам, «позволено удовлет-

⁵¹ Noel and Charles B u x t o n. The War and the Balkans. London, 1915.

⁵² H. H a n a k. Great Britain and Austria-Hungary..., p. 146—147.

⁵³ V. H. R o t h w e l l. Ibid., p. 118.

⁵⁴ «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 96, col. 1181.

⁵⁵ Ibid., col. 1175.

⁵⁶ «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 96, col. 1176—1177.

ворять свои причуды на правительственной службе». Названы были имена этих чиновников — Д. Букхэн и Р. Ситон-Уотсон. Драматизируя окончание своей речи, оратор обвинял правительство в том, что оно «теряет здравый смысл» и проводит «дикую и истерическую политику в Восточной Европе»⁵⁷.

Документ, о котором с таким презрением говорил Д. Кинг, представлял собой копию меморандума на имя Ллойд Джорджа, составленного советом Сербского общества Великобритании. Известия о переговорах на о. Корфу привели в движение не только противников, но и сторонников объединения югославян. Выступая от имени Сербского общества, они пытались убедить правительство в необходимости сделать объединение югославян одной из целей Британии в ведущейся войне. За время переговоров между югославскими деятелями на о. Корфу (июнь — июль 1917 г.) Ллойд Джордж получил два меморандума с таким предложением, а 21 июля копии второго, несколько измененного, меморандума в форме «Заметок о стратегии» были доставлены 720 членам обеих палат парламента. Содержание документа сводилось к предупреждению британского правительства о последствиях возможного перехода Сербии на сторону центральных держав в том случае, если она не получит поддержки от союзников. Германия в таком случае, — предсказывали авторы, — поспешит заключить сепаратный мир, и, уступив в других местах, установит контроль на Балканах. В качестве альтернативы предлагалось оказать поддержку югославянскому движению⁵⁸.

Можно не сомневаться в причастности к меморандуму Р. Ситон-Уотсона, который, как отмечают югославские историки, был душой Сербского общества⁵⁹. Следует, однако, добавить, что к этому времени его талант пропагандиста оценили и активно использовали в отделе политической разведки министерства иностранных дел⁶⁰. Там признали необходимым иметь посредников между буржуазными эмигрантами из Австро-Венгрии и официальными британскими властями. Политики предпочитали действовать из-за кулис, скрывая свои связи и используя подставных лиц. Эту роль успешно выполняли Р. Ситон-Уотсон, У. Стид и др.

Деятельность английских австрофобов была оценена и в другом плане. После Февральской революции в России британская буржуазия остро чувствовала необходимость более утонченной маскировки своих империалистических целей. Среди трудящихся росли неуверенность и подозрения относительно целей и задач войны. Это показали со всей ясностью доклады восьми комиссий, созданных для изучения причин волнений в промышленности, представленные 17 июля 1917 г. премьер-министру, а затем парламенту⁶¹. Усиление антивоенных настроений в стране можно было в какой-то мере нейтрализовать утонченной пропагандой. Эту работу с успехом выполняли английские австрофобы и, в особенности, Р. Ситон-Уотсон, имевший тесные связи с Рабочей просветительской ассоциа-

⁵⁷ Ibid., col. 1183—1185.

⁵⁸ H. H a n a k. Great Britain and Austria-Hungary..., p. 200.

⁵⁹ D. Sepić. Ibid., s. 174; K. Milutinović. R. W. Seton-Watson i Jugoslavenski odbor u Londonu, s. 458.

⁶⁰ В лекции, прочитанной 5 апреля 1970 г. в Институте истории им. Н. Йорги в Бухаресте, профессор Хью Ситон-Уотсон (младший) вспоминал, что его отец в 1914 г. предлагал свои услуги Форин Оффис без оплаты на все время войны. Это предложение не было принято. О службе Р. Ситон-Уотсона (старшего) в отделе политической разведки профессор предпочел умолчать. H. S e t o n - W a t s o n. R. W. Seton-Watson and the Romanians. «Revue Roumaine d'Histoire», 1971, № 1, p. 37.

⁶¹ M. M. К а р л и н е р. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918). М., 1961, с. 282.

цией⁶². Он был одним из авторов книги «Война и демократия», написанной в 1914 г. для пропаганды «демократических» военных целей среди трудящихся⁶³. Заслуги Р. Ситон-Уотсона в нейтрализации антивоенных настроений среди рабочих особо отмечались в памятной записке Форин Оффиса⁶⁴.

Сторонники объединения югославян отсутствовали на заседании Палаты общин 24 июля 1917 г. Атака на югославянскую идею, предпринятая Н. Бакстоном и Д. Кингом, получила отпор лишь со стороны одного парламентария. Им был лидер ирландской фракции в Палате общин Джон Диллон. Оценивая меморандум Сербского общества, ирландский националист назвал его «очень важным государственным документом, исходящим от официальных правительственных кругов». Д. Диллон использовал дискуссию по югославянскому вопросу как повод, чтобы напомнить еще раз о требованиях ирландцев. Его речь заканчивалась традиционным укором британским властям: «Где мы оправдали свою репутацию защитников малых наций? Конечно, не в Ирландии»⁶⁵. В дальнейшем ирландские парламентарии неоднократно использовали лозунг освобождения народов Австро-Венгрии как аналогию для обоснования своих требований⁶⁶. Вплоть до окончания войны при всяком упоминании об освобождении народов габсбургской империи они выдвигали перед британскими властями требование «сначала привести в порядок свой собственный дом»⁶⁷.

Небезынтересно отметить, что кроме ирландцев наиболее активными австрофобами в Палате общин были депутаты от Шотландии А. Брайс и Ф. Уайт⁶⁸. Подобная ситуация складывалась и вне парламента. Антигабсбургская кампания, направляемая Р. Ситон-Уотсоном, была поддержана в основном шотландцами и ирландцами. «Ирландцы оспаривали лидерство антигабсбургского движения у шотландцев», — признает современный историк Г. Хенек⁶⁹. На этот факт, не оставшийся, вероятно, незамеченным британскими политиками и общественностью, обращал в свое время внимание и хорватский буржуазно-демократический деятель Ф. Супило. В переписке он делал особый акцент на шотландском происхождении Р. Ситон-Уотсона. «Ваши знания и Ваш опыт, прежде всего как шотландца в Британии (*si licet parva Croatia et Jugoslavia comparare magnis*) помогут нам правильно и справедливо решать наш национальный вопрос», — писал Ф. Супило Р. Ситон-Уотсону в апреле 1917 г.⁷⁰ В письме к сербскому послу в Лондоне Йовану Йовановичу Ф. Супило обращал внимание на то, что в Великобритании «процесс национального слияния (*fuzioniranja*) еще не завершен. Мы видим валлийцев, шотландцев, ирландцев...»⁷¹. При определении роли и влияния общественного мнения

⁶² Рабочая просветительская ассоциация была основана в 1903 г. с целью направлять самообразование рабочих. Объявила себя «беспартийной» и «аполитичной». «Encyclopedia Britannica», v. 22. London, 1965, p. 881.

⁶³ «The War and Democracy» (by R. W. Seton-Watson, J. D. Wilson, A. E. Zimmern, A. Greenwood). London, 1914.

⁶⁴ Z. A. B. Z e m a n. Ibid., p. 351.

⁶⁵ «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 96, col. 1189—1192, 1197.

⁶⁶ Для понимания позиции ирландских националистов в парламенте следует учитывать, что многие из них в 1917—1918 гг. усиленно драпировались в цвета радикальной партии Шли Фейн с целью сохранить политическое влияние. Отсюда понятны их резкие нападки на правительство. А. Д. К о л п а к о в. Ирландия — остров мятежный. М., 1965, с. 31.

⁶⁷ «The Parliamentary...», v. 98, col. 1409; v. 104, col. 1510, v. 105, col. 326, 337.

⁶⁸ «British Parliamentary Election Results 1885—1918», p. 512, 518.

⁶⁹ H. N a n a k. Great Britain and Austria-Hungary..., p. 114.

⁷⁰ Д. Ш е п и ћ. Писма и меморандуми Франа Супила 1914—1917. Београд, 1967, № 106, с. 169.

⁷¹ Ф. Супило — Й. Йовановичу, 18 IV 1917. Там же, № 112, с. 179—181.

на британскую политику в югославянском вопросе следует учитывать состояние национального вопроса в самой Великобритании и своеобразную связь его с национально-освободительным движением народов Австро-Венгрии.

30 июля 1917 г., с опозданием на 10 дней, «Таймс» опубликовала текст Корфской декларации, и в тот же день ее активно обсуждали в парламенте. Либерал А. Брайс требовал не только официального признания декларации, но и обнародования специального заявления британского правительства по югославянскому вопросу⁷². Ссылаясь на авторитет Р. Ситон-Уотсона, активно поддержал декларацию Ф. Уайт. Сторонники объединения сербов, хорватов и словенцев как в парламенте, так и вне его приковали внимание политиков и общественности не столько к борьбе югославянских народов, сколько к возможности германской экспансии на Восток. При этом выражались не только опасения, но и давались рекомендации, как лучше укрепить английские позиции на подступах к Британской империи⁷³.

Противники югославян использовали все средства, чтобы опорочить идею югославянского объединения. Всячески возвышая сербского премьер-министра Н. Пашича, лидер английских австрофилов Н. Бакстон с парламентской трибуны назвал председателя Югославянского комитета А. Трумбича «человеком из Австрии», который «претендует, неизвестно почему, на то, чтобы представлять мнение 9 000 000 югославян, живущих в Габсбургской империи». Особый нажим делался на имеющиеся различия между югославянскими народами. «Вершиной» ораторского мастерства Н. Бакстона были рассуждения о том, что югославяне «не смогут дать названия своей мечте» и что предполагаемая здравица в честь их государства должна будет звучать очень длинно: «Вива Хорватия, Сербия, Словения...» Как и в предыдущих выступлениях, оратор устрасал политиков и общественность перспективой «создания многих Ольстеров в будущих государствах»⁷⁴.

Острая полемика между английскими австрофобами и австрофилами, вершиной которой стала дискуссия по югославянскому вопросу в июле 1917 г., была своеобразно использована правящими кругами, имевшими к этому времени уже вполне сложившиеся представления о территориальном переустройстве Восточной Европы и Балкан. На первое место выдвигалась задача оторвать Австро-Венгрию от Германии путем заключения сепаратного мира.

Следует отметить, что в годы войны имелись некоторые разногласия между военным кабинетом и министерством иностранных дел. Глава британского правительства часто игнорировал советы дипломатов, проявляя диктаторские замашки и полагаясь в основном на советы своих секретарей. Традиционное влияние Форин Оффиса значительно упало. О некоторых шагах «любительской дипломатии», поощряемой Ллойд Джорджем, там только догадывались⁷⁵.

Что же касается попыток оторвать Габсбургскую империю от ее союзника, то в этом вопросе среди британских политиков не было разногласий. В 1917 г. секретная дипломатия активно работала в этом направлении. Меморандум Тирреля и Пейджета, предусматривавший распад Австро-Венгрии и образование независимых государств, обсуждался еще в сентябре 1916 г., а затем был предан забвению. Никто не вспоминал о нем

⁷² «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 96, col. 1827.

⁷³ Ibid., col. 1828, 1840.

⁷⁴ Ibid., col. 1830—1831.

⁷⁵ R. M. W a r m a n. The Erosion of Foreign Office influence in the making of Foreign Policy, 1916—1918. «The Historical Journal», 1972, v. XV, № 1, p. 133—159.

в 1917 г.⁷⁶ Наоборот, активно обсуждались различные проекты сепаратного мира. Один из них, составленный в марте Э. Дрюммондом, личным секретарем А. Бальфура, вызвал особый энтузиазм. При его обсуждении парламентский заместитель главы Форин Оффиса Гардинг внес предложение о том, чтобы приблизить сепаратный мир, предложив Италии, претендующей на территорию Австро-Венгрии, определенную компенсацию вне Европы: «за наш счет отдать земли возле Сомали, населенные безумными муллами и дервишскими племенами»⁷⁷. Ради приближения сепаратного мира британская дипломатия готова была не только пожертвовать интересами югославян, о которых при обсуждении проекта Дрюммонда никто не вспоминал, но даже пойти на незначительные территориальные уступки в колониях.

Аналогичную позицию занимал и военный кабинет, где по вопросам европейского переустройства доминирующими были мысли «неоимпериалистов» и их главы лорда Мильнера. В марте 1917 г. он предлагал при определении военных целей настаивать на «несокращаемом минимуме», который исключал распад Австро-Венгрии. «Мы вступили в войну не за чехословаков, югославов, румын или поляков», — заявил Мильнер⁷⁸. Эти мысли разделяли Ф. Керр (лорд Лотиан), Л. Эмери, Э. Карсон и другие влиятельные «неоимпериалисты».

Для приближения сепаратных переговоров британским политикам надо было не только убедить общественность в жизнеспособности Габсбургской империи, но и открыто отступить от тех, не совсем удачно «скалькулированных» пропагандистских обещаний, которые Англия «отпустила» вместе с союзниками угнетенным народам в ноте от 10 января 1917 г. Хотя эти обещания были весьма расплывчатыми, их часто интерпретировали как стремление союзников добиться распада Австро-Венгрии. Президент США именно так расценил фразу об «освобождении итальянцев, а также славян, румын и чехословаков от иностранного владычества». Решительно выступая против распада многонациональной империи, В. Вильсон, инструктируя американского посла в Лондоне Пейджа, поручал ему побудить английских политиков оставить эту цель, ибо она отдаляет осуществление его надежд на сепаратный мир⁷⁹. Апелляция Антанты к малым народам вызвала нежелательную для британской дипломатии реакцию и в политических кругах габсбургской монархии. Это мешало в какой-то мере приближению сепаратных переговоров.

В 1917 г. отступление английских политиков от пропагандистских обещаний угнетенным народам шло по всем линиям. Американского президента заверили в готовности Великобритании не притерпеваться «крайних целей» в отношении монархии Габсбургов⁸⁰. На общественность стремились повлиять, используя прессу. В апреле лорд Мильнер, при полном согласии Ллойд Джорджа, пытался со страниц газет пропагандировать взгляды «неоимпериалистов» на проблемы европейского устройства. Эта попытка закончилась неудачно. Влиятельные «Таймс» и «Дейли телеграф» отказались поместить интервью Мильнера публицисту Сиднею Лоу, в котором излагались британские военные цели в форме «несокращаемого минимума»⁸¹.

⁷⁶ «The History of „The Times“», v. IV, part I, p. 327.

⁷⁷ H. H a n a k. The Government, the Foreign Office and Austria-Hungary, p. 174.

⁷⁸ A. J. M a y. Passing of the Habsburg Monarchy, v. II, p. 541.

⁷⁹ «F. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1917. Supplement 1. The World War». Washington, 1931, p. 40, 41.

⁸⁰ Ю. А. П и с а р е в. Образование Югославского государства, с. 182.

⁸¹ «The History of „The Times“», v. IV, part I, p. 330. Интервью поместил ежемесячный журнал «Атлантик мансли»: S. L o w. Peace and Settlement. «Atlantic Monthly», 1917, v. 80, p. 39—50.

Наиболее удачной попыткой повлиять в нужном направлении на общественность было выступление в Палате общин представителей Форин Оффиса в связи с дискуссией по югославянскому вопросу. Речь заместителя министра иностранных дел лорда Роберта Сесилия 24 июля 1917 г. могла бы служить образцом для иллюстрации излюбленного в британской политике принципа компромисса. Энергично отрицая причастность членов военного кабинета к упоминавшемуся выше меморандуму Сербского общества, Р. Сесиль не желал ни на шаг сдвинуться дальше поты союзников от 10 января 1917 г. Восстановление Сербии вписывалось в перечисленные им общие принципы британской внешней политики. «Что касается доктрины югославянского движения,— заявил он, мы стоим на грани, дальше которой двигаться опасно, а именно: наш ответ президенту Вильсону»⁸². Представитель Форин Оффиса использовал дискуссию по югославянскому вопросу для того, чтобы косвенно повлиять на австрийскую дипломатию с целью приблизить сепаратные переговоры. Свидетельством некоторого успеха были отклики в прессе габсбургской монархии. В газете венгерских монополистов «Пестер Ллойд» появилось коммюнике, инспирированное австрийской дипломатией, которое приветствовало уклончивую позицию Великобритании по югославянскому вопросу. Эту же мысль развивала и венская «Фремденблатт»⁸³. Сам Р. Сесиль был очень доволен таким восприятием его речи, получая сведения по дипломатическим каналам из столиц нейтральных держав⁸⁴. В подобном же стиле 30 июля произнес речь в парламенте и А. Бальфур. По ее неопределенности и жонглированию общими фразами глава Форин Оффиса превзошел своего кузена Р. Сесилия. Он отрицал вообще какую-либо возможность конкретной постановки югославянского вопроса⁸⁵.

Реакционная сущность политики британских правящих кругов в отношении югославян закономерно проявлялась в лицемерном либерализме ее главных проводников. А. Бальфур и его заместитель своими рассуждениями о свободе, демократии и справедливости фактически прикрывали проводимый ими политический курс на сохранение Австро-Венгрии. В дальнейшем на многочисленные запросы парламентариев о Лондонском договоре 1915 г., об отношении правительства к Корфской декларации, о балканской политике в целом, представители официальных властей отвечали неопределенно и уклончиво⁸⁶. Ораторская лексика А. Бальфура и Р. Сесилия может служить образцом либерального лицемерия, характерного не только для них лично, но и для всей представляемой ими системы.

Практические дела британской дипломатии были очень далеки от тех идеалов, на которые возлагали надежды многие югославянские эмигранты и их сторонники в Англии. Пока сохранялись надежды на отрыв Австро-Венгрии от Германии, политики в своих практических действиях игнорировали антигабсбургские настроения группы либеральной интеллигенции как в парламенте, так и вне его. В 1917 г. такие надежды подкреплялись действиями тайной дипломатии. Отсюда понятна уклончивая позиция официальных лиц в отношении Корфской декларации. Еле заметный сдвиг наметился лишь глубокой осенью 1917 г. В конце ноября настойчивые запросы Д. Кинга об отношении Англии к Корфской декларации были вознаграждены ответом лорда Р. Сесилия: «Правительство Его Величества восприняло документ с большим интересом и симпатией»⁸⁷.

⁸² «The Parliamentary Debates. House of Commons», v. 96, col. 1201—1202.

⁸³ См. А. J. M a y. *Passing of the Habsburg Monarchy*, v. II, p. 546.

⁸⁴ Н. H a n a k. *The Government, the Foreign Office and Austria-Hungary*, p. 181.

⁸⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons», v. 96, col. 1848.

⁸⁶ *Ibid.*, v. 97, col. 1510; v. 98, col. 1399, 1400, 1402.

⁸⁷ *Ibid.*, v. 99, col. 1986.

Этот нюанс не был, разумеется, результатом влияния буржуазного общественного мнения, а был, несомненно, связан с тем обстоятельством, что в это время шансы на успех сепаратных переговоров значительно упали и, по выражению буржуазного историка, «приближение к сепаратному миру шло черепашьям шагом»⁸⁸. Впрочем «интерес и симпатии» правительства к Корфской декларации отнюдь не закрывали британской дипломатии путь к очередному раунду тайных переговоров с представителями габсбургской монархии в декабре 1917 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция сыграла решающую роль в исторических судьбах югославянских народов. Под ее воздействием широчайший размах приобрела социальная и национально-освободительная борьба трудящихся масс, поставившая габсбургскую монархию на край гибели. Эта борьба оказала решающее воздействие и на британскую политику в югославянском вопросе. Стремление канализировать ход национально-освободительного движения в Австро-Венгрии и на Балканах в нужном им направлении заставило британских политиков считаться с объединительными стремлениями югославян и занять в этом вопросе вполне определенную позицию. Происшедший в 1918 г. поворот в политике правящих кругов Великобритании в значительной мере был облегчен активной пропагандой английских сторонников югославянского объединения. Именно в этом и состояло основное значение деятельности британских австрофобов накануне и в период работы конференции на о. Корфу.

⁸⁸ Z. A. B. Z e m a n. Ibid., p. 151.

Н. Н. ВЛАДЫКО

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ И НОВЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРЦЕГОВИНЕ В 50—60-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Изучение эпистолярного наследия русских ученых-славистов и их славянских корреспондентов всегда привлекало внимание советских ученых¹. Это позволяет более подробно узнать многосторонние научные и общественные связи, понять круг интересов автора, его политические взгляды. К числу малоизученных относится архив известного русского ученого, профессора Варшавского университета Викентия Васильевича Макушева. Архив находится в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОРГБЛ), куда он поступил из Варшавского университета (фонд 156). Материалы, содержащиеся в нем, охватывают 50—80-е годы XIX в. В их состав входят черновые наброски, статьи и исследования, лекции, прочитанные в Варшавском университете, копии и оригиналы источников, собранные во время зарубежных поездок, личные хозяйственные документы. Уже сразу после смерти ученого его коллеги и последователи высказали мысль о ценности макушевского личного архива². А близко знавший его М. Дринов подчеркнул, что интерес для науки представляют не только неопубликованные архивные документы, собранные В. В. Макушевым за границей, но и его письма, которые заслуживают тщательного изучения³. Корреспонденция ученого включает переписку с видными русскими славистами А. Ф. Гильфердингом, О. М. Бодянским, Н. А. Поповым, В. В. Качановским, А. А. Котляревским, П. А. Кулаковским, П. А. Лавровским, И. С. Пальмовым, И. И. Срезневским и др. Среди иностранных корреспондентов В. В. Макушева — И. Блэйвейс, С. Бошковиц, М. Дринов⁴, П. И. Шафарик, Никола (князь Черногории), И. Кукулевич-Сакцинский, Ф. Рачки, Л. Вукалович. Письма последнего, известного руководителя герцеговинских восстаний 50—60-х годов XIX в., представляют, на наш взгляд, особый интерес.

¹ Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.—Л., 1948; Н. А. Ко н д р а т о в. Документы из истории русского славяноведения. Уч. зап. МОПИ, т. 257. Рус. яз., вып. 16, 1969; С. А. В и н о г р а д о в. Из истории славяноведения в России в XIX—XX вв. Славянский архив. М., 1961; Б. С. П о п к о в. И. Лелевель и русские ученые. «Славянский архив», М., 1963 и др.

² А. С. Б у д и л о в и ч. Некролог В. В. Макушева. Журнал министерства народного просвещения, 1883, № 4, с. 80.

³ М. Д р и н о в. Съчинения, т. 3. София, 1915, с. 474.

⁴ М. В. Н и к у л и н а. Письма М. С. Дринова В. В. Макушеву (1870—1875). «Советское славяноведение», 1974, № 2; с. 64—69.

Проблемам национально-освободительного движения в южнославянских странах посвящено значительное число исследований, тем не менее выступление герцеговинского народа под руководством Луки Вукаловича до сих пор изучено недостаточно⁵. В югославской историографии существует лишь несколько небольших по объему работ, специально посвященных этому вопросу. Одной из первых была опубликована статья Й. Накиченовича «Лука Вукалович, великий герцеговинский воевода», в которой он описывал жизнь популярного в народе гайдука и его борьбу против турецких властей⁶. По свидетельству автора, основным источником сведений для него явились воспоминания участников событий, а потому в хронологии и изложении фактов у Й. Накиченовича много неточностей и ошибок. Он считает Л. Вукаловича народным героем, человеком редких душевных и физических качеств, всю неудачу восстания приписывает несогласию в рядах повстанцев и считает, что зависть и вражда к герцеговинскому воеводе погубили народное дело. Работа носит популярный характер и написана с большим патриотическим подъемом.

В 1923 г. выходит книга В. Чоровича, посвященная политическим и дипломатическим событиям 50—60-х годов XIX в. в Герцеговине и соседних с ней областях⁷. Автор впервые вводит в научный оборот документы из австрийских архивов, широко использует мемуарную литературу, указывает на значение русских дипломатических материалов. В. Чорович анализирует международную ситуацию в период герцеговинских восстаний, оценивает позицию Черногории и Сербии по отношению к повстанцам, рассматривает отношение европейских государств к национально-освободительной борьбе герцеговинского народа. Некоторые из выводов югославянского ученого уже устарели и пересмотрены советской историографией. Это касается, в частности, позиции Франции в черногорско-герцеговинском вопросе⁸. Впоследствии автор неоднократно обращался к истории восстаний под руководством Л. Вукаловича в своих работах общего и частного характера⁹.

В довоенной и послевоенной югославской исторической литературе имеются сочинения, касающиеся истории Черногорского княжества или вопросов международных отношений на Балканах, в которых авторы вскользь или более детально останавливаются на герцеговинских событиях середины XIX в. Среди них следует отметить работу В. Джорджевича «Черногория и Австрия в 1814—1894 гг.», в которой ученый достаточно подробно описывает последнее герцеговинское восстание под руководством Л. Вукаловича в 1861—1862 гг. и последующие события. Он дает характеристику сложным черногорско-герцеговинским отношениям в этот период, описывает сущность новых герцеговинских требований, останавливается на деятельности русского консульства в Дубровнике¹⁰.

В книге Й. Йовановича уделяется внимание развитию и изменению

⁵ В. Б о г и ћ е в и ћ. Почетак устанка Л. Вукаловића 1852—1853. Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине (далее—ГИДБиХ), № 4, 1952, с. 205; Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г. Београд, 1963, с. 7.

⁶ Ј. Н а к и ћ е н о в и ћ. Лука Вукаловић, херцеговачки велики војвода. «Летопис Матице Српске», 1874, кн. 116. Нови Сад.

⁷ В. Ђ о р о в и ћ. Лука Вукаловић и херцеговачки устанци 1852—1862 гг. Београд, 1923.

⁸ Р. И. Р ы ж о в а. Из истории русско-черногорских отношений. Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. «Исторические записки», 1958, т. 63; С. А. Н и к и т и н. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX века. В сб. История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.

⁹ В. Ђ о р о в и ћ. Босна и Херцеговина. Београд, 1925; е го же. Национални развој Босне и Херцеговине у прошлости до 1875 г. В сб. Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење. Сарајево, 1929.

¹⁰ В. Ђ о р ђ е в и ћ. Црна Гора и Аустрија 1814—1894. Београд, 1924.

взаимоотношений черногорского правительства и герцеговинского воеводы, выделяются два основных периода в истории отношений двух славянских областей: во время правления князя Данилы — до 1860 г. — и после него, когда реальным правителем Черногории стал отец князя Николы воевода Мирко Петрович¹¹.

В связи со столетием герцеговинских восстаний появились новые исторические публикации¹² и исследования югославских историков, посвященные периоду национально-освободительного движения в этом районе в середине прошлого века. Среди них следует отметить работы В. Богичевича¹³, в которых автор впервые обращается к вопросу о социально-экономических причинах герцеговинских восстаний, связывает их с последующими событиями в Боснии и Герцеговине и считает преддверием кризиса 1875—1878 гг. По-прежнему большинство исследователей анализирует национально-освободительное движение в Герцеговине в неразрывной связи с историей Черногории, Сербии, общей политической ситуацией на Балканах¹⁴. Ученые вводят в научный оборот все новые виды источников, расширяют временные и территориальные рамки исследований, используют методы сравнительного анализа событий на всей территории Балкан. Особого интереса заслуживает обширная монография Б. Павичевича, посвященная черногорско-турецкой войне 1862 г. В ней историк подробно освещает события того времени в соседней Герцеговине, широко использует многочисленные документы Архива внешней политики России, литературу по этому вопросу, мемуары. В этом капитальном труде по истории дипломатических отношений на Балканах и политических событий внутри славянских земель подробно и основательно анализируется роль и влияние в этом регионе России, подчеркивается ее объективно-прогрессивное значение для национально-освободительной борьбы герцеговинского народа, отмечается, как и в большинстве предшествующих работ, влияние в Герцеговине гаррибальдийского движения. Работа Б. Павичевича имеет большое научное значение, так как является наиболее полным исследованием истории герцеговинских восстаний под руководством Л. Вукаловича¹⁵.

¹¹ Ј. Јовановић. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Цетиње, 1948.

¹² С. Љубић и братић, Т. Крушевац. Прилози за проучавање Херцеговачког устанка 1857—1878 гг. ГИДБиХ, књ. 6—9, 1954—1958; Gavranović. Bosna i Hercegovina od 1853—1870. 1956; В. Вучковић. Политичка акција Србије у јужнословенским земљама Хабсбуршке монархије, 1859—1874. Београд, 1965.

¹³ В. Богичевић, Стање раје у Босни и Херцеговини пред устанак 1875—1878, ГИДБиХ, 1950; ево же. Почетак устанка Л. Вукаловића 1852—1853, ГИДБиХ, № 4, 1952.

¹⁴ Љ. Алексић. Став Француске према Србији 1858—1868. Београд, 1957; ево же. Политика Француске према Херцеговачком устанку 1861—1862. «Историјски часопис», књ. IX—X, 1960; М. Вукчевић. Црна Гора и Херцеговина уочи рата 1874—1876 гг., Цетиње, 1950; Д. Вујовић. Књезиња Даринка. Цетиње, 1968; М. Вујачић. Војвода Мирко Петровић. Београд, 1969; ево же. Знаменити црногорски и херцеговачки јунаци, т. 1—4. Београд, 1953—1956; М. Екмечић. Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање 1844—1875, ГИДБиХ; Р. Јовановић. Покушај и изглађивања спорова између Црне Горе и Србије после Црногорско-турског рата 1862. «Историјски записи», Титоград, 1973; ево же. Политички односи Црне Горе и Србије 1860—1870. Цетиње, 1977; ево же. Разгранчење Црне Горе и Турске 1858 г. «Историјски записи», 1966, св. 1—2; ево же. Мисија И. П. Ковалевског у Црној Гори 1854 г. «Историјски записи», 1963; А. Јаниновић. Француски консул у Скадру И. Екар и његова прва посета Црне Горе. «Историјски записи», 1956; Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први Балкански савез). Београд, 1963; Б. Павићевић. Црна Гора крајем 1862 г. «Историјски часопис», 1960; ево же. Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963 и др.

¹⁵ Б. Павићевић. Црна Гора у рату 1862 г. Београд, 1963.

Русская и советская историческая литература сравнительно мало обращалась к герцеговинскому национально-освободительному движению 50—60-х годов XIX в. Между тем во время восстаний периодическая печать России регулярно писала о событиях на Балканах, привлекая внимание общественности к судьбе родственного славянского народа¹⁶. В многочисленных заметках и статьях, посвященных международным вопросам, указывались основные причины, вызвавшие массовое возмущение местного населения, и среди них, прежде всего, злоупотребления турецкой администрации, притеснения христиан, тяжелое экономическое положение райи¹⁷. Страдания герцеговинского народа вызывали у авторов глубокое сочувствие, а его стойкость и героизм — всеобщее восхищение, при этом особенно высоко оценивались личные качества самого Вукаловича¹⁸. Характерной особенностью подобных выступлений было то, что герцеговинские события рассматривались в зависимости от политической ситуации в соседней Черногории¹⁹. Политическая незрелость требований составших по сравнению с политикой Черногории естественно ставила выступления герцеговинцев в зависимость от активности соседнего княжества. Так, на страницах «Библиотеки для чтения» за 1861 год мы находим следующее высказывание: «Герцеговинское восстание вызвано неудовольствием тамошних жителей против местных турецких властей и против общих распоряжений турецкого правительства, клонящихся к угнетению райи. Неудовольствий в Герцеговине набралось множество, но трудно сказать, против каких именно мер всего более ожесточены жители этой области. Вообще же герцеговинцы хлопочут не столько о политической самостоятельности своей страны, подобно сербам и черногорцам, сколько о приобретении личных прав и материального благоденствия, хотя бы и под турецким господством»²⁰. Как и все материалы подобного рода, сведения печати этого времени о национально-освободительном движении 50—60-х годов XIX в. представляют определенный интерес для изучения хода восстаний, дипломатической истории событий, откликов русской общественности.

Спустя несколько лет после восстания 1861—1862 гг. выходит в свет статья В. В. Макушева «Воспоминания о Луке Вукаловиче и последнем герцеговинском восстании», опубликованная вначале в «Литературной библиотеке»²¹, а затем в сборнике «Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, исторические, этнографические»²². Пользуясь возросшим интересом русской общественности к славянским народам в связи с открытием в Москве славянского съезда²³, автор пытается привлечь внимание к недавним событиям в Европейской Турции. Он с сожалением констатирует, что интерес к Луке Вукаловичу угас, и «такова

¹⁶ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; Н. И. Хитрова. Реакция русской периодической печати на черногорско-турецкую войну 1862 г. в сб. Славяне и Россия. М., 1972; е е же. Русское общество и Черногория в 60—70-е годы XIX в. «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов», М., 1973.

¹⁷ «Отечественные записки», 1858, май; «Современник», т. ХСVI, 1863. СПб.

¹⁸ «Библиотека для чтения», кн. 10, СПб, 1861.

¹⁹ «Отечественные записки», 1858, май, с. 51—53; «Босния в начале 1858». М., 1858, с. 56.

²⁰ «Библиотека для чтения», кн. 10.

²¹ «Литературная библиотека», т. III. СПб., 1867.

²² В. В. Макушев. Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, исторические, этнографические. М., 1867. Интересно, что В. В. Макушев приобрел популярность как исследователь южного славянства после выхода в свет этой работы. См. А. В. Никитенко. Дневник, т. 3, 1956, с. 82.

²³ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1960.

участь всех тех народных героев, деятельность которых вызывается временными потребностями страны, вся заслуга которых состоит в том, что они верно угадали эти потребности и с непреклонной волей, отчаянной решимостью стремились к их удовлетворению, но силы и круг деятельности которых были слишком ограничены, чтобы оставить по себе вечную память»²⁴. Во вступлении к сборнику В. В. Макушев подчеркивает, что о событиях в Герцеговине в 1862 г. он говорит либо по личным наблюдениям, либо на основании имеющихся у него документов, либо по рассказам таких лиц, которые не могут быть заподозрены в незнании или преднамеренном искажении истины²⁵. Особый интерес вызывает замечание автора о том, что ему суждено было познакомиться с Л. Вукаловичем, войти с ним в близкие отношения и узнать довольно коротко как его самого, так и его сподвижников²⁶. Этому, очевидно, способствовало то, что В. В. Макушев в течение почти полугода занимал в Дубровнике пост русского консула, находясь в непосредственной близости от центра герцеговинских событий. Несмотря на это, работа В. В. Макушева о герцеговинском восстании и его вожде до сих пор почти не использовалась. Исключение составляет упомянутый труд Б. Павичевича, в котором впервые подчеркивается роль Макушева в указанных событиях: вначале как дипломата, а впоследствии как историка²⁷. Автор дает высокую оценку деятельности русского исследователя, считая его отзыв о популярном вожде суждением добросовестного писателя и объективного наблюдателя. Статья В. В. Макушева, по мнению Б. Павичевича, может служить документальным источником, так как автор был в известном смысле активным участником герцеговинских событий. Об интересе русского общества к борьбе герцеговинского народа свидетельствовали также перевод на русский язык и публикация Дамским отделением Славянского благотворительного комитета в Москве в 1875 г. статьи Й. Накиченовича о Луке Вукаловиче²⁸. Средства от этого издания должны были поступить в пользу бедствующих жителей Боснии и Герцеговины.

В советском славяноведении нет работ, специально посвященных истории герцеговинских восстаний 50—60-х годов XIX в. Однако этого вопроса касались многие авторы, занимающиеся изучением национально-освободительного движения на Балканах в XIX в. или историей дипломатических отношений данного региона в указанный период. Среди них следует отметить сочинения С. А. Никитина, В. Г. Карасева, Р. И. Рыжовой, В. И. Кондратьевой, Н. И. Хитровой, Н. П. Даниловой, Е. В. Елисеевой и др. Эти историки, используя многочисленные и разноплановые источники, рассматривают проблему возникновения герцеговинского национально-освободительного движения как часть общеславянской борьбы на Балканах против Османской империи, анализируют роль европейской дипломатии в сложном восточном вопросе, политическую борьбу между великими державами на Балканском полуострове, результаты массовых выступлений южных славян против турок²⁹. Характерной особен-

²⁴ «Литературная библиотека», с. 155.

²⁵ В. В. Макушев. Задунайские и адриатические..., с. 11.

²⁶ Там же.

²⁷ Б. Павичевич. Црна Гора у рату 1862 г., с. 7.

²⁸ Эта работа, перепечатанная из 116 книги Летописи Матицы Сербской (ЛМС), была ошибочно приписана Никшичу, в то время как ее автором был Й. Накиченович. См. Л. Никшич. Вукалович, первое герцеговинское восстание. М., 1875. Ср. Ј. Накиченович. Лука Вукалович, велики херцеговачки војвода. ЛМС, кн. 116. Нови Сад, 1874.

²⁹ С. А. Никитин. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. «Вопросы истории», 1946, № 4; е го же. Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX в. «Вопросы истории», 1952, № 9; е го же. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в. В сб. История, фоль-

ностью указанных работ является повышение интереса к социально-экономической тематике данной проблемы. Из множества работ, лишь в общих чертах касающихся проблемы национально-освободительного движения герцеговинского народа в 50—60-е годы XIX в., следует выделить две, которые обращаются к этому вопросу более конкретно. Работа Н. И. Хитровой «Письма Луки Вукаловича» освещает последние годы жизни герцеговинского воеводы и содержит 11 документов, обнаруженных автором в Архиве внешней политики России. Во вступлении к публикации дается общая оценка деятельности Л. Вукаловича и рассказывается о его пребывании в июне 1865 г. в России. Статья проливает свет на довольно слабо освещенный в литературе период жизни герцеговинского воеводы, показывает, что и после подавления восстания 1861—1862 гг. Л. Вукалович не оставил надежд на возможное освобождение народа и большую роль в этом отводил России³⁰.

В книге В. Н. Кондратьевой «Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70 годы XIX в.)» освещается вопрос о социально-экономических требованиях герцеговинского крестьянства в период восстания под руководством Л. Вукаловича в 1852—1862 гг. Автор считает, что 50—60-е годы XIX в. были периодом почти непрерывной борьбы герцеговинских крестьян против помещиков, откупщиков, турецких властей. Это была общекрестьянская борьба за «раскрепощение земли от пут турецкого феодализма, за свободный труд земледельца на своем участке, и в перспективе — за переход сельского хозяйства этих провинций Турецкой империи на капиталистический путь развития»³¹. Таким образом, в требованиях крестьянства этого времени наблюдается сочетание двух начал — антифеодального и национально-освободительного.

По единодушному мнению историков, причинами восстаний Л. Вукаловича в Герцеговине были, прежде всего, невыносимый налоговый гнет, злоупотребления турецкой администрации на местах, частые неурожаи, притеснения населения по религиозному признаку³². Тяжелое положение стало особенно невыносимым после приезда в Герцеговину специально посланного Портой визира Омер-паши Латаса, который должен был провести

клар, искусство славянских народов. М., 1963; е г о ж е. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; В. Г. Карасев. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1972; В. Н. Кондратьева. К вопросу о предпосылках восстания в Б. Крайне и Посавине в 1858 г. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 18, 1959; е е ж е. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70 годы XIX в.). М., 1971; е е ж е. К истории крестьянских требований в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. Славяно-балканские исследования. М., 1972; Н. И. Хитрова. Письма Вукаловича. В сб. Славянское Возрождение. М., 1966; е е ж е. Позиция России и Австрии в связи с черногорской войной 1852—1853. В сб. Вопросы первоначального накопления и национальных движений в славянских странах. М., 1972; е е ж е. Россия и черногорско-герцеговинские события в 50 — начале 60-х годов XIX в. в сб. Балканские исследования. М., 1976; Н. П. Д а н и л о в а. Аграрные законы в 40—начале 50-х годов XIX в. и зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины. «Ежегодник аграрной истории Восточной Европы». М., 1970; е е ж е. Аграрный вопрос и национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине в конце XVIII—70-х годах XIX в. Ежегодник аграрной истории Восточной Европы, М., 1964; Р. И. Рыжова. Из истории русско-черногорских отношений. Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. «Исторические записки», М., 1958, т. 63; Е. В. Е л и с е е в а. К вопросу о социально-экономических отношениях. Труды Томского ун-та, т. 136, 1957.

³⁰ Н. И. Хитрова. Письма Л. Вукаловича..., с. 214.

³¹ В. Н. Кондратьева. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70 годы XIX в.), с. 113.

³² В. Богинев и Ђ. Почетак устанка Л. Вукаловића. ГИДБиХ, 1952, № 4, с. 205; Л. Накићеновић. Лука Вукаловић..., с. 166.

в этом районе преобразования по танзимату³³. Одной из первых акций Омер-паши в отношении Герцеговины был приказ разоружить все местное население³⁴. Это вызвало протест со стороны герцеговинцев, так как оружие было им необходимо для защиты от разбойников и диких зверей. В ряде мест жители стали оказывать сопротивление конфискации, и весной 1852 г. началось восстание, охватившее южные и юго-восточные части Герцеговины³⁵. С самого начала восставшие находились в тесной связи с соседней Черногорией, получая оттуда моральную и нередко военную поддержку³⁶. Начавшееся в Герцеговине выступление играло большую роль в черногорских планах укрепления своей независимости, особенно после провозглашения 18 июня 1852 г. Даниила I черногорским князем³⁷. Поэтому события в этой части Османской империи получили определенный международный резонанс. Россия, заинтересованная в восточном вопросе, усилила свое внимание к черногорско-герцеговинской проблеме после начала Крымской войны. В связи с этим состоялась поездка на Балканы известного русского ученого и дипломата Е. П. Ковалевского для изучения и оценки обстановки на месте³⁸. Центр восстания, охвативший области Зубцы, Суторино, Дробняк и др., находился в непосредственной близости от австрийской границы в Далмации и потому вызывал живой интерес австрийской дипломатии³⁹. В 1856 г. Порта приняла регулирующий отношения крестьян в области землепользования Хаттихумаюн⁴⁰. Но этот закон мало изменил положение герцеговинского крестьянства и восстание вспыхнуло с новой силой в декабре 1857 г.⁴¹ Русские дипломаты в своих донесениях о положении дел в Герцеговине указывали, что причины нового восстания крылись в самой османской системе, где оставались без наказания злоупотребления турецкой администрации, насилия военщины и различные проявления мусульманского фанатизма⁴². По мнению исследователей, это движение герцеговинского народа оказало большое влияние на соседние районы Боснии, вызвало повышение интереса мировой общественности к судьбе порабожденных славянских народов⁴³. В действиях восставших против турецких войск приняла участие Черногория⁴⁴. Результатом объединенных действий балканских славян явилась блестящая граховская победа 13 мая 1858 г. К этому времени относится наиболее тесное сотрудничество Герцеговины и Черногории⁴⁵. Вследствие майской победы небольшое славянское княжество получило возможность вновь заявить о своих требованиях европейской дипломатии и использовать свои успехи как средство давления на европейские государства⁴⁶. Положительным моментом для Черногории явилось определение специально созданной международной комиссией границы между ней и Турцией, что демонстрировало новую победу южных славян в борьбе за свою независимость⁴⁷. Область Герцеговины Зубцы получила автономию⁴⁸. Как и прежде,

³³ И. Памучина. Жизнь Али-паши Ризаванбеговича, б. м., 185?, с. 53; А. Ф. Гильердинг. Собр. соч., т. 3. СПб., с. 525.

³⁴ Р. Ивановић. Стварање црногорске државе..., с. 245.

³⁵ В. Накићеновић. Почетак устанка..., с. 116.

³⁶ В. Ђоровић. Национални развој Босне и Херцеговине, с. 29.

³⁷ Н. И. Хитрова. Россия и черногорско-герцеговинские события..., с. 2.

³⁸ Р. Јовановић. Мисија Ј. П. Ковалевског у Црној Гори.

³⁹ «Югословенске тежне», Земун, 1861, с. 6—8.

⁴⁰ В. Богићевевић. Стане раје Босне и Херцеговине..., с. 146.

⁴¹ «Югославенске тежне», с. 10.

⁴² В. Н. Кондратьева. Русские дипломатические документы...

⁴³ В. Ђоровић. Национални развој..., с. 29.

⁴⁴ В. Ђорђевић. Црна Гора и Аустрија..., с. 53.

⁴⁵ М. Вукчевић. Црна Гора и Херцеговина...; Р. И. Рыжова. Там же.

⁴⁶ Р. Јовановић. Разграничење..., с. 216—217.

⁴⁷ Там же, с. 217.

⁴⁸ Ј. Накићеновић. Там же, с. 167.

требования восставших герцеговинцев не выходили из рамок социально-экономических преобразований в составе Османской империи⁴⁹.

Новые волнения в Герцеговине стали заметны в 1861 г. По-прежнему повстанцы имели тесные контакты с Черногорией, в которой вместо убитого князя Данилы стал править его племянник князь Никола, а фактически власть сосредоточилась в руках популярного в народе воеводы Мирко Петровича⁵⁰. В ходе военных действий произошел конфликт с Австрией, которая допустила вмешательство во внутренние дела Османской империи. Австрийское правительство было заинтересовано в нормальном функционировании торговых путей на территории Герцеговины и поэтому стремилось не допустить укрепления восставших в этом районе. Видя безрезультатность попыток Омер-паши выбить повстанцев из области Суторино, Австрия ввела свои войска в пределы Османской империи и разрушила батареи, построенные Л. Вукаловичем⁵¹. Такие действия австрийского правительства вызвали протест мировой общественности и получили большой международный резонанс. Русская печать прямо высказывалась, что действия Австрии наносят вред Герцеговине и показывают общность ее политических интересов с Турцией⁵². В целом выступления восставших проходили успешно, слава Л. Вукаловича росла во всем славянском мире и Европе⁵³. В это время произошло событие, которое в значительной мере, а по мнению ряда исследователей в корне изменило ход дела⁵⁴. Ссора герцеговинского воеводы с Мирко Петровичем повлекла за собой отстранение Л. Вукаловича с поста воеводы и замену его непопулярным в народе Н. Дучичем⁵⁵. Вопрос о характере распри и ее значении для хода национально-освободительной борьбы восставших много раз обсуждался в литературе, при этом нередко давалась противоречивая оценка этому событию. М. Вуячич считает, что М. Петрович и Л. Вукалович придерживались различных концепций по вопросу выступления против турок; эти концепции отражали интересы Черногории и Герцеговины как отдельных политических организмов. М. Петрович считал, что борьба герцеговинского народа является частью совместной борьбы под руководством Черногории, а Л. Вукалович претендовал на политическую самостоятельность и рассматривал союз с Черногорией как необходимое условие для своей победы⁵⁶. Б. Павичевич видит причину разрыва между славянскими вождями в личных качествах и особенностях характера Л. Вукаловича, который, по его определению, был человеком вспыльчивым и не всегда мог предусмотреть возможность дальнейшего развития политических событий. Он стал слишком резко выступать в черногорском сенате и обвинять М. Петровича⁵⁷. Результатами раскола в лагере восставших, часть которых перешла к Н. Дучичу, поспешил воспользоваться Омер-паша, активизировавший свои военные и политические действия⁵⁸. В сентябре 1862 г. в Дубровнике Л. Вукалович был вынужден подписать сепаратный мирный договор с турками, по которому область, охваченная восстанием, получала фактическую автономию. Л. Вукалович назначался пожизнен-

⁴⁹ В. Н. Кондратьева. Русские дипломатические документы..., с. 88; В. Љуби б р а т и ћ, Т. К р у ш е в а ц. Прилози за проучавање..., с. 172.

⁵⁰ М. В у ј а ч и ћ. Војвода Мирко Петровић; Д. Вујовић. Књегина Даринка.

⁵¹ В. Ђ о р ђ е в и ћ. Црна Гора и Аустрија..., с. 64.

⁵² «Время», 1861, № 12, СПб., с. 53—56.

⁵³ Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 241.

⁵⁴ Љ. А л е к с и ћ. Политика Француске према херцеговачком устанку 1861—1862, с. 412; Ј. Н а к и ћ е н о в и ћ. Там же, с. 159.

⁵⁵ В. В. М а к у ш е в. Там же, с. 157.

⁵⁶ М. В у ј а ч и ћ. Војвода Мирко Петровић, с. 83—84.

⁵⁷ Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 242.

⁵⁸ В. Ђ о р ђ е в и ћ. Црна Гора и Аустрија..., с. 168; Б. Павићевич. Црна Гора крајем 1862 године, с. 477.

ным воеводой во главе отряда из 500 пандуров (стражников) для охраны границ Герцеговины, ему определили пожизненную пенсию, а все участники восстаний получали полную амнистию⁵⁹. Но вскоре турки, используя раскол в лагере восставших, стали нарушать условия дубровницкого мирного договора. Они опубликовали турецкий текст соглашения, не соответствовавший сербскому оригиналу, что на деле полностью уничтожило провозглашенную автономию⁶⁰.

Русская дипломатия отрицательно относилась к несогласию в рядах восставших и всячески содействовала их примирению⁶¹. Как видно из писем, сохранившихся в макушевском архиве, немалую роль в этом сыграл Викентий Васильевич Макушев. С января 1863 г. он стал исполнять обязанности русского консула в Дубровнике вместо временно отсутствовавшего К. Д. Петковича, обрусевшего македонца⁶². В. В. Макушев прибыл в Дубровник в начале 1862 г. в качестве секретаря русского консульства. По словам А. И. Смирнова, известного историка литературы, редактора-издателя «Русского филологического вестника» и близкого друга В. В. Макушева, дипломатическая карьера молодого выпускника Санкт-Петербургского университета складывалась неудачно⁶³. Сам он приписывал инициативу избрания такого рода службы А. Ф. Гильфердингу, который в это время был начальником Турецкого отделения Азиатского департамента Министерства иностранных дел⁶⁴. Все близкие к В. В. Макушеву лица считали его неспособным к дипломатической деятельности, рожденным исключительно для научно-исследовательской работы⁶⁵. Но анализ его кратковременного пребывания на посту русского консула в Дубровнике говорит о другом⁶⁶. С самого начала Викентий Васильевич принимает активное участие в черногорско-герцеговинских событиях. Он был лично знаком со многими герцеговинскими воеводами, принимал в их судьбе живое участие, интересовался ходом событий в этом регионе⁶⁷. После отъезда К. Д. Петковича В. В. Макушев продолжает проводить начатую консулом политику примирения поссорившихся вождей, как и его предшественник, считает, что население Герцеговины должно добиться улучшения своего положения⁶⁸. В архиве Викентия Васильевича сохранился черновик письма к К. Д. Петковичу, написанного, видимо, сразу после отъезда консула из Дубровника. Из него видно, что молодой дипломат следовал указаниям К. Д. Петковича в отношении восставших герцеговинцев⁶⁹. Помимо обязательных официальных донесений на имя К. Д. Петковича, В. В. Макушев стремился в личной переписке наиболее полно информировать его о состоянии дел в Черногории и Герцеговине⁷⁰. Для этого, как видно из письма, он использовал различные источники информации, среди которых первостепенное значение имели визиты герце-

⁵⁹ С. Љубибратић, Т. Крушевац. Прилози за проучавање..., с. 188.

⁶⁰ Ј. Накићеновић. Там же, с. 187—189.

⁶¹ Б. Павићевић. Црна Гора крајем 1862 године, с. 431—438; М. Вујачић. Војвода Мирко Петровић, с. 89; Л. П. Лаптева. К истории русско-славянских отношений 50—70 годов XIX века. «Вестник МГУ», 1976, № 2, с. 39.

⁶² Б. Павићевић. Там же, с. 477.

⁶³ А. И. Смирнов. В. В. Макушев. «Русский филологический вестник», 1883, № 1, с. 145.

⁶⁴ Там же, с. 147.

⁶⁵ Т. Д. Флоринский. Некролог В. В. Макушева. «Славянский ежегодник», Киев, 1884, с. 195—196.

⁶⁶ Б. Павићевић. Там же.

⁶⁷ Д. Вујовић. Там же, с. 114; Р. Јовановић. Покушаји..., с. 7.

⁶⁸ Н. И. Хитрова. Россия и черногорско-герцеговинские события..., с. 99—105.

⁶⁹ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 10, л. 2.

⁷⁰ Там же.

говинских и черногорских воевод. Так, Макушев упоминает, что к нему вскоре должны прибыть Илларион (Роганович? — *Н. В.*)⁷¹ и Никифор (Дучич? — *Н. В.*), которые подробно обрисуют состояние дел, что его посетил М. Любibrатич, ближайший сподвижник и секретарь Л. Вукаловича⁷². В письме молодой дипломат выражает тревогу, что Л. Вукалович находится под влиянием австрийцев, которые использовали в своих интересах подозрительность герцеговинского вождя в отношении Порты. Именно по этой причине, подчеркивает Макушев, не состоялась намеченная встреча секретаря Л. Вукаловича с Абди-пашой в Мостаре, на которую он уже отправился, но вернулся с дороги⁷³. В Архиве внешней политики России и Государственном музее г. Цетинье сохранились служебные донесения В. В. Макушева на имя русских дипломатических чиновников. Эти документы уже многократно использовались в исторической литературе как важные и достоверные источники по истории дипломатических отношений в этом регионе, причем ряд историков подчеркивает определенные дипломатические способности Викентия Васильевича, считая его дальновидным и умным политиком⁷⁴. Из сохранившихся в макушевском архиве писем Л. Вукаловича очевидно, что молодой русский дипломат оказывал большое влияние на вождя герцеговинских повстанцев. Сам Л. Вукалович признает, что всегда прислушивался к советам Макушева, зная его доброе расположение к восставшим и осведомленность в событиях⁷⁵. Как видно из введенных в научный оборот архивных документов, основным направлением деятельности В. В. Макушева была задача примирения Л. Вукаловича с черногорским правительством⁷⁶. Это объяснялось не только личным желанием и расположением русского дипломата, но и общим направлением политики русского правительства на Балканах, которое стремилось поддержать на полуострове *status quo* и в то же время оказывало определенную поддержку повстанцам⁷⁷. Подтверждением тому служит сохранившееся в архиве В. В. Макушева письмо русского посланника в Вене В. П. Балабина от 22 апреля 1863 г.⁷⁸, в котором указывается на пагубность распри южнославянских племен, причем вся вина за это возлагается на Мирко Петровича, обвиняемого в своекорыстии и вражде к вождю герцеговинцев⁷⁹. В. П. Балабин поручает В. В. Макушеву сделать все возможное, чтобы примирить враждующие стороны, и так как к нему поступают слишком противоречивые сведения о причине и ходе ссоры, то он просит своего молодого коллегу изложить его точку зрения на сложившуюся ситуацию⁸⁰. Видимо, ответом на это послание русского дипломата является имеющийся в архиве чернович макушевского письма В. П. Балабину⁸¹, в котором излагаются некоторые подробности по черногорско-герцеговинскому делу. По настоянию русской дипломатии черногорское правительство во главе с князем Николой проявило инициативу в примирении с Лукой Вукаловичем⁸². О том, что это было непросто

⁷¹ В. В. Макушев. Дневник путешествия из Дубровника в Черногорию. «Русский вестник», т. 63, 1886, с. 23.

⁷² ОРГБЛ, ф. 156, 5, 10, л. 1.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Б. Павићевич. Там же, с. 487.

⁷⁵ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 38, л. 15.

⁷⁶ Б. Павићевич. Там же, с. 477—491.

⁷⁷ Н. И. Хитрова. Россия и черногорско-герцеговинские события... с. 6—7.

⁷⁸ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 23. Письмо датировано 22 апреля 1863 г., в архиве ошибочно поставлена дата 22 августа 1863.

⁷⁹ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 23, л. 1—2.

⁸⁰ Там же, л. 3.

⁸¹ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 2. В архиве письмо ошибочно датировано 1 мая 1864, на самом деле оно написано 1 мая 1863 г.

⁸² ОРГБЛ, ф. 156, 5, 9; ф. 156, 5, 2.

для русского консула, свидетельствуют сохранившиеся в архиве черновики писем В. В. Макушева к черногорскому князю⁸³. В письме от 18 апреля 1863 г. по поручению В. П. Балабина Викентий Васильевич убедительно рекомендует князю Николе придерживаться политики мира и дружбы по отношению к Луке Вукаловичу, «которому Провидение вручило судьбу повстанцев Герцеговины»⁸⁴. Видимо, тон письма вызвал некоторое недоумение и недовольство со стороны, так как от 3 мая имеется еще одно послание Макушева к Николаю, с отметкой «конфиденциально»⁸⁵. Русский дипломат выражает сожаление, что его предшествующее письмо было неправильно понято, а потому он потрудился объяснить свою точку зрения более подробно. Викентий Васильевич подчеркивает, что его корреспонденция носит неофициальный характер, уверяет в самых добрых намерениях Российской империи относительно Черногории, убеждает князя, что взаимопонимание между герцеговинцами и черногорцами было бы в интересах обеих сторон⁸⁶. Постоянная, целенаправленная деятельность русской дипломатии и В. В. Макушева как ее представителя имела определенные последствия. Из Черногории в Герцеговину был отправлен посредник для примирения с Лукой Вукаловичем. Им был адъютант князя Михаил Зега, предложивший герцеговинскому воеводе встречу с князем в Грахово, отстоящем от вукаловской резиденции Зубцы всего в двух часах пути. Близость расстояния, по мнению Макушева, могла бы способствовать тому, что это свидание южнославянских вождей осталось тайной как для турок, так и для австрийцев⁸⁷. Подробную информацию об этом дипломат получил лично от М. Зеги, который сразу же после встречи с Л. Вукаловичем отправился в Дубровник к В. В. Макушеву изложить суть дела и уверить русскую дипломатию в дружеском расположении черногорского правительства к Л. Вукаловичу и герцеговинским повстанцам⁸⁸. Интересно, что и сам Лука Вукалович немедленно отправил Викентия Васильевичу письмо, сообщавшее о визите черногорского посланника⁸⁹. Сопоставление текста писем Л. Вукаловича к В. В. Макушеву с донесениями русского дипломата показывают, что информация герцеговинского воеводы была важным источником, которую Викентий Васильевич считал достоверной и правдивой⁹⁰. Очевидно, что Макушев, помимо своего служебного долга, проявлял большую личную заинтересованность в успехе герцеговинского дела, тепло и с уважением относился к вождю восставших⁹¹. Поэтому Л. Вукалович неоднократно просил совета Викентия Васильевича, искал у него поддержку и помощь в критической ситуации⁹². Архивные материалы В. В. Макушева охватывают лишь период его нахождения на посту русского консула, то есть около полугода с января по июнь 1863 г., не сообщая никаких сведений о других видах его деятельности на службе в Азиатском департаменте. В 1865 г. В. В. Макушев, как известно, возвращается в Россию, а в начале 1866 г. уходит в отставку⁹³. Видимо, одной из причин этого явилось обострение личных отноше-

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 2, л. 1—2.

⁸⁸ Там же; ср. Р. Јовановић. Покушаји изглађивања..., с. 7.

⁸⁹ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 38, л. 13—14.

⁹⁰ Б. Павићевић. Црна Гора у рату 1862 г.; Р. Јовановић. Покушаји изглађивања; Д. Вујовић. Његина Даринка.

⁹¹ В. В. Макушев. Задунайские и адриатические славяне, с. 155—167.

⁹² ОРГБЛ, ф. 156, 5, 38, л. 1—15.

⁹³ А. С. Будилович. Там же, с. 77; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 147, л. 58—60.

ний Викентия Васильевича с некоторыми дипломатическими лицами⁹⁴. Из его архива мы узнаем о серьезной ссоре Макушева с вице-консулом в Мостаре В. В. Безобразовым⁹⁵. После 1865 г. Викентий Васильевич занимается исключительно научно-исследовательской деятельностью, которую он не оставлял и во время пребывания в Дубровнике.

Несмотря на кратковременность нахождения В. В. Макушева на посту русского консула в Дубровнике, его политическая деятельность оставила определенный след в истории национально-освободительной борьбы Герцеговины и Черногории. В сложной дипломатической ситуации Викентий Васильевич сумел оказывать положительное и активное влияние на герцеговинских и черногорских вождей и лично на Луку Вукаловича. Поэтому найденные в архиве русского ученого и дипломата письма вождя герцеговинских повстанцев представляют большой интерес для историка, позволяют более полно и разносторонне изучить сложную историческую обстановку на Балканах в это время.

В Рукописном отделе ГБЛ сохранилось 8 писем Луки Вукаловича к Викентию Васильевичу Макушеву с 21 января по 8 июня 1863 г. (ф. 156, 5, 38). Они написаны на сербском языке секретарем герцеговинского воеводы (М. Любичичем). К статье прилагаются перевод и комментарии к письмам.

Письма Луки Вукаловича к В. В. Макушеву

№ 1

В Зубцах⁹⁶, 23 I 1863

Высокоблагородный господин!

Считаю необходимым сообщить Вам, как начали турки избивать и убивать христиан: недавно избили одного зубовского священника, насмерть забили сына священника Белетича из Рудина и Филипа Мандича из Гацка⁹⁷.

Герцеговинские христиане, видя как турки зверствуют, а особенно совершают убийства, начали вновь волноваться.

Прошу Вас, сообщите об этом, куда знаете.

Сердечно Вас приветствую

Искренний друг Вашего благородия
Лука Вукалович
Воевода

№ 2

В Зубцах, 28 2 1863

Высокоблагородный господин!

Шесть дней назад состоялась встреча в М[онастыре] Косперово⁹⁸, на которой были все воеводы и множество герцеговинского народа; народ еди-

⁹⁴ А. И. Смирнов. В. В. Макушев. «Русский филологический вестник», 1883, № 1, с. 145; в автобиографии Макушев говорит о своем конфликте с вице-директором Азиатского департамента П. Н. Стреломуховым. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, ф. 594, QXVIII, № 20, л. 4.

⁹⁵ ОРГБЛ, ф. 156, 5, 100.

⁹⁶ Населенный пункт на территории Требиньской нахии, центр восстания под руководством Л. Вукаловича. См. Ј. Н а к и ћ е н о в и ћ. Там же, с. 206.

⁹⁷ Ср. В. В. Макушев. Воспоминания о Л. Вукаловиче и последнем герцеговинском восстании. ЛВ, т. III, СПб, 1867, с. 164; Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 479; О Филипе Мандиче см. М. В у ј а ч и ћ. Знаменити црногорски и херцеговачки јунаци. Београд, т. 3, 1953, с. 456—461.

⁹⁸ Вторая скупщина, собранная в феврале 1863 г. Л. Вукаловичем для решения вопроса о нарушении турками дубровницкого мирного договора. Первая скупщина состоялась в январе 1863 г. См. Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 480.

погласно, а воеводы письменно уполномочили меня выступить от имени своего народа⁹⁹, чтобы охранить Дубровницкие мирные договоры¹⁰⁰, вследствие этого я послал в Мостар двух человек, чтобы они объявили народную волю мутесерифу¹⁰¹.

Мой секретарь Мичо Любибратич говорил мне, что Вы намерены подарить этому народу некоторую сумму денег — через три-четыре дня придет упомянутый Любибратич, которому Вы можете свободно дать деньги, а он их примет.

Я и мой народ никогда не перестанем молить бога за Е[го] В[еличество] Русского царя, а Вам всегда будем преданы.

Сердечно Вас приветствую, являюсь искренний друг В[ашего] В[ысокоблагородия].

Лука Вукалович
Воевода

№ 3
18 3 1863

Ваше высокоблагородие!

Австрийское правительство советует мне ехать в Мостар, но я этого никоим образом не хочу допустить, так как знаю, что когда приеду в Мостар, они меня обманут как им захочется.

Е[го] П[ревосходительство] Мамула¹⁰² обещал мне сделать все возможное, чтобы обещанное нам подтвердили, только бы мы соблюдали мир¹⁰³.

Хуршид-паша¹⁰⁴ ответил нашим послам, что он должен придерживаться того, что установил в Мостаре Абди-паша¹⁰⁵, а если Лука (Вукалович — Н. В.) хочет приехать в Мостар, то он выполнит все, что ему обещал¹⁰⁶.

Мне очень жаль, что при таких обстоятельствах я не могу приехать, чтобы Вас лично приветствовать, но знаю, что Вы не упрекнете меня за это.

Усердно Вас приветствую, остаюсь всегда Ваш

Приятель Лука Вукалович
Воевода

Р. С. Исправно получил 100 дукатов.

⁹⁹ Это было важным событием для Л. Вукаловича, так как по буйюрулдии Абди-паша в январе 1863 г. вместо него воеводой был выбран М. Спаич. См. *И. Наквићеновић*. Там же, с. 185—189.

¹⁰⁰ Подписан в сентябре 1862 г. Хуршид-пашой и Л. Вукаловичем.

¹⁰¹ Представитель турецкой администрации, герцеговинский губернатор. В. Н. К о н д р а т ъ е в а. Русские дипломатические документы..., с. 2.

¹⁰² Австрийский дипломат, генерал-губернатор Далмации. См. В. Б о р њ е в и ћ. Црна Гора и Аустрија..., с. 200.

¹⁰³ См. Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 480—487.

¹⁰⁴ Герцеговинский визирь, автор дубровницкого договора.

¹⁰⁵ Герцеговинский визирь, занимал пост после Хуршид-паша; своей буйюрулдией фактически отменил дубровницкий мирный договор.

¹⁰⁶ Имеется в виду миссия двух человек, посланных в Мостар 2-ой скупщиной в феврале 1863 г., которым Абди-паша передал, что выполнит обещание после личной встречи с Л. Вукаловичем. См. Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 483.

№ 4

В Сугорино ¹⁰⁷, 22 4 1863

Ваше благородие!

Недавно я послал двух моих людей с народным делом в Задар ¹⁰⁸ к Е[го] В[ысокопревосходительству] барону Мамуле; когда они приедут, сообщу Вам, зачем я их послал.

Все крушевчане (те, которые отошли от нас), кроме Локи Милошевича ¹⁰⁹ и двух-трех его друзей, вновь вернулись к нам ¹¹⁰. Лука Петкович ¹¹¹ сообщил мне, что Вы ему приказали отправить к Вам кого-нибудь для получения сотни дукатов. Поэтому посылаем Вам человека. Заранее благодарю Вас.

Являюсь, как всегда, готовый к услугам Вашему благородию.

Ваш Лука Вукалович
Воевода

№ 5

Убли, 2 5 1863

Благородный господин!

Добросовестно принял сотню цехинов, так же как и Ваше письмо, в котором Вы упоминаете о согласии с Черногорией.

Я всегда опасался дать повод для раздоров, а сейчас делаю все для того, чтобы жить в любви и согласии с черногорцами, чтобы залечить раны, нанесенные прошлой войной и создать условия для более успешных действий. Но я хотел бы, чтобы наши любовь и согласие были тайными, а не явными, как хотят черногорцы, так как явный союз более бы нам вредил, чем был полезен.

Я думаю, если не ошибаюсь, что как мы, герцеговинцы, с нашей, так и черногорцы, с их стороны, если хотим добиться хоть какого-либо успеха, должны как можно дольше скрывать от света наши мысли.

Черногорцы хотели бы, чтобы я чаще приезжал в Цетинье, чтобы носил их гербы, одним словом хотят, чтобы все еще существовали между нами и черногорцами те отношения, которые были во время войны. А можно ли так себя вести, будет ли это на пользу народным интересам?

Люди, которых я послал в Задар, вернулись. Е[го] В[ысокопревосходительство] барон Мамула советует мне, чтобы я отправился в Мостар ¹¹², но я могу ему с основанием сказать, что он еще не знает турок в должной мере, а это необходимо. Насколько свидетельствуют факты, герцеговинские турки имеют злые намерения.

Михаил Зега, адъютант Е[го] П[ревосходительства] недавно был у меня, приезжал, чтобы возобновить приятельство ¹¹³.

Являюсь Вашим сердечным другом

Лука Вукалович
Воевода

¹⁰⁷ Один из центров восстания, важный торговый центр. См. I. Н а к и ћ е н о в и ћ. Там же, с. 206.

¹⁰⁸ Резиденция австрийского наместничества в Далмации.

¹⁰⁹ Крушевацкий воевода, сторонник М. Спаича.

¹¹⁰ После выбора М. Спаича воеводой, часть восставших отошла от Л. Вукаловича.

¹¹¹ Ближайший сподвижник Л. Вукаловича.

¹¹² Австрия, следуя желанию Порты, советovala Л. Вукаловичу отправиться в Мостар для решения вопроса о дубровницком мире, надеясь задержать популярного в народе вождя и использовать его отсутствие в своих целях, см. В. Ђ о р њ е в и ћ. Там же, с. 200; Б. П а в и ћ е в и ћ. Црна Гора у рату 1862 г., с. 488.

¹¹³ Адъютант князя Николы. См. Р. Ј о в а н о в и ћ. Покушај и изглађивања... с. 7.

№ 6
В Зубцах, 18 5 1863

Ваше Высокоблагородие!

Получил Ваш дружеский совет, за что премного Вас благодарю: за все, что как и всегда приятельски слышу от Вас.

Вы знаете, что когда я заключил мир с Портой в Дубровнике, посредником в нашем мире была Австрия; уже несколько дней со всех сторон барон Мамула и другие их (австрийские. — *Н. В.*) чиновники обсуждают вопрос о том, что в любом случае я отправлюсь в Мостар, что мне нет веры от турок, и что мы не сможем дальше иметь мира. Я им отвечал, что не поеду в Мостар, попросил барона Мамулу дать его письмо и печать; если он не может поехать в Царьград, то я его оставляю среди герцеговинского народа, пока не договорюсь с царем, или пока не вернусь таким же целым и здоровым, каким и поехал. Если он на это согласен, то я поеду, если получу ответ от Оттоманской Порты, что она меня примет. Если они этого не выполнят, то я не приму предложения.

Я, милостивый господин, не могу по другому защититься от их подобных стремлений, пока не имею путей для военной поддержки или надежды на такую поддержку, поэтому я должен либо так, либо сразу бежать в горы. Каждому герцеговинцу австрийские чиновники доказывают, что если я не поеду в Мостар, то турки ударят на нас с оружием. Я обещал воеводам, что поеду лучше в Царьград, чем в Мостар.

Они (воеводы. — *Н. В.*) говорят, что без меня их одурачат, а я получу хорошую помощь. Если бы я перед их деньгами так не преклонялся, они (австрийцы. — *Н. В.*) бы к нам не испытывали презрения. Как никогда ранее я имел с ними наибольшее взаимопонимание на прошлой неделе.

Являюсь искренний друг Вашего благородия

Лука Вукалович
Воевода

P. S. И зачем я еду в Мостар, к консулу, если до сих пор он не дал никаких советов.

№ 7
В Зубцах 30 5 1863

Ваше благородие!

Не дожидаясь Вашего ответа посылаю Вам через М[ичу] Любibrатича письмо, полученное сегодня от гатацких христиан. Оно вызывает жалость и не согласуется, если не ошибаюсь, с тем, что господин Безобразов ¹¹⁴ узнал в Монастыре Косиерово ¹¹⁵.

На это письмо я ответил гатачанам так: лучше всего будет, если они сейчас предотвратят намерения Яхья-паши ¹¹⁶, а тем временем придут ко мне на встречу, где мы и решим, куда идти — направо или налево.

Прошу Вас как только получите ответ из Вены, сообщите мне, чтобы я мог знать как поступить ¹¹⁷.

С надеждой сердечно приветствую Вас

Ваш Лука Вукалович
Воевода

¹¹⁴ Русский вице-консул в Мостаре.

¹¹⁵ Видимо, Л. Вукалович имеет в виду вновь начавшиеся притеснения турками христиан. О сложных отношениях Л. Вукаловича с В. В. Безобразовым см. Б. П а в и ћ е в и ћ. Там же, с. 489.

¹¹⁶ Турецкий начальник Гатацкого округа (каймакамлука).

¹¹⁷ Л. Вукалович обращался к В. В. Макушеву как русскому консулу за советом и поддержкой, а тот, в свою очередь, просил инструкций в Вене у русского посла. См. Б. П а в и ћ е в и ћ. Там же, с. 486—487.

№ 8

Суторино, 8 6 1863

Благородный господин!

Вчера я встретился с капитаном Которского округа ¹¹⁸. Он мне, как и г[осподин] Мамула, советует, если я друг своему народу, отправиться в Мостар, этим я, говорит, он, совершу доброе дело, и ничего не будет угрожать моей жизни. А если я не поеду в Мостар, то пострадает народ, так как турки хотят этого добиться если не добром, то злом.

Я, видя, что народ стоит у края пропасти, стою за то, чтобы идти не в Мостар, а прямо в Царьград, где надеюсь либо совершить полезное для народа дело, либо погибнуть. Но я сейчас, как и всегда, спрашиваю Вашего совета: что мне делать в этой критической ситуации?

Разослал письма герцеговинским воеводам с просьбой и советом встретиться, согласовать свои действия и принять нужные меры. Боюсь, что их, как это было раньше, собьют с толку черногорцы, внушив им опасность отправляться одним.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа, сердечно Вас приветствую

Ваш Лука Вукалович
Воевода

¹¹⁸ Капитаном Которского округа был г. Дойми. Французский консул в Скадаре Геккар дал ему следующую характеристику: «Очень холоден и лукав, принимал активное участие в герцеговинских делах». См. А. Л а и н о в и ћ. Французски консул..., с. 194.

БОЙКА ВАПЦАРОВА

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ НИКОЛЫ ВАПЦАРОВА

Никола Вапцаров принадлежит к тому поколению болгарских писателей, которые сложились под влиянием революционных идей и болгарской революционной литературы 20—30-х годов. Сразу же после Октябрьской социалистической революции Болгария переживала период бурного политического развития, попыток практически воплотить идеи свободы и социального прогресса. В 1923 г. болгарский народ поднялся на антифашистское восстание, которое было жестоко подавлено. Погибло более 30 тыс. человек, в том числе и значительная часть прогрессивной интеллигенции. Бесследно исчезли талантливые поэты Гео Милев, Христо Ясенев, Сергей Румянцев... Эти события оказали сильное воздействие на молодое творческое поколение.

Раннее творчество этого поколения болгарских художников прошло в атмосфере разгула реакции. Уста народа были закрыты, мысль его скована. Правящие реакционные круги стремились любыми средствами задушить передовую общественную мысль. Цензура не давала возможности болгарским гимназистам познакомиться с достижениями передовой культуры. В письме министерства просвещения от 11 июня 1925 г. предписывалось: «Инспекторам окружных гимназий изъять из библиотек все печатные и прочие произведения, агитирующие за изменения в политическом или экономическом устройстве государства через преступную деятельность, насилие или террор, а также сеющие вражду, ненависть и желание выступить против отдельных классов или слоев общества или власти в целом...». Названия книг в письме не указывались, но несомненно, что речь шла о революционной литературе, о произведениях советских ученых и писателей, несших в Болгарию идеи Октября.

Новые документы и воспоминания друзей и современников Н. Вапцарова свидетельствуют о том, что с ученических лет могучим творческим стимулом для него были произведения М. Горького. 16-летний юноша, учившийся в гимназии в Разлоге, рискуя быть исключенным и отданным под суд, вместе со своими товарищами собирает тайком книги, случайно уцелевшие после разгрома в 1923 г. библиотек Коммунистической партии, Земледельческого союза и других прогрессивных организаций. Книги Горького в то время тайком переходили из рук в руки, а песня из пьесы «На дне» — «Солнце всходит и заходит» — звала к борьбе против социальной несправедливости. Учитель математики в гимназии П. Трандафилов рассказывает: «Вспоминаю случай, едва не приведший к запрещению нашего общества трезвости. Мы ежегодно пополняли его библиотеку новыми книгами. Активное участие в этом принимал Н. Вапцаров. Один из учи-

телей, заметив, что у нас имеются запрещенные произведения М. Горького, попросил якобы для себя роман „Мать“, а на самом деле с сопроводительным письмом переслал его в Министерство просвещения. В Разлог немедленно прибыл инспектор, чтобы расследовать случай и выяснить обстоятельства появления этой книги в нашей библиотеке...»¹. Председателем общества был Н. Вапцаров, но ему как-то удалось избежать наказания, — добавляет Трандафилов.

Могучее влияние произведений Горького общеизвестно. И для молодого поэта Вапцарова они становятся любимым учителем, товарищем и другом. Вот как сам поэт сказал об этом в стихотворении «Горький»:

Но помню, когда мы читали
«На дне»
или
«Мать»,
свет пробивался
сквозь мрачные своды
 завода,
глаза у людей начинали сиять.
(Перевод П. Железнова)

В семье Вапцарова обстановка была не из легких. Отец не одобрял увлечений сына поэзией и, чтобы оторвать его от «опасной» среды и книг, отправил его в Морское техническое училище в Варну, известное своей суровой дисциплиной. Шесть лет, проведенных в условиях жестокого режима (1926—1932), не сломали непокорный дух будущего поэта. В училище он активно участвовал в работе общества «Трезвый моряк», избирался членом ревизионной комиссии ЦК Нейтрального молодежного союза трезвости в Варне, сотрудничал в печатных органах союза. На страницах его сохранившейся ученической тетради за 1927 г. записаны не только математические формулы, но и стихи — «16 января», «Гуляйте, пируйте, пейте», «Мы идем сплоченные, жаждущие молодости, мира, правды, красоты» и пр.

Не дремало в то время и военное министерство. В секретном письме в министерство народного просвещения от 20 V 1927 г. говорилось, что в союзе трезвости несомненно влиятельную роль играли сторонники того пагубного социального учения, которое своими тезисами, а еще более своими методами борьбы привело к разложению 150-миллионный русский народ и отрицательно влияло на развитие Болгарии после войны. Безобидная и пассивного характера цель союза явно корректируется на страничках их календаря заимствованными из других источников «девизами» — «свет», «братство», «борьба», «боевой праздник», («16 января») ². Вскоре эти общества были запрещены.

Будучи в училище Вапцаров использует каждую свободную минуту для чтения. Библиотека училища тех лет насчитывала более тысячи томов художественной литературы, не считая большого числа журналов. Характерно, что Вапцаров не просто читал, а основательно изучал, наряду с сочинениями болгарских авторов, произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Короленко, Гете, Шекспира, Гюго, Байрона, Шелли, Бодлера, По, Стриндберга, Сенкевича, Мопассана, Ибсена, Рильке, Лондона, Мериме и других выдающихся писателей. Об этом свидетельствуют его доклады, которые он делал в народной читальне «Согласие» и в Благоевградской гимназии: «Море в мировой литературе»,

¹ «Юбилейный лист „50 години Разложка гимназия“». Разлог, 8 V 1968, с. 2.

² Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 177, а. е. 71.

«Романтизм»³. Очевидно, что Вапцаров рано осознал, что необходимо подлинному поэту для обретения собственного стиля, придя к плодотворному сочетанию интернациональных и национальных традиций. Позднее в общении с молодыми писателями Вапцаров не уставал подчеркивать, что родная литература остается для каждого художника источником знания и вдохновения. Без проникновения в национальную болгарскую литературу, — говорил Вапцаров, — нельзя стать настоящим писателем; нельзя создать что-то оригинальное, не изучая мировую и особенно советскую литературу. Написанные им в тот, «морской», период стихотворения называют эволюцию Вапцарова как поэта. Не случайно впоследствии он создал прекрасные, проникнутые интернациональным духом стихотворения об испанской революции и ее участниках — Лорке, Фернадесе и Долорес-Марии Гойе. В морском училище учащиеся тайно читали революционные болгарские газеты «Наковальня», «Эхо», «Студенческая трибуна», «РЛФ». Заходя в иностранные порты, моряки торговых пароходов покупали номера «Правды», «Известий», советских журналов. Это не могло не отразиться на формировании революционных взглядов болгарской молодежи. Наказания, отчисления из команды, аресты, запрещение общества воздержанности не смогли остановить процесс роста революционного сознания.

В 1931 г. после парламентских выборов в Болгарии пришло к власти правительство Народного блока. Террор в стране уменьшился. Писатели-коммунисты приступили к переводам и усиленному изданию произведений советских писателей, рискуя при этом попасть в тюрьму, лишиться имущества.

В личной и литературной судьбе Вапцарова русская и советская литература, в частности, поэзия, занимают исключительно важное место.

Осенью 1934 г. в Болгарию нелегально был доставлен доклад М. Горького на Первом съезде советских писателей. Художественное и идейное значение советской литературы, методы художественного (социалистического) реализма, как оружие в борьбе за прогрессивные идеалы, за революционный гуманизм — не могли не взволновать болгарскую интеллигенцию. Содержавшиеся в докладе выводы о задачах литературы глубоко повлияли на писательскую практику Вапцарова. Он полностью воспринял горьковскую концепцию художественного изображения труда, что отразилось в его поэзии:

Плод рук моих мотор тот — вот он!
Я в муках породил его,
А эта песня, что поет он,
Кровь сердца, сердца моего.

(«Поединок», перевод М. Павловой)

Несмотря на тяжелые условия, Вапцаров, преисполненный верой в будущее счастье нынешних и грядущих поколений, писал свои стихи об активном участии в социальных изменениях. Радость и красоту человеческого труда Вапцаров воспел в стихотворениях «Романтика», «Весна», «Завод», «Сон» и других.

Важное место в творчестве Вапцарова занимает пьеса «Когда шумит волна». Ощувив поддержку своих идей в драматургии своего учителя Горького, Вапцаров освободился от ибсеновского образа интеллигент-бунтаря, используя горьковские приемы разоблачения класса через «выродившихся» представителей этого класса. Герой пьесы Андрей Попов,

³ Институт за литература при БАН. Кабинет «Никола Вапцарова».

подобно Нилу из «Мещан», глубоко верит в социалистическое будущее людей, но не только мечтает о нем, но и способствует его приходу, осознает «свое место в жизни» и встает в ряды рабочего класса. В пьесе рабочие предстают судьями своих господ. В финале они объявляют стачку. Так Вапцаров понимает и проводит в своей писательской практике мысль Горького об активном участии автора в процессе преобразования действительности. Для болгарского театра пьеса «Когда шумит волна» — первая социальная драма. Вапцаров сильно увлекался драматургией Горького. В Народном театре он несколько раз смотрел пьесу «На дне», часами мог говорить о том, как мастерски Горький создал образы Луки, Сатина, Барона, Насти, Васьки Пепла и др. Он представлял даже отдельные сцены и диалоги, любил показывать, как Барон натягивал на руки рваную перчатку. О пьесе «Егор Булычев и другие» Вапцаров отзывался так: «Прекрасная вещь! Читаешь, ищешь интригу, фабулу и видишь, что пьеса, в сущности, не окончена, сюжетные линии не завершены, а все же она глубоко потрясает напряженным ходом действия, разнообразием и богатством отдельных характеров. Жаль, что мы не можем поставить эту пьесу. Да и как представишь на сцене разложившуюся буржуазию, начавшуюся революцию, когда у нас само слово „революция“ запрещено»⁴.

Вапцаров с исключительным вниманием читал и рассказы Горького, испытывая волнение от широты мысли, от всестороннего знания жизни, бескорыстной любви к людям, безграничной веры в светлое будущее, от высокого художественного мастерства. Когда он читал нам свои стихотворения, мы, слушатели, любили в шутку заметить, что в некоторых его образах заметно подражание другому писателю. В частности, проводили параллели между стихотворением «Письмо» и «Песней о буревестнике» Горького. На такие «обвинения» Вапцаров реагировал моментально. Прочитав отрывок из Горького, он показал различие выразительных средств, подчеркнув, что по настроению литературные произведения могут походить друг на друга. Сравнивались следующие отрывки: из Горького:

В гневе грома, чуткий демон, он давно усталость слышит,
он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

и из Вапцарова:

И верю я:
сквозь мрак и ночь пройдем мы,
ломая льды могучими руками,
и солнце вновь на горизонте темном
заблещет

животворными
лучами.

(«Письмо», перевод М. Павлозой)

В это время формой изучения художественного мастерства, обмена опытом, повышения общей культуры являлись литературные кружки. В 1938 г. на первом заседании литературного кружка в Софии Вапцаров прочитал доклад о горьковской концепции метода художественного (социалистического) реализма. «Новый реализм, — говорил Вапцаров, — должен включать в себя как составную часть героическую романтику, должен воспитывать в духе героизма, иметь активное отношение к дейст-

⁴ Б. Вапцаров. Велик учител и приятел. «Съветската литература в България. 1918—1944». София, 1961, с. 246—257.

вительности, утверждать тему труда, вдохновлять новые формы жизни»⁵.

Позднее, будучи редактором газеты «Литературный критик», Вапцаров на ее страницах широко пропагандировал метод социалистического реализма. В № 6 от 27 II 1941 г. крупным шрифтом была набрана мысль Горького: «Подлинно талантливый писатель должен видеть не только то, что есть, но и то, что должно быть. При этом сам он собственным творчеством принимает самое активное и ответственное участие в процессе творческого изменения действительности».

С исключительным вниманием Н. Вапцаров относился к произведениям советских мастеров художественного слова. Все, что выходило у нас в переводе с русского или появлялось в подлиннике, он покупал порой на последние деньги. Прочитав книгу, действовал как заправский пропагандист: подчеркивая достоинства, рассказывал о книге товарищам, советовал прочитать ее. В результате этого книга нередко исчезала из дома. Но и среди немногих сохранившихся в библиотеке книг — произведения Горького, Блока, Новикова-Прибоя, Вересаева, Эренбурга, Зощенко, Тарасова, Романова и др. авторов. Вспоминаю, с каким интересом и вниманием читали мы «Тихий Дон» и «Поднятую целину» Шолохова, «Белеет парус одинокий» Катаева, «Цусиму» и «Женщину в море» Новикова-Прибоя, «Я люблю» Авдеенко, «Виринею» Сейфуллиной, «Поход челюскинцев» и «Вратаря республики» Кассиля, «Любовь Жанны Ней» и «Не переводя дыхания» Эренбурга, «Интеллидженс сервис против ГПУ» и многие другие.

Главное, что волновало Вапцарова в советской литературе, — изображение новых людей, воспитанных революционной борьбой. Он часто с восхищением говорил нам о твердости, воле и высоких моральных качествах коммунистов из таких произведений, как «1918 год» и «Хлеб» А. Толстого, «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского, «Железный поток» Серафимовича.

В «Дне втором» Эренбурга и книгах Гладкова «Энергия» и «Цемент» Вапцарова восхищала великая созидательная сила большевистской партии. Он часто читал или пересказывал нам отрывки из «Дня второго», повествующие о том, в каких нечеловеческих условиях, в сорокаградусный мороз, плохо одетые, полуголодные, работали строители...

Неисчерпаемым источником смеха были и остаются книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Вапцаров обращал наше внимание на тот эпизод, где Остап Бендер попадает в вагонную студенческую компанию. Поначалу он принят в ней как свой, но, заметив, что все мысли веселого попутчика обращены к деньгам, студенты постепенно отдаляются от него. Не меньшую эстетическую радость доставила нам и другая книга этих авторов — «Одноэтажная Америка». Наслаждаясь легким, насыщенным юмором языком, мы узнавали много интересного из жизни людей в другом полушарии — в США и Мексике.

Почти не известен факт, что Вапцаров был одним из активных распространителей советской книги на фабрике в селе Кочериново, где он работал в 1932—1936 гг. В издательстве Добримира Чилингинова хранился список друзей советской литературы в провинции, распространителей книг библиотеки «Звонок».

По другим документам этого издательства, 28 I и 16 III 1936 г. Вапцарову были высланы посылки с советской литературой, в том числе и перевод «Мистера Твистера» и «Войны с Днепром» С. Маршака⁶.

⁵ Институт за литература при БАН. Кабинет «Никола Вапцарова».

⁶ Там же.

С особым вниманием Вапцаров следил за развитием советской поэзии. С большим упорством он разыскивал сборники стихов, рылся в библиотеках, навещал букинистов, просматривал издания до 1923 г. в надежде встретить стихотворения советских поэтов. После установления дипломатических отношений между СССР и Болгарией в 1934 г. доступ к советской книге стал более легким. Вапцаров имел привычку часто читать вслух понравившиеся ему произведения. Благодаря этому и мы запомнили «Песню о буревестнике» Горького, «Скифов» и отрывки из поэмы «Двенадцать» Блока, «Кларнет и дудку» Демьяна Бедного, «Кафе» Городецкого, «Голод» Хлебникова, «После бури» Есенина, «Перекоп» Н. Тихонова, «Смерть Маяковского» И. Сельвинского, «Гренаду» М. Светлова, «Письмо любимой» А. Жарова, «Стихи о красивой женщине» И. Уткина, «Рассказ фронтовика» и «Письмо» А. Суркова, «Бой быков» С. Кирсанова, «Песню о Родине» В. Лебедева-Кумача и многие другие.

В качестве примера «блестящего» произведения Вапцаров приводил стихотворение М. Голодного «Партизан Железняк».

Высоко оценивал Вапцаров и поэму Э. Багрицкого «Дума про Опанаса». В последние годы жизни он был захвачен интересом к поэзии В. Маяковского. Он восхищался его произведениями и часто декламировал строки из поэмы «Владимир Ильич Ленин».

Однажды ему посчастливилось купить томик Маяковского. И он не оторвался от него, пока не перевернул последнюю страницу. «Какой талант! Какая сила! — воскликнул он, закрыв книгу. — Читаешь и видишь, с какими чувствами советский народ созидает социализм. Кажется, любая мелкая тема может под пером Маяковского превратиться в значительный факт общественного звучания. Нет события или общественного проявления, которые бы не нашли отражения в творчестве Маяковского. И все представлено образно, точными словами, острыми эпитетами, мужественным ритмом. Писать стихи для Маяковского значит активно участвовать в переустройстве жизни. От его произведений веет настоящей бодростью, слышится взволнованный голос человека, ненавидящего равнодушие и пассивность, зовущего на творческий подвиг.

Зная слабость Вапцарова к Горькому, мы, подтрунивая, нередко спрашивали его: «А Горького куда денешь?» Он отвечал с улыбкой: «Горький — великан, и мы все учимся у него. Наши произведения созвучны его творчеству. И Маяковский, говорят, высоко ценил и горячо любил Горького».

Трудящиеся Болгарии с большим вниманием и интересом следили за процессом укрепления и развития советского социалистического государства. Впечатляющее воздействие оказывали демонстрировавшиеся в нескольких второразрядных кинотеатрах Софии советские фильмы. Каждый, кто хоть раз побывал в те годы на сеансе советского кино, хорошо помнит огромный интерес софийцев к советскому киноискусству, стихийные проявления искренней симпатии и восхищения первой страной социализма. Перед зданиями кинотеатров народ собирался как на митинги, билеты распродавались за несколько дней вперед. Несмотря на существовавший запрет аплодировать, зрители часто нарушали его, будучи не в состоянии сдерживать восторг от увиденного на экране.

Для Вапцарова, как и для всех прогрессивных людей искусства, советские фильмы были значительным событием. Они доказывали неограниченные возможности метода социалистического реализма.

Летом 1937 г. Вапцаров просмотрел фильм «Цирк», затем мы вместе видели его еще раз. Вапцаров еще долгое время с восторгом вспоминал эпизоды фильма: «Только в советском кинематографе, — говорил он, — можно разрабатывать подобные сюжеты, разоблачать мир капитала, ставить вопрос о новом отношении к женщине. На литературном языке это

называется реализмом нового типа, полным неожиданным богатством и оптимизма». На память Вапцаров сохранил рекламный листок о фильме «Цирк», а на обратной стороне записал «Песню о Родине», которая была исключительно популярна. Этот рекламный листок стал вещественным доказательством обвинения Вапцарова в коммунистической деятельности, за которую поэта привлекли к суду⁷.

Помню, с каким воодушевлением был встречен фильм «Чапаев». Он, как и одноименный роман Д. Фурманова, были предметом постоянных разговоров в доме. Н. Вапцаров говорил: «Никогда не могу справиться с волнением, когда представляю себе эпизоды фильма. Вижу Чапаева — военачальника, талантливого комдива, склонившегося над картой, готовящегося к сражению. В другой сцене перед нами лихой командир, обучающий своих бойцов стратегии и подающий им пример личной отваги. Я вижу духовную красоту народного героя. Но главное в фильме — отсутствие какой-либо идеализации Чапаева, показ присущих ему слабостей. Мы видим его вспыльчивость, его пренебрежение к штабным офицерам, особенно к специалистам старой армии. Иногда он не мог постичь всю сложность политики партии и т. д.». И неизменно с гордостью Н. Вапцаров добавлял: «Перед этим фильмом бледнеют все американские фильмы, которыми я ранее восхищался».

Мы не пропускали ни одного советского фильма. Н. Вапцаров же смотрел их по несколько раз, стремясь, как человек искусства, подробно проанализировать приемы и методы работы советских сценаристов, артистов и режиссеров.

Долгое время нас волновал фильм Михаила Ромма «Тринадцать». «Вот что называется художественным реализмом, — говорил Н. Вапцаров. — Малыми средствами, но с большим мастерством раскрыт волевой, сильный характер советского человека. На экране ветер вздымает песок, в живых остались двое, они залегли у пулеметов и готовы к бою, хорошо зная, что если не подоспелет помощь, их ничто не спасет. А в минуты затишья один из них вспоминает о встретившейся ему красивой девушке в белом платье. А в это время видно, как бандиты готовятся к последней яростной атаке. Сердце перестает биться от напряжения, а боец с экрана как будто хочет сказать тебе: «Мой товарищ погиб, мне тоже долго не продержаться, но и от смерти моей должна быть польза: я задержу басмачей еще немного, пусть нашим будет легче... В этой сцене все замечательно: идейная глубина, жизненная правда и простота в сочетании с мастерством режиссера, игрой артистов и искусством оператора».

Артист Николай Черкасов был любимцем софийской публики. Его исключительная игра в фильмах «Александр Невский», «Петр Первый», «Иван Грозный», «Депутат Балтики» и др. была темой долгих разговоров. Мастерское вживание в образ, умение одной деталью усилить его характер в сочетании с исторической точностью показа переживаемой эпохи пленяли нас.

Можно долго еще рассказывать об эстетическом воздействии советских фильмов и о тех бурных обсуждениях, которые мы устраивали после их просмотра. Назову лишь некоторые из них — «Василиса Прекрасная», «По щучьему велению», «Сорочинская ярмарка», «Доктор Калюжный», «Искатели счастья», «Броненосец Потемкин», «Украинская рапсодия» и многие другие.

Н. Вапцаров живо интересовался продукцией Голливуда, буквально заливавшей Болгарию и часто проводил сравнительный анализ фильмов СССР и Запада, объяснял нам идейные позиции режиссеров. Не упускал

⁷ Архив на Министерството на вътрешните работи (далее АМВР), а. е. 106204.

случая подчеркнуть истоки воздействия и идейно-художественной силы советского фильма. Продолжением подобных разговоров и выражением точки зрения Н. Вапцарова на задачи киноискусства явилось написанное им стихотворение «Кино»:

Мы не садимся в лимузин,
 чтоб ехать на свидание к любимой,
 Любовь приходит к нам
 среди машин,
 в труде,
 среди копоти
 и дыма.

(Перевод М. Павловой)

Во время прогулок на Витошу мы часто в полный голос пели советские песни — «Марш веселых ребят», «Москву майскую», разучивали их с молодежью. Для полиции человек, напевавший советские песни, становился объектом внимания. За исполнение их предусматривалось наказание. Но ни строгая цензура, ни преследования не могли остановить это увлечение...

Шла вторая мировая война, гитлеровские армии готовились к броску на восток. 25 ноября 1940 г. Советский Союз подал братскую руку Болгарии, предложив заключить пакт о взаимопомощи. Этим обеспечивался мир на Балканах, улучшалось экономическое положение всего болгарского народа. Правительство скрыло от народа это предложение, но слухи о нем с быстротой молнии распространились по стране. Народ от всего сердца приветствовал эту инициативу Советского правительства. Коммунисты распространяли десятки воззваний, разъясняли населению значение этого шага Советской страны. На Н. Вапцарова партия возложила задачу проведения кампании в пользу этого предложения, так называемой «Соболевской акции», в Пиринском крае. Но полиция провела массовые аресты. Н. Вапцаров был арестован, привлечен к суду. В протоколе от 12 декабря 1940 г. читаем: «Сегодня по устному распоряжению господина начальника 2-го полицейского участка произвел тщательный обыск в доме Николы Иванова Вапцарова, уроженца г. Банско, проживающего ныне в Софии, на предмет обнаружения коммунистической литературы, листовок, воззваний коммунистического содержания, противного нашему государственному устройству. При обыске найдено: 1) один машинописный лист, озаглавленный „Сельская хроника“, содержание которого направлено против существующего у нас государственного строя...»⁸.

В публицистической форме Вапцаров выразил в «Сельской хронике» свое отношение к пакту: «...лозунг наш один: Долой террор! Союз с СССР!»

Под коммунистической литературой в протоколе значились книги А. Толстого, М. Шолохова, Ф. Гладкова и др., рекламка кинофильма «Цирк» с записанной Вапцаровым «Песней о Родине» И. Дунаевского на стихи В. Лебедева-Кумача. Вапцаров объяснил прокурору, что книги эти разрешены цензурой, но они, как и песня, усугубили обвинение против коммуниста.

Некоторое время Вапцаров находился под наблюдением полиции, а затем был интернирован в с. Годеч на несколько месяцев. Трижды в день он должен был приходиться на регистрацию к местному полицейскому, не имел права участвовать в собраниях на селе. В этой обстановке книги

⁸ АМВР, а. е. 106204.

оставались его единственными товарищами, вдохновляющими на творческую деятельность. В формулярах местной библиотеки отмечено, что 30 июня 1941 г. Вапцаров взял из библиотеки I—IV тома сочинений Елина Пелина, том VIII Максима Горького, годовые подшивки журнала «Мисль» и др. В VIII томе Горького содержались пьесы «Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети солнца» и «Варвары». В это время он обдумывал свою новую драму. Но написать ее ему было не суждено.

На советско-германском фронте начались жестокие бои. В одном из блокнотов Вапцарова находим незаконченное стихотворение с характерным названием «Нет, теперь мне не до поэзии»:

И куда-то бросаются, кружатся,
 чуют дух мертвечины они...
 И тогда ты приходишь в ужас:
 не в чернилах перо, а в крови.
 Нет, мне нынче не до поэзии —
 и хотелось бы петь — не могу...

(Перевод Л. Мартынова)

Последний год жизни поэта был насыщен трудной, революционной деятельностью. Н. Вапцаров — сотрудник военного отдела ЦК БРП. Зимой 1941—1942 гг. в условиях жестокого террора развертывается организация партизанского движения, создаются боевые группы в Софии, развертываются конспиративные квартиры и явки, пишутся и распространяются материалы, рассказывающие о действительном положении дел на Восточном фронте. Концлагери и тюрьмы переполнены, приводятся в исполнение приговоры над антифашистами. В стране ширилось движение Сопротивления, солдаты на фронте открыто заявляли, что не будут сражаться против русских. Власти свирепствовали. 4 марта 1942 г. Н. Вапцаров арестован. В протоколе обыска говорится: «...найжены и изъяты следующие вещи, представляющие интерес для политической полиции: 1) записная книжка с различными записями чернилами. Одна запись сделана карандашом. Все они представляют интерес для нашей службы; 2) лист из других страниц, одна из которых заполнена текстом, напечатанным на машинке марки „Гермас бэби“. Эта страничка начинается словами „каждый день“ и заканчивается словами „...подозрительная осторожность“. Установлено, что написано супругой Вапцарова Бойкой Николовой Вапцаровой...; 5) блокнот с пометками, интересными для полиции...». Записная книжка и блокнот взяты в качестве вещественного доказательства, а позднее в тюрьме возвращены Вапцарову. В них записано несколько стихотворений из цикла «Песни о Родине», варианты других стихотворений по несколько строк, технические заметки, наброски докладов и выступлений и две советские песни — одна из них — «Если завтра война», вторая — из кинофильма «Вратарь». Эти две песни занимали почетное место в нашем репертуаре. Советские песни мы знали в двух вариантах — на болгарском языке и в оригинале.

Н. Вапцаров погиб в возрасте 33 лет. В его жизни и творчестве советская книга, фильмы и песни были его самыми близкими и верными друзьями.

Великая русская и советская литература были неисчерпаемым источником вдохновения и стимулом для расцвета творчества болгарского поэта. С чувством гордости и преданности он говорил о советской литературе: «Это гимн любви к человеку!».

Л. С. КИШКИН

ЧЕШСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ (ОТ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА)

Начало чешско-русских литературных контактов восходит к глубокой древности. Политические и экономические связи между Чехией и Русью, как известно, существовали еще в дописьменный, языческий период. С принятием христианства в Чехии (IX в.) и затем в России (X в.) они усилились и расширились. Этому немало способствовало распространение в то время в обеих странах старославянской письменности. В XI в. в Чехии получил признание культ первых русских святых Бориса и Глеба, чему, по-видимому, способствовали жены чешского князя и первого короля Богемии из рода Пшемисловичей Вратислава II (ум. 1092)¹, сторонника славянского богослужения, покровителя Сазавского монастыря, который был одним из центров старославянской письменности того времени. В Сазавском монастыре русским святым Борису и Глебу был посвящен один из алтарей, где находились их мощи, в монастыре хранились и размножались старославянские рукописи, в том числе русского происхождения, например, глаголическое Реймское евангелие — апракос.

Если в Чехии безусловно были известны в XI в. жития Бориса и Глеба, то в Россию примерно тогда же проникли жития чешских князей св. Вацлава (Вячеслава) и св. Людмилы².

Об интенсивности разнообразных чешско-русских и русско-чешских связей в IX—XI вв., в том числе и в области письменности, позволяют судить довольно многочисленные сведения, встречаемые в «Летописи» Нестора и «Хронике» Козьмы Пражского.

Древнейшими документальными свидетельствами этих связей в области письменности являются «Киевские листки...» (X в.) и «Пражские отрывки» (XI в.). «Киевские листки» представляют собой старославянский перевод религиозных латинских текстов, отмеченный следами чешского языкового влияния. «Пражские отрывки» — это старославянская запись обеденных молитв Восточной церкви, содержащая немало богемизмов и, по-видимому, возникшая в стенах Сазавского монастыря.

¹ Первой женой Вратислава II была Аделаите, дочь венгерского короля Андрея I и Анастасии Ярославны Киевской (внучатая племянница Бориса и Глеба), второй — Святава (Святослава), дочь польского князя Казимира Восстановителя и Марии Доброгони Владимировны (племянница Бориса и Глеба). Подробнее см. статью В. Гувячека «К вопросу о древнейших русско-чешских связях» в кн. *Ceskoslovensko-sovětské vztahy*, I. Universita Karlova. Praha, 1972.

² См. подробнее А. И. Рогов. Жизнеописания первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре. В кн. *Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности*. М., 1970; В. N. Florja. *Václavská legenda a Borišovsko-Glebovský kult*. «Česko-slovenský časopis historický», 1978, с. 1.

С конца XI в. римская церковь вытесняет славянскую, господствующим письменным языком в Чехии на долгое время (вплоть до XIV в.) становится латынь. В это время культурные связи Чехии и Руси несколько ослабевают, но не прекращаются. О последнем говорят, например, упоминания о моравях в «Слове о полку Игореве», о чехах в «Слове о погибели русской земли», а также рассказ о татарском нашествии на Русь в чешской хронике Далимила, сообщения о русских в других чешских хрониках XIV в. (например, Пулкавы).

В новую фазу своего развития вступают чешско-русские литературные отношения в эпоху гусизма. Не раз говорит о России, православии и русском языке в своих сочинениях сам Ян Гус. Он знал распространенную в России старославянскую азбуку и по ее образцу (Аз, Буки, Веди, Глаголь — А, Б, В, Г) стремился дать названия чешским буквам (A bude celé čeledí dano — АВССД). Довольно часто встречаются различные сведения о восточно-славянских землях, а также восточной церкви и в других гуситских сочинениях. Немало развитию чешско-русских связей в начале XV в. содействовала поездка в Россию одного из ближайших учеников Гуса Иеронима Пражского, побывавшего в Витебске и Пскове. Впоследствии, во второй половине XV в., Россию посещает целый ряд «чешских братьев» (Лукаш, Кашпар, Ржегорж, Коковец, Каботник). В России они познакомились с церковными книгами. Известия о гуситском движении получили отражение в Ипатьевской летописи.

Усилившиеся в эпоху гусизма и последующие десятилетия чешско-русские связи продолжают развиваться и в XVI в. Яркой страницей в их развитии явилась деятельность Франтишека Скорины, который жил тогда в Праге и, опираясь на опыт чешских переводов, издал там Псалтырь (1517) и Библию (Бивлия Руска, 1520). Осуществленные Скориной в Праге издания положили начало восточнославянскому книгопечатанию. В 30-х годах XVI столетия у чешского короля Фердинанда служил известный русский писатель-публицист Иван Пересветов, в сочинениях которого отразились его впечатления от пребывания в Чехии, где он познакомился с трудами гуманистов. Значительным событием было издание в 1571 г. епископом Чешских братьев Яном Благославом «Чешской грамматики», в которой сопоставляются чешский и русский языки. Несколько позже, в 1587 г., в Чехии вышел этимологический труд Матуша Бенешовского «Книжка чешских слов с пояснениями их происхождения», в котором приводится много русских слов и пословиц.

В конце XVI в. чешско-русские литературные связи претерпевают качественные изменения. Как в Чехии, так и в России тогда обнаруживается стремление к более полному систематическому взаимному познанию. Это было в немалой мере связано с развитием дипломатических контактов между Московским государством и западными славянами, что также сказывалось на литературной жизни³. Стремление к взаимопознанию подтверждается, с одной стороны, появлением сочинения «О чешском королевстве кроника» (Западнорусский Хронограф, относимый А. А. Шахматовым к концу XVI в.; великорусский перевод пятой книги «Хроники всего света» Марцина Бельского, 1584), с другой — изданием в Чехии «Хроники Московской» (1589), являющейся извлечением из латинского сочинения «Описания европейской Сарматии» (1578) итальянца Александра Гваньини, находившегося на польской службе. Эти произведения долгое время оставались популярными, как в Чехии, так и в России, ими широко пользовались и в XVII в., несмотря на то, что «О чешском коро-

³ См. Н. P r o s c h a z k o v á. Po stopách dávneho přátelství. Praha, 1959, s. 82—88.

левстве кроника», доведенная до 1526 г., была написана католиком, а «Хроника Московская» отмечена некоторой антирусской тенденцией. Но весьма показательно, что издатель и автор предисловия к «Московской хронике» Даниэль Адам из Велеславина подчеркнул в своем предисловии этническое и языковое родство славян, заметив, что «русские произошли от того же народа сарматского, как и мы чехи». Сами факты переводов названных хроник говорят не столько о прямых, сколько об опосредствованных культурных связях между Чехией и Русью. Однако это никак не умаляет их исторического значения, ибо они были обусловлены объективно существовавшими потребностями в обоюдной информации.

Большой интерес привлекли к себе в Чехии события Смутного времени. В связи с этим в 1606 г. в Праге вышел чешский перевод появившейся за год до этого в Венеции брошюры иезуита Антонио Поссевино — «Историческое и правдивое повествование о том, как... Дмитрий Иоаннович достиг отцовского престола», — написанной с католических позиций. Брошюра имела форму приключенческой повести, чем преследовалась цель привлечь читателей. Когда в Чехии началось антигабсбургское восстание (1618—1620), вести о нем доходили в Москву, где, как можно думать, сочувствовали восставшим, так как Польша, с которой Россия вела войну, была на стороне Вены.

Попавшая еще в 1526 г. в зависимость от Габсбургов Чехия после битвы у Белой горы (1620) и подавления восстания чехов окончательно утратила свою самостоятельность. Наступил так называемый побелогорский период, мрачное время господства католической реакции в Чехии. Протестантская интеллигенция, — а она составляла в стране подавляющее большинство, — была вынуждена эмигрировать. Чешский язык снова начинает вытесняться латынью и немецким языком. Пагубно на экономике и культуре Чехии сказалась тридцатилетняя война. Все это никак не способствовало развитию чешско-русских отношений. Тем не менее их традиция, особенно в XVII в., продолжала жить, хотя и в заметно ослабленном виде.

Для чешской литературы, которая теперь как бы разделилась на два потока (внутричешский и эмигрантский), показательны в этом смысле, например, следующие моменты. В 1672 г. чешский поэт и юрист Вацлав Роса издал латинскую грамматику чешского языка, в которой говорит и о русском языке, как родственном чешскому. В конце XVII в. три года (1686—1689) провел в Москве член ордена иезуитов чех Иржи Давид. Покинув Россию, он составил первый появившийся на Западе русский Букварь (1690), в котором использовал опыт грамматики Смотрицкого, и написал большое литературное сочинение об экономической и культурной жизни в России «*Status modernus Magnae Rossiae*». Немалый интерес проявляли по отношению к России и оказавшиеся в изгнании чешские протестанты. Об этом свидетельствует, например, относящееся к 1654 г. высказывание Яна Амоса Коменского о том, что Московское государство «заняло прочные позиции и нет никого, кто бы мог ему противоборствовать»⁴. Община «чешских братьев», которую в изгнании возглавлял Коменский, надеялась на поддержку Москвы в своей борьбе с римской церковью. Прямое подтверждение этому можно найти в сборнике пророчеств «*Lux extenebris*» («Свет из тьмы»), который издал Коменский в Амстердаме в 1657 г.

Книга «Свет из тьмы», куда вошли пророчества Криштофа Коттера, Кристины Понятовской и Микулаша Драбика, предназначалась для ев-

⁴ Письмо датировано июнем 1654 г. (Universitni knihovna v Praze).

ропейских правителей с целью побудить их к исправлению Вестфальского договора, не учитывавшего чешских интересов. В одном из видений бывшего школьного товарища Коменского — Драбика говорится о том, что «москвиты» помогут «божьему делу», т. е. поддержат борьбу со Священной Римской империей и папской курией. А сам Коменский в предисловии к «Свету из тьмы» прекращение раздиравших Европу войн отождествляет с устранением дома Габсбургов и опекаемого ими папы, чему, как сказано в предисловии, должны оказать решительную помощь народы Севера и Востока.

Если для чешской стороны соприкосновение с русской литературой представляло в XVII в. в силу сложившейся исторической обстановки значительные трудности, то в России дело обстояло несколько иначе. Именно в XVII в. получает распространение среди русских читателей целый ряд чешских произведений (легенды, предания, записанные чешскими хронистами, рыцарские повести). Правда, не все они попадали в Россию в результате прямого культурного обмена, многие из них переводились с языков-посредников — латинского и особенно польского. К числу таких прямо, а чаще опосредствованно проникших в Россию в XVII в. памятников чешской литературы относятся: «История вкратце о Богеме, еже есть о земле Чешской», «Сказание о девичьей войне», «Легенда о пустынноике Иване», «Повесть о Брунцвике» и, наконец, «Повесть о Василии Златовласом Королевиче чешския земли», чешское происхождение которой иногда ставится под сомнение, что, на наш взгляд, нельзя считать вполне мотивированным. Об устойчивом и глубоком интересе к переводным чешским произведениям в России говорит то, что до нас дошло, например, 35 списков «Повести о Брунцвике» XVII—XIX вв.⁵

В XVIII в., если не иметь в виду двух его последних десятилетий, чешско-русские литературные отношения имели скорее односторонний, чем двусторонний характер. После окончания тридцатилетней войны (1648) чешская культура подвергается постоянным гонениям, которые особенно усилились в первой половине XVIII в., когда все чешские сочинения, появившиеся до битвы у Белой горы, были запрещены и публично сжигались. Национальная литературная жизнь в Чехии была тогда почти полностью подавлена. Последнее, однако, не мешало тому, чтобы в России, как и в предшествующем веке, продолжали с интересом читать чешские переводные легенды и повести, знакомились с новыми произведениями чешских авторов, среди которых прежде всего должен быть назван Ян Амос Коменский.

Первоначальное знакомство с сочинениями Коменского в России связано с просветительской деятельностью Петра I. В 1710-е годы по его заданию русские студенты вместе с иезуитами переводят в Праге для России ряд школьных книг, в том числе «Orbis sensualium pictus» (Мир видимых вещей в картинках) и «Janua linguarum» (Открытая дверь языков) Коменского. По неизвестным причинам его сочинения в русской печати тогда не появлялись. Это случилось позже, в 1768 г., когда Московский университет издал перевод одного из самых популярных произведений Коменского «Orbis pictus». Затем до конца века это сочинение еще 4 раза выходило в Москве и Петербурге. О большой популярности названной книги Коменского в России свидетельствует то, что по Уставу народных училищ Российской империи 1786 г. она была введена в качестве основного пособия по изучению иностранных языков.

⁵ Подробнее о русских переводах памятников чешской письменности в XVII в. см. А. М. П а н ч е н к о. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969.

Среди русских читателей Коменского в XVIII в. можно назвать Феофана Прокоповича, Леонтия Магницкого, М. В. Ломоносова, Н. Н. Новикова. Надо заметить, что «Orbis pictus» не единственное произведение Коменского, переведенное на русский язык в XVIII в. Долгое время считавшиеся принадлежащими Н. Н. Бантыш-Коменскому «Правила благористойности, для преподавания обучающемуся юношеству» (СПб., 1792) оказались переводом произведения Коменского «Praecepta morum...»⁶.

Конец XVIII столетия ознаменован для культурной жизни Чехии существенными изменениями. После отмены крепостной зависимости (1781) в обстановке капитализации экономики чешских земель наступает оживление национальной культуры. Первоначально это коснулось чешского языка и истории, а затем и литературы. Обращение первых деятелей чешского национального возрождения именно к этим областям культуры не было случайностью, ибо с конца XVIII в. в габсбургской империи проводилась усиленная германизация. Чешской культуре грозила смертельная опасность и это прекрасно понимали лучшие представители чешской нации, поднявшиеся на борьбу за ее сохранение и возрождение. Именно возрождение чешского письменного языка, знание национальной истории и собственная художественная литература были нужны в первую очередь для возрождения и дальнейшего роста всей чешской культуры. Разумеется, возрождение чешской национальной культуры началось не внезапно, почва для него готовилась постепенно, на протяжении предшествующих десятилетий.

Наметившиеся признаки оживления научной и литературной жизни в чешских землях были замечены в России очень рано. Так, например, журнал русской Академии наук «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» еще в 60-е годы помещает ряд сообщений о выходе новых книг по чешской литературе и истории, положительно отзывается о научно-просветительской деятельности одного из первых чешских историков Геласия Добнера. Однако такого рода информация в русской периодической печати второй половины XVIII в. не была регулярной и последовательной⁷.

Рост национального сознания и патриотических чувств среди образованной части чешского общества на рубеже XVIII и XIX вв. сопровождался усилением интереса к истории и культуре всех славянских народов и особенно русского, с которым чехи связывали надежду на свое освобождение. Русофильство чешских «будителей» как бы являлось составной частью их патриотизма.

Культурному сближению Чехии и России в начальный период чешского национального возрождения способствовали различные факторы. Одним из них были участившиеся поездки и переселение чехов в Россию, явившиеся следствием улучшения русско-австрийских отношений (дипломатические поездки Иосифа II в Москву и Петербург, а затем, в Херсон, австро-русский торговый договор 1785 г.). Наряду с торговыми отношениями правительства России и Австрии поддерживали тогда и развитие культурных связей, в частности в области науки. В ходе наполеоновских войн через Чехию неоднократно проходили русские войска, что также усилило интерес и дружеские чувства чехов к России. Восторженный отклик получила в Чехии победа русских над Наполеоном. Таков в самых

⁶ О восприятии Коменского в России см. Л. С. Кишкин. Литературное наследие Коменского в России. «Pamiętnik słowiański», t. XXI. Wrocław—Warsawa—Kraków—Gdańsk, 1971, s. 193—207.

⁷ См. ст. А. С. Мильников. «Чешские и словацкие материалы в русской журналистике второй половине XVIII века. «Чешско-русские и словацко-русские культурные отношения». М., 1968.

общих чертах общественно-исторический фон начала нового весьма интенсивного развития чешско-русских литературных отношений. Было бы тщетно стремиться в сравнительно небольшой статье попытаться сколь-нибудь полно и всесторонне осветить их. Поэтому мы остановимся ниже лишь на некоторых существенных моментах истории этих отношений⁸.

Как уже отмечалось, собственно литературному творчеству на раннем этапе чешского национального возрождения предшествовала многолетняя работа в области чешской истории и филологии. В этом отношении для будущего национального литературного развития и чешско-русского сотрудничества в этой области исключительно много сделал Йозеф Добровский, один из основоположников не только чешского языкознания, но и славянской филологии в международном масштабе. В 1792 г. Добровский провел 4 месяца в России, где занимался в библиотеках Петербурга и Москвы. В результате поездки в Прагу появились написанные по-немецки сочинения Добровского: «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию...» (1795), «Сравнения русского и богемского языков...» (1796), «Новое пособие для легчайшего изучения русского языка» (1799—1813). Эти и другие славистические работы, содержавшие сведения о России, как бы готовили почву в Чехии для восприятия русской литературы, использования ее в созидании и развитии национальной культуры. В «Литературных известиях...» Добровский писал: «И хотя чеха с берегов Лабы и Влтавы от русского с берегов Днепра и Волги отделяют многие сотни миль, все же их связывают узы общего происхождения, что подтверждает их речь более чем тысячу лет спустя после разделения». Й. Добровский, конечно, был не единственным автором, писавшим о России в конце XVIII — начале XIX в. и привлечшим к ней внимание чешских читателей. Кроме него с разного рода информацией о России, русском языке и русской литературе специально и в контексте общих историко-филологических работ выступали и такие его современники, как Ф. М. Пелцл, В. Ф. Дурих, Г. Добнер, Ф. Прохазка, В. М. Крамериус, И. А. Ганке. Начинания старшего поколения чешских будителей активно развивали позже А. Пухмайер, Й. Юнгман, В. Ганка, П. Й. Шафарик, И. В. Камарит, А. Марек. Важно отметить, что многие культурные деятели эпохи национального возрождения (например, Добровский, Юнгман, Шафарик, Полоцкий, Ганка) были знакомы и состояли в переписке с русскими учеными и писателями (например, Востоковым, Кепшеном, Шишковым, Бодянским, Гоголем, Жуковским). Резко по сравнению с предшествующим периодом возрастает в начале XIX в. книгообмен между Чехией и Россией: только в личной библиотеке Шафарика было около двухсот русских книг⁹, более ста названий русских изданий содержала библиотека Юнгмана.

До сих пор мы по преимуществу говорили о литературных связях между Чехией и Россией, когда литературы обеих стран еще не были свободны от синкретизма (до конца XVIII столетия), а также о связях в области истории славян и славянской филологии, предвосхитивших возникновение и развитие новой собственно художественной чешской литературы (рубеж XVIII — XIX вв.). Связи этой молодой литературы с русской с самого начала были достаточно широки и многообразны. Помимо взаимной

⁸ Подробнее см. В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902; J. Jirásek. Rusko a my, d. 1. Brno, 1946; F. Wollman. Slovanství v jazykové literárním obrození u Slovanů. Praha, 1958, s. 134—189; «Čtvero setkání s Ruským realismem». Praha, 1958, s. 9—78.

⁹ Среди них были произведения Ломоносова, Державина, Батюшкова, Дмитриева, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Языкова и многих других русских авторов.

информации о литературной жизни они проявлялись в форме переводов, переделок, подражаний, стилизации, в обращении к русским сюжетам, в обогащении чешского поэтического языка и в какой-то мере в общей литературной ориентации, соответствовавшей внутренним национальным потребностям. Последняя была вполне осознанным стремлением. Антонин Ярослав Пухмайер — один из видных поэтов эпохи чешского национального возрождения — писал, например, о «восточных лугах славянской поэзии» как «богатом источнике», который может стать «золотой жилой» для чешской литературы. Надо заметить, что возрождение чешской литературы началось с поэзии (рубеж XVIII и XIX вв.), проза развивается по сравнению с нею несколько позже (50-е годы), что, естественно, сказалось и на характере чешско-русских литературных связей.

Первым произведением русской поэзии, переведенным на чешский язык в конце XVIII в., была ода Хераскова «О величии божьем» (1795). Этот осуществленный по совету Добровского его учеником Пухмайером перевод демонстрировал словарные и просодические возможности чешского поэтического языка. В первые десятилетия XIX в. на чешский язык переводят Державина, Дмитриева, Карамзина, «Слово о полку Игореве», русские народные песни. В 30-е годы появляются чешские переводы из Пушкина, Крылова, Жуковского, Батюшкова, Языкова, Дельвига, Козлова, Веневитинова. Тогда же начинают появляться и первые переводы из русской художественной прозы (Бестужев-Марлинский, Гоголь, Сомов, Сенковский и др.). По своему отбору произведения из русской поэзии, а затем и прозы, чаще всего соответствовали национальным стремлениям чешской литературы, с ее склонностью к освоению традиций народного творчества, к раскрытию национального своеобразия жизни, к историко-патриотической теме в ее романтическом звучании. В то же время характер переводимых произведений из русской литературы в 30-е годы (особенно из прозы) в какой-то мере был связан и с зарождавшимися реалистическими тенденциями в чешской литературе. В целом, переводы с русского способствовали развитию чешского поэтического языка, а также национальных художественных форм, обогащали литературу в жанровом и стилевом отношении. В 40-е годы, помимо упоминавшихся уже русских писателей, в Чехии переводят Лермонтова, Ершова, Даля, Григоровича, Сологуба. По мере вызревания условий для возникновения национальной прозы в Чехии усиливался интерес к русским прозаикам.

Своеобразной формой первоначального обращения чешских поэтов к опыту русской литературы были переделки или точные национальные адаптации. К ним принадлежит, например, стихотворение Пухмайера «Гора, готовящаяся к родам», представляющее собою развернутую чешскую адаптацию стихотворения В. Тредиаковского «Гора, мучающаяся родами». К такому же типу произведений относится и опубликованная Челаковским «Сказка о короле Кайоте...», явившаяся прозаической переделкой «Сказки о царе Берендее...» Жуковского.

Более высоким и распространенным проявлением творческих связей с русской литературой в начале XIX в. были в Чехии подражания и стилизации. Одним из наиболее ярких и характерных образцов такого рода произведений может быть «Отзвук русских песен» (1829) Челаковского. Составляющие этот сборник стихотворения были написаны в 20-х годах. Посредством их поэт пытался донести до чешских читателей, и не без успеха, некоторые мотивы и образную самобытность русских былин, исторических и лирических народных песен. Воспетые Челаковским легендарные русские богатыри, самоотверженно защищавшие свою землю от захватчиков, представляли как пример для тех, кто боролся за свободу Чехии в настоящем.

Заслуживают внимания в интересующем нас плане и предшествовавшие «Отзвуку русских песен» Краледворская и Зеленогорская рукописи. Эти искусно стилизованные в духе древнеславянской (в том числе и русской)¹⁰ поэзии художественные произведения были выданы в конце 1810-х годов их авторами В. Ганкой и Й. Линдой за подлинные памятники древнечешской поэзии и долгое время такими считались. Значение рукописей и книги Челаковского не только в том, что в них проявилось творческое обращение чешских поэтов к русскому художественному опыту¹¹, но и в том, что они открыли путь освоения чешской литературой фольклорных богатств и положили в ней начало так называемой «отголосковой поэзии» (Я. И. Марек, Эрбен, Рубеш, Маха, Лангер и др.).

Творческое соприкосновение с русской литературой, но иного характера, наблюдается в первой половине XIX в. в творчестве Яна Коллара, страстного поборника культурного сотрудничества славян. Оно проявилось прежде всего в обращении поэта к русской теме, в его многочисленных откликах на русскую жизнь вообще и литературную в частности, которые содержатся в знаменитой поэме «Дочь Славы». В ней не раз упоминаются имена русского Баяна, Летописца Нестора, Ломоносова, Державина, Жуковского и других. Особый интерес представляет 55 сонет Пятой песни поэмы, специально посвященный Пушкину:

О Пушкин, восклицаю я в печали,
Блеск славы на тебе, язык России
Творца эпохи новой потерял.

Как видим, Коллар достаточно ясно представлял себе, кем был для России Пушкин.

Не затрагивая всех аспектов раскрытия русской темы в поэме «Дочь Славы»¹², заметим, что в процессе ее создания автор широко использовал самые различные русские литературные источники. Приведем только один пример. В III томе «Истории государства Российского» Карамзина есть краткое упоминание о неизвестном новгородце Станиле, который во время мора 1230 г. вывез из города и похоронил более трех тысяч погибших. Этому Станилу Коллар посвятил 58 сонет четвертой песни «Дочери Славы». Заметим еще, что в поэме Коллара с особой силой за пределами России прозвучала тема московского пожара 1812 г., показавшего всему миру силу русского патриотизма и стойкости русских людей в борьбе. И хотя автор «Дочери Славы» был не первым среди тех, кто обратился в Чехии к изображению горящей Москвы, но, пожалуй, именно после него ее символический образ становится традиционным в чешской поэзии.

Нельзя не отметить определенного соприкосновения с русской литературой поэта-романтика К. Г. Махи. Так, например, в его стихотворении «Вечер на Бездезе» (1834) прослеживается связь с Дельвигом¹³, а в стихотворении «Ярославна» ощущается образно-стилевая перекличка со «Словом о полку Игореве». Есть, как известно, у Махи и некоторая близость с Пушкиным («Цыгане»).

¹⁰ При создании Краледворской и Зеленогорской рукописей были использованы «Слово о полку Игореве» и русские былины, а также произведения М. М. Хераскова и Н. М. Карамзина (см. об этом J. Dolanský. *Ohlas dvou ruských básníkův v Ru-kopisech Královedvorském a Zelenohorském*. Praha, 1969).

¹¹ См. С. В. Никольский. «Отзвук русских песен» Ф. Л. Челаковского. Из истории связей славянских литератур. М., 1959.

¹² Подробнее об этом см. Н. В. Водозов. Русская тема в поэме Яна Коллара «Дочь Славы». Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 256, ч. III. М., 1967, с. 106—126.

¹³ В названном произведении Маха цитирует немецкий перевод стихотворения Дельвига «Как за реченькой слободушка стоит...» (1828).

Важный вклад в развитие чешско-русских литературных отношений внес в середине XIX в. Гавличек-Боровский. Пробыв длительное время (1843—1844) в Москве, где был воспитателем в семье С. П. Шевырева, он явился первым крупным чешским писателем, получившим возможность непосредственно и довольно обстоятельно ознакомиться с русской жизнью. И хотя Гавличек находился по большей части в славянофильском окружении, что не способствовало составлению им объективного представления о России, тем не менее он увидел и понял немало. Главный вывод, к которому пришел Гавличек — это то, что в своей любви к России его соотечественники должны различать, с одной стороны, русский народ, «народ великий, добродушный, очень способный и живой... народ с великой будущностью»¹⁴, от которого чехи могут ожидать многого, с другой — существующее в России царское правительство. Это заключение имело большое принципиальное значение не только для всей дальнейшей деятельности Гавличка. С ним связано начало дифференциации в отношении чешских культурных деятелей к России. Наиболее передовая и демократическая их часть все больше и больше проникается интересом к прогрессивным движениям в русской литературе и культуре. Сам Гавличек проявил особое внимание к творчеству Гоголя, многие произведения которого («Старосветские помещики», «Шинель», «Нос», «Коляска», «Мертвые души» и др.) перевел на чешский язык. Гоголь был близок Гавличку своей сатирической направленностью. Будучи в России, Гавличек познакомился с поэзией Пушкина. И хотя чешский поэт недостаточно оценил его, тем не менее испытал на себе все же влияние эпиграмм русского поэта (стихотворение «Стадион в качестве няни»).

Вернувшись в Чехию, Гавличек издал сборник очерков «Картины России», заложивший живую и поныне традицию очерковых книг о России, авторами которых впоследствии были С. Б. Геллер, Г. Прейсова, Св. Чех, Й. Голечек, а в дальнейшем, после Октябрьской революции, Й. Ольбрахт, М. Майерова, Й. Копта, В. Тилле, Ю. Фучик, М. Пуйманова, Г. Вчеличка, В. Незвал и многие другие. Книга Гавличка о России явилась красноречивым свидетельством его стремления как можно лучше узнать и понять русский народ, его историю, быт, культуру. Она была созвучна интересам чешских читателей. В известной мере очерки Гавличка прокладывали путь для национальной реалистической прозы, по которому пошли затем Немцова, Неруда, Галек, Светлая.

Говоря о месте Гавличка в истории развития чешско-русских литературных отношений, нельзя не отметить и своеобразное использование им мотивов из русской истории (крещение Руси) в аллегорической поэме «Крещение святого Владимира», явившейся острой сатирой на царившие в Австрийской империи порядки.

Характерную особенность развития чешско-русских литературных связей в первой половине и середине XIX в. составляет их нередко тесное соприкосновение с изучением филологических и исторических вопросов, живо интересовавших как чешских, так и русских ученых. Такими вопросами, например, являлись: происхождение старославянской письменности, просветительская деятельность Кирилла и Мефодия и ее последствия для Чехии, происхождение славян и их древняя история¹⁵. Достаточно сказать, что все эти проблемы занимали едва ли ни центральное место в деятельности таких исследователей, как Добровский, Шафарик, Ганка, Челаковский — с одной стороны, Бодянский, Срезневский и Григорович — с другой. Изучение памятников древнеславянской письмен-

¹⁴ К. Гавличек-Боровский. Сатира и статьи. М., 1950, с. 116.

¹⁵ См. об этом J. Jirásek. Rusko a my, d. I. Brno, 1946, s. 38—60, 66—80, 90—109.

ности часто было неотрывно от истории письменности и фольклора. Поэтому не приходится удивляться тому, что видные представители молодой чешской литературы собирают и издают сборники славянских (в том числе и русских) песен, пословиц, сказок (Челаковский, Эрбен), переводят «Слово о полку Игореве» (Ганка, Гаттала, Эрбен), Летопись Нестора, «Задонщину» (Эрбен) и т. д. Русский фольклор и памятники древней письменности, наряду со многими другими факторами, были той почвой, которая питала чешскую литературу. В этой связи, помимо уже приводившихся примеров, укажем еще на один из первых чешских романов «Заря над языческим миром» (1818), автор которого, Йозеф Линда, в какой-то степени испытал при его написании влияние русского былинного эпоса.

Заметно усилился по сравнению с предшествующим периодом интерес к чешской литературе в первой половине XIX в. и с русской стороны. Правда, русская литература стояла на несколько иной ступени развития и поэтому ее связи с чешской имели свои особенности. Они развивались главным образом по линии усиления информации о чешской литературной жизни, изучения литературы и перевода произведений чешских авторов и, наконец, известного творческого соприкосновения русских писателей с чешскими (прямого и опосредствованного).

О возросшем интересе к чешской литературе и стремлении ознакомиться с нею русских читателей в рассматриваемое время свидетельствуют многие факты. Так, например, журнал «Улей» публикует в 1811 г. статью «Взгляд на богемскую литературу и на связь между собой отраслей словенского языка». В те же 1810-е годы сообщения о чешской литературе появляются на страницах «Известий Российской Академии» и «Соревнователя просвещения». В 1821 г. в «Вестнике Европы» была помещена статья «О богемской литературе», в которой говорилось, что литература чехов возрождается, что можно надеяться на ее быстрые успехи. В журнале «Сын Отечества» за 1822 г. напечатано довольно обширное «Обозрение новейшей богемской литературы». В нем содержалась характеристика чешской литературы первых десятилетий XIX в., отмечалось, что несмотря на все гонения «она воспрянула из двухвекового своего усыпления». В 1825—1826 гг. издает свои «Библиографические листы» П. И. Кешпен. Они подробно знакомили русских читателей с литературной и научной деятельностью И. Добровского, Я. Коллара, П. Й. Шафарика, В. Ганки, Й. Юнгмана и др. В «Библиографических листах», в частности, были помещены заметки о «Дочери Славы» Коллара, о Зеленогорской рукописи (№ 18), обширная рецензия на книгу Юнгмана «История чешской литературы» (№ 22, 33) и другие материалы. Во второй половине 20-х годов сообщения о чешской литературе появляются в журналах «Вестник Европы», «Московский вестник», «Московский телеграф». Отметим еще публикацию «Некоторых мыслей Гете о богемской литературе» в «Литературной газете» Дельвига (1830) и серию статей о чешской литературе, напечатанных в 30-е годы журналом «Телескоп». Печатались сообщения о чешской литературной жизни после своего основания (1834) и «Журнал Министерства народного образования». Этот список можно было бы продолжать, но и приведенных фактов достаточно, чтобы представить себе рост интереса к чешской словесности в России в первой половине прошлого века.

Одновременно со значительным усилением информации о чешской литературе в русской печати большое внимание к ней можно было наблюдать и в области науки. Устойчивому и последовательному изучению истории чешской литературы, языка, культуры в России XIX в. положили начало поездки русских ученых в Чехию (Бодянский, Срезневский, Григоревич, Прейс и др.), совершенные ими в 30—40-е годы. Незадолго до этого, в 1835 г. в русских университетах были учреждены кафедры «Исто-

рии и литературы славянских наречий», которым предстояло внести существенный вклад в русско-чешское литературное сближение. Ставший руководителем кафедры славянской филологии Московского университета О. М. Бодянский не только знакомил своих слушателей с чешскими литературными памятниками, но и сам исследовал чешскую словесность. Магистерская диссертация Бодянского называлась «О народной поэзии славянских племен». Значительное место в ней занимало рассмотрение и чешских песенных образцов. Бодянский рецензировал чешские издания, в частности книгу Коллара, перевел ряд сочинений Шафарика. Подобно Бодянскому, популяризации чешской словесности в России способствовали своей преподавательской и научной деятельностью и другие русские слависты, в частности Срезневский и Григорович¹⁶.

Если говорить о русских изданиях собственно художественных чешских произведений в первой половине XIX в., то к ним прежде всего относятся «Краледворская рукопись» (1820 — перевод Шишкова, 1838 — перевод Касторского, 1846 — перевод Берга). В 1840 г. в журнале «Отечественные записки» был опубликован известный трактат Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими». Образцы чешского поэтического творчества в ряде случаев включались в литературоведческие и публицистические статьи русских авторов. Иногда произведения чешской литературы проникали в Россию не прямо (в оригинале или русском переводе), а опосредствованно. Так, например, с известным сонетом Коллара о славянских девах из поэмы «Дочь Славы» русские читатели имели возможность познакомиться по его французскому переводу с английского в журнале «Ревю Британик» (1828), который приходил в Россию. А драматургическая обработка чешского легендарного предания о девичьей войне стала достоянием читателей России благодаря опубликованной в 1831 г. в типографии Грега романтической трагедии «Власка дева богемская». На ее титульном листе можно прочесть: «Взятая из известного романа сочиненного фон дер Фельдом, под заглавием: Богемская девичья война». К сожалению, автора переделки немецкого романа в русскую трагедию пока установить не удалось. Однако это никак не умаляет значения того факта, что трагедия знакомила читателей с одним из популярных сюжетов древней чешской литературы. Надо заметить, что чешские художественные произведения нередко читались русскими и в оригиналах. Это относится к «Дочери Славы» Коллара, «Отзвуку русских песен» Челаковского, «Краледворской рукописи» и другим книгам. Книги, в частности присланные Ганкой, имелись в библиотеке Пушкина. Журнал Чешского национального музея, в котором печатались и художественные произведения, в конце 20-х годов получал от Палацкого Жуковский. Свои художественные произведения посылали в Россию Коллар, Челаковский и другие, причем иногда по нескольким десяткам экземпляров.

Существовавший в России интерес к чешской литературе нашел известное отражение и в самом творчестве русских писателей. С какими-то неизвестными чешскими источниками связаны стихотворение «Яныш Королевич» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина¹⁷. Не исключено, что реминисценциями из упомянутого выше сонета о славянских девах Коллара являются и некоторые строки стихотворения Пушкина «Клеветникам России». С поэмой Коллара «Дочь Славы» гене-

¹⁶ Подробнее см. В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902.

¹⁷ Подробнее см. Л. С. Кишкин. О знакомстве А. С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков. Уч. зап. Ин-та славяноведения. т. IV. М., 1951.

тически связаны стихотворения А. И. Одоевского «Славянские девы» и «Липа»¹⁸. Под впечатлением от песен «Краледворской рукописи» несколько русских подражаний им в 40-е годы написал Н. Берг. Это лишь отдельные примеры соприкосновения творчества русских писателей с чешской литературой.

Говоря о чешско-русских литературных отношениях в период чешского национального возрождения и их существенном значении, следует учитывать, что вместе с тем они были и одним из слагаемых всей сложной системы международных связей европейских литератур того времени¹⁹. Примечательной особенностью этих отношений было то, что, благодаря языковому родству и в известной мере стадияльной близости, чешская и русская литература обменивалась не только собственным национальным опытом, но опытом и других литератур, выступая при этом в качестве посредников. Приведем только один пример. При создании уже упоминавшихся Краледворской и Зеленогорской рукописей В. Ганка и Й. Линда, наряду с другими источниками, использовали и осуществленный Е. И. Костровым русский перевод «Песен Оссиана» (1792)²⁰.

Как следует из всего сказанного, связи чешской и русской литератур в первой половине XIX в. были двусторонними и достаточно интенсивными. И хотя значение и характер этих связей у каждой из взаимодействующих сторон не был одинаков, что определялось уровнем литературного развития и стоявшими перед чешской и русской литературами конкретными задачами, они по своему обогащали как ту, так и другую.

¹⁸ См. об этом А. А. З а й ц е в а. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи. Литература славянских народов, вып. 8. М., 1963, с. 111—116.

¹⁹ О связях чешской литературы с другими европейскими литературами. См. К. К г е ж ě í. Ceská literatura a kulturní proudy evropské. Praha, 1975, s. 9—85, 89—161.

²⁰ См. подробнее J. D o l a n s k ý. Zahada Ossiana v Rukopisech Královédvorském a Zelenohorském. Praha, 1975.

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ МЕТАЛЛОВ И ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАННИХ ЭТАПОВ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ У СЛАВЯН¹

1. К задачам динамической истории металлургии

В настоящее время оказывается возможным рассмотреть некоторые из древнейших славянских названий металлов на фоне культурно-исторических, археологических и специальных металлографических данных с целью привлечения лингвистического материала как одного из исторических источников.

Комплексный подход диктуется самим предметом исследования. Металлургия на протяжении чрезвычайно длительного периода не была обособленным видом деятельности, а входила в состав единого нерасчлененного («синкретического» в том смысле, в каком акад. А. Н. Веселовский говорил о «первобытном синкретизме») комплекса занятий, к которому относились и ранние опыты изготовления керамики и стекла. Мастерские ранних ювелиров и гончаров можно рассматривать как древнейшие прототипы химических (и физических) лабораторий. Начиная с неолитической революции осуществлялся последовательный процесс увеличения температурного потенциала цивилизации. В более широкой культурно-антропологической перспективе начало этого процесса можно видеть в изобретении огня и постепенном увеличении его возможностей², а последний обозримый этап — в управляемом термоядерном синтезе, для которого требуется экспериментальное создание высокотемпературной плазмы — состояния вещества, в природе наиболее распространенного³.

Каждое тысячелетие после изобретения керамики приносит постепенное наращение температурного потенциала. Поэтому между началом гончарного дела, приурочиваемым иногда уже к мезолиту или к началу периода неолитической революции, и распространением металлургии меди,

¹ Статья представляет собой существенно переработанный и расширенный текст доклада, прочитанного на заседании комплексной группы по изучению этногенеза славян Института славяноведения и балканистики АН СССР 29 апреля 1976 г.

² J. R. Forbes. *Studies in ancient technology*, vol. VI, Leiden, Brill, 1958, p. 1—100; C. P e r l e. *L'homme préhistorique et le feu*. «La Recherche», 1975, № 60.

³ Л. А. А р ц и м о в и ч. Что каждый физик должен знать о плазме. М., 1976, с. 5, 6, 57.

Для самых последних десятилетий существенно и увеличение температурного диапазона в целом, включая и самые низкие температуры, роль которых сказывается в развитии криогенной технологии. В физических терминах можно говорить об овладении управлением средней кинетической энергией молекул. В такой более адекватной физической формулировке становится ясным, что речь идет об одной из энергетических характеристик цивилизации.

затем бронзы, позднее железа, осуществлялось кумулятивное развитие ⁴. Отдельные этапы его поддаются моделированию с помощью методов экспериментальной археологии, которая воссоздает условия, необходимые и достаточные для производства отдельных культурных объектов, в частности, металлов.

История металлов поэтому приобретает тот характер, который еще в 30-х годах был сформулирован акад. Н. И. Вавиловым в его программе динамического понимания истории культуры: «...проблемы происхождения земледелия, происхождения растений и домашних животных нас интересуют главным образом с динамической стороны... Более близки нам конструктивные вопросы — вопросы, интересующие инженера. В конструкции первобытных сельскохозяйственных орудий мы ищем полезные указания для выработки современного типа орудия» ⁵. Поэтому, по словам Вавилова, «в отличие от XIX в. исследователь подходит ныне к проблеме происхождения организмов прежде всего как экспериментатор, как инженер... Любопытные исторические и археологические изыскания есть только один из многих вспомогательных способов в познании путей созидания видов и форм... Наша цель научиться восстанавливать исторический процесс. Другими словами, проблему происхождения культурных организмов мы ставим ныне не только как историческую, но и как динамическую, пытаюсь прежде всего овладеть ею экспериментально... Мы, очевидно, стоим накануне ревизии наших представлений об истории культуры человечества» ⁶.

В ходе реализации этой программы по отношению к истории металлов выясняется не только, что экспериментальной археологии удастся восстановить реальные процессы древнего металлургического производства и их моделировать, но более того: инженерный подход к древней металлургии может быть полезен и инженерам-металлургам сегодняшнего дня, стоящим перед возможностью нового мутационного скачка, в частности, в технике производства стали.

История железа особенно привлекает внимание потому, что несмотря на все достижения технологии полимеров большая часть человечества в XX в. живет еще в такой технической цивилизации, среди основных экономических характеристик которой значится производство стали и чугуна (можно напомнить, что в конце 20-х годов Маяковский «с чугуном... и с выплавкой стали» сравнивал даже «производство» таких явлений духовной культуры, как стихи).

Весьма интересным явлением в современной технологии получения железа является возврат на новом уровне энергетических возможностей к методам прямого восстановления железа из железной руды. Преимущество такого подхода были намечены У. Сименсом еще более 100 лет назад. Его идея основывалась на различном содержании кислорода и угля при прямом восстановлении железа (того типа, который практиковался в

⁴ T. A. W e r t i m e. Pyrotechnology: man's first industrial uses of fire. «American Scientist», 1973, vol. 61, № 6, p. 670—682; e г о ж е. The beginnings of metallurgy: a new look. «Science», 1973, vol. 182, p. 875—887; Les débuts de la métallurgie, ed. par H. Müller—Karpe (Congrès de l'Union des Sciences préhistoriques et protohistoriques, IXe, Nice, 1976, Actes des Colloques, 23).

⁵ Н. И. В а в и л о в. Избранные труды в пяти томах, т. V. Проблемы происхождения, географии, генетики, селекции растений, растениеводства и агрономии. М.—Л., 1965, с. 143.

⁶ Там же, с. 131—132, 141. Для темы настоящей статьи представляется существенным, какое внимание Вавилов (заражая при этом и своих учеников — таких как ботаник А. Одрюкур, ставший крупным лингвистом) уделял лингвистическим данным (см. удивительное по силе интуиции письмо о ячмене и его названии на Крите, опубликованное в кн. С. Е. Р е з н и к. Николай Вавилов. М., 1968, с. 203; приводимое Вавиловым название ячменя восходит к общеиндоевропейскому).

древности) и при косвенном восстановлении железа, которое достигается в обычном железодельательном, чугуноплавильном и сталеплавильном производстве. Но для реализации преимуществ метода прямого восстановления железа, при котором металл не содержит углерода (в отличие от железа, полученного косвенным методом), необходимо было использование руд высокого качества, которые лишь недавно стали получать в больших количествах, и современных источников энергии, таких как электрические печи (в настоящее время во многих странах изучаются и возможности использования атомных реакторов в тех же целях)⁷. Новый метод, по существу являющийся усовершенствованием древнейшего принципа получения железа, получил необычайно широкое распространение в развивающихся странах, но к нему начинают переходить и в развитых в промышленном отношении странах. Если в 1970 г. общее количество железа, производимого в мире методом прямого его восстановления из железной руды, не превышало 1 млн т, то к 1980 г. ожидается увеличение до 30 млн т, если не значительно более⁸. Эти новые тенденции в технологии производства железа делают весьма актуальным исследование аналогичных ранних способов, анализ и моделирование которых перестает поэтому носить чисто археологический характер и может принести известную пользу создателям новейшей техники производства железа.

Возвращение к прямому восстановлению железа при новых энергетических (и соответственно температурных) возможностях отчетливо выявляет намеченную в новейших исследованиях зависимость технологии металлургии от температурных (а в конечном счете энергетических) возможностей цивилизации. Существенный сдвиг достигается здесь даже при современных темпах эволюции со скоростью, не превышающей 100—200° за столетие мутационного скачка (при аналогичных сдвигах за тысячелетие в ранней истории металлургии). Потребовалось использование электрической (а в принципе и атомной) энергии для того, чтобы существенно повысить температурные возможности производства стали.

При таком подходе к процессу выплавки железа, где особое внимание обращается на температурные характеристики, можно заметить, что начальные этапы современного процесса как бы воспроизводят самые древние черты техники металлургии. Это позволяет осуществить то, что в терминах современных гуманитарных наук (в частности, лингвистики) можно назвать внутренней реконструкцией тех ранних периодов развития металлургии, которые существенны и для понимания начальных этапов процессов в современном производстве.

2. Проблема центра распространения древней металлургии железа и происхождения его общеславянского названия

Исследование истории производства железа представляет исключительный интерес как тот случай, где совместное использование археологических и лингвистических данных позволяет прийти к однозначному решению относительно местонахождения центра, из которого распространялось техническое достижение и его название. Выясняются не только пути, скорость и характер его диффузии, но и некоторые причины, замедлявшие его распространение.

Технические предпосылки для подготовки железного века сложились на Ближнем Востоке уже в III тысячелетии до н. э., когда были достигнуты существенные успехи и в конструировании печей (в частности, для

⁷ R. S. Barnes. The role of nuclear steelmaking. «Ironmaking and steelmaking», 1975, vol. 2, № 4, p. 217—278; J. R. Miller. The direct reduction of iron ore. «Scientific American», 1976, vol. 235, № 1, p. 68—81.

⁸ J. R. Miller. Ibid., p. 79.

выплавки металлов) с искусственным дутьем, и в подборе древесного топлива для печей. Но первоначальные опыты гончаров Древней Передней Азии с окислами железа были связаны скорее всего с их ролью как красящего вещества, от примеси которого зависит цвет глины (в частности, бурый) и цвет керамики (красной при окислении железа, темно-серый или черный при восстановлении железа из окислов). Максимальный красящий эффект железа достигался при температуре около 900°. Как показал недавно осуществленный химический эксперимент, при 960° добавление флюса того типа, который использовался в I тысячелетии до н. э. в печах Медамора и Аргиштихинили (Урарту), в том числе 7% костной смеси (CaO , P_2O_5) делает возможной ковку железа, сплавляющегося в крицы (без такой добавки получают губчатые куски железа, непригодные дляковки)⁹. При температуре, превышающей 1000°, в печах получались отделявшиеся от металлов искусственные силикаты, что уже создавало предпосылки для производства стекла. При 1075° возможно уже и без добавки костной смеси образование таких железных криц, которые можно ковать. При 1177° возможно сплавление железа в крицы при ковке эвтектической смеси из железа (Fe), его окиси (FeO) и фаялита (2FeO , SiO_2); та же эвтектика с добавлением флюса-костной смеси дает этот результат при существенно более низкой температуре. Ковка эвтектической смеси необходима из-за характера кристаллической структуры фаялита, которая препятствует пластической деформации, нужной для сплавления кусков железа. Железо, получаемое при температуре в интервале от 900° до 1200°, содержит еще существенную долю примесей, и, как правило, еще достаточно мягко (если не считать более твердых науглерожженных пластин, которые могли отделяться от криц при примитивном штучном производстве стальных изделий). Ранние опыты получения железа посредством прямого восстановления его окислов сыродутным способом происходили при температуре, лежащей в пределах от 1420° (для FeO) до 1538° (для Fe_3O_4) и 1565° (для Fe_2O_3).

Температура выше 1400° (до 1540°) требуется и для производства стекла. Поэтому почти одновременное открытие в культурных центрах Древнего Востока производства железа посредством сыродутного способа (в Малой Азии) и производства стекла (в Месопотамии, Египте и, как недавно установлено, также в Малой Азии) явилось естественным следствием достигнутого температурного потенциала цивилизации.

Железо, как и стекло, достаточно рано начали получать в качестве шлаков — побочных продуктов при керамическом производстве или производстве меди и бронзы. Об этом свидетельствуют, например, железные шлаки, обнаруженные в остатках металла в древней медеплавильной печи в Малой Азии из Аладжа Гююка¹⁰ и в тигле на южном Кавказе времени куро-аракской культуры¹¹. Но до тех пор, пока железо (как и стекло) не перестали рассматривать как шлаки (отходы), нельзя еще говорить о его изготовлении как цели особого производства. Мутационный скачок состоял в том ценностном сдвиге, благодаря которому железо, долгое время рассматривавшегося как шлак, получаемый при изготовлении других веществ, начало приобретать самостоятельную значимость. Этому могло способствовать отождествление железа, получаемого при металлур-

⁹ R. M a d d i n. Early iron metallurgy in the Near East. Transactions of the Iron and Steel Institute of Japan. Nippon Tekko Kyokai, 1975, vol. 15, № 2.

¹⁰ M. J. M e l l i n k. Archaeology in Asia Minor. «American Journal of Archaeology», 1974, vol. 42, № 2.

¹¹ К. Х. К у ш н а р е в а, Т. Н. Ч у б и н и ш в и л и. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970, с. 132, табл. II, строка 27.

гическом эксперименте, с метеоритным железом, которое во многих языках Древнего Востока описывалось как «металл неба»¹².

Наиболее ранние образцы обработанного железа, найденные на Древнем Востоке — в Египте и Месопотамии — изготовлены из метеоритного железа, что устанавливается по наличию в них существенной доли никеля (порядка 4—10%); в железных метеоритах сплав железа (Fe) и никеля (Ni) имеет первичный характер¹³. Недавно подсчитано, что на территории Древнего Ближнего Востока могло находиться до 1 млн *t* железных метеоритов. Обнаружены и железные метеориты со следами того, что от них отпиливали куски, в частности, во дворце Агиа Триада на Крите¹⁴.

Вывод о всеобщности использования метеоритного железа в древности знает одно единственное исключение, которое и позволяет точно определить область, где в Евразии был открыт способ получения железа из руды¹⁵. По новейшим данным металлографического анализа, железные клинки из захоронений Аладжа Гююка (по радиоуглеродным датировкам определяемых как относящиеся к началу III тысячелетия до н. э.¹⁶) были изготовлены из земного железа. Следовательно, впервые было оно изготовлено в III тысячелетии до н. э. в Малой Азии.

Эти выводы историков материальной культуры можно прямо связать с письменными свидетельствами староассирийских табличек из торговых колоний в Малой Азии (2040—1875 гг. до н. э.)¹⁷. Основным предметом торговли были металлы — медь, серебро, которые вывозили из Малой Азии, и олово, которое ввозили в эту область¹⁸, отличавшуюся высоким уровнем металлургии (с этим было связано и столь раннее становление торгового капитала). Ассирийские купцы образовывали специальные торговые общества с целью приобретения в Малой Азии железа (аккад. *ašī'u*), которое ценилось необычайно высоко — в 40 раз дороже серебра и в 5 (а то и в 8) раз дороже золота. Необычайные трудности, с которыми при этом столкнулись предприимчивые ассирийские торговцы¹⁹, были связаны с тем, что торговля железом целиком контролировалась властями местного анатолийского царства — Куссара²⁰. Из староассирийских табличек следует, что уже существовало производство железных криц (аккадск. *amūtu*), которые далее обрабатывались кузнецами. В одном из писем описывается, как железная крица, принесенная автором документа,

¹² R. M a d d i n. Ibid., Ср. Н. Н. С o g h l a n. Notes on prehistoric and early iron in the Old World. Oxford, 1956.

¹³ Г. П. В д о в ы к и н. Метеориты. (Метеориты Кавказа и метеоритные дожди.) М., 1974, с. 28.

¹⁴ Любопытные типологические параллели такому использованию метеоритного железа можно найти у эскимосов (см. А. Л. С г о е б е р. Anthropology, rev. ed. New York, 1948) и у индейцев Британской Колумбии (Т. А. Р и с к а р д. The use of iron and copper by the Indians of British Columbia. «British Columbia Historical Quarterly», 1939, № 3).

¹⁵ Т. А. W e r t i m e. Pyrotechnology, p. 674, 676, 682; е г о ж е. The beginnings of metallurgy, p. 875, 882.

¹⁶ J. M e l l a a r t. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? «Antiquity», 1979, vol. LIII, № 207, p. 14, 18 (table).

¹⁷ См. об этой датировке. Ibid., p. 12, 13, 18 (table).

¹⁸ «Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.)». Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской (Памятники письменности Востока, XV), М., 1968, P. G a r e l l i. Les assyriens en Cappadoce, Paris, 1963; G. C. G a r d i n. Reconstructing an economic network in the Ancient Near East with the aid of a computer. «The use of computers in anthropology». The Hague — Paris, 1965, p. 377—391.

¹⁹ В. L a n d s b e r g e r. Kommt *Hattum* 'Hethiterland' und *Hattūm* 'Hethiter' in den Kültepe—Tafeln vor? «Archiv Orientalní», 1950, vol. XVIII, pars 1—2, s. 331—335.

²⁰ M. L a r s e n. The Old Assyrian colonies in Anatolia. «Journal of the American Oriental Society», 1974, vol. 97, № 4, p. 475.

была против его воли отдана местным должностным лицом кузнецу для обработки (аккадск. *ṣaḡaru*), причем указана и потеря в весе при обработке²¹. Из этого следует, что в крице содержалось значительное количество шлаков, удалявшихся при ковке (что обычно на раннем этапе развития сыродутного способа производства).

Временем конца староассирийских колоний в Малой Азии датируется древнейшая хеттская надпись царя Анитты (ок. 1875 г. до н. э.)²², чье имя известно и из короткой аккадской надписи на бронзовом клинке (в этой связи стоит напомнить, что пятью веками позднее соседи и вассалы хеттов, как Ассирия, Египет и Угарит, домогались у хеттских царей их железных клинков, о чем свидетельствует дипломатическая переписка²³). В обширной древнехеттской надписи Анитты упомянуты железные предметы, в частности, железный трон и железный скипетр, принесенные Анитте правителем города — государства Пурусханда²⁴. Такие же и другие сакральные предметы из железа и железные изделия (в том числе железный очаг, железные гвозди, священные изображения из железа) многократно упоминаются в позднейших хеттских текстах, продолжающих традицию хатти (протохеттскую).

Особая культовая значимость железа в ритуальной традиции хатти выделяет эту последнюю (и отчасти продолжающую ее древнехеттскую) из числа других древневосточных (и объединяет ее с позднейшими западнокавказскими, в частности, абхазской, что представляет особый интерес в виду наличия ряда сходств языка хатти и абхазо-адыгских языков). В традиции хатти отсутствовала та ценностная (аксиологическая) преграда для осознанного использования железа как значимого металла, которая могла задержать развитие металлургии железа в других областях согласно Крёберу²⁵. Очевидно, в области расселения хатти на севере Малой Азии, где отсутствовали залежи олова, необходимого для производства бронзы, но в изобилии наличествовали железные руды, не было и второй причины, тормозившей по Крёберу использование железа в тех областях, где раньше появилась бронза. Данные о малоазиатских клинках из земного железа позволяют предположить, что хаттские (и позднее хеттские) металлурги научились преодолевать и третью трудность, по Крёберу мешавшую использованию железа в древности — излишнюю мягкость этого металла, получаемого сыродутным способом. Видимо, на первых порах для изготовления клинков могли использоваться отделяемые от криц науглероженные стальные пластины, чем объясняется дорогая стоимость и редкость клинков.

Вывод, согласно которому металлургия железа в Передней Азии (а потом и в Евразии в целом) распространяется из области культуры хатти, подтверждается историей названий железа. Все древние языки Малой Азии и прилегающих к ней областей (хеттский, хурритский, западные — левантские диалекты аккадского) заимствуют название железа из языка

²¹ R. M a w e l l - H y s l o p. The metals *amūtu* and *asi'u* in the Kültepe texts. «Anatolian studies», vol. XII, London, 1972, p. 158; Как недавно стало известно (I. J. G e l b. Thoughts about Ibla. «Syro-Mesopotamian Studies», 1977, vol. I, № 1), название *amūtu* связано с той древней клинописной традицией, которая отражена в сфере культурного влияния северносирийского города Эблы, торговавшего с Малой Азией еще в середине III тысячелетия до н. э. (среди предметов торговли существовавшее место занимали металлы).

²² См. о датировке: J. M e l l e a r t. Ibid., p. 18 (table).

²³ C. Z a c c a g n i n i. KBo I 14 e il «monopolo» hittito del ferro. «Rivista degli studi orientali», 1970, vol. 45, fasc. 1—2.

²⁴ Г. Г. Г и о р г а д з е. Текст Анитты и некоторые вопросы ранней истории хеттов. «Вестник древней истории», 1965, № 4; E. N e u. Der Anitta—Text («Studien zu den Bogazköy-Texten», Heft. 18). Wiesbaden, 1974.

²⁵ A. L. C r o e b e r. Ibid., p. 725—727.

хатти (в письменной передаче *ḥaralki*, *ḥawalki*). В древнегреческом языке это слово отразилось в нескольких фонетически преобразованных формах, отражающих разную хронологию заимствования (а возможно, и разное место заимствования). Обитатели греческих поселений на Черном море могли позднее усвоить название стали *χαλυσ*, производившейся железоделателями — *χαλυβες*, обитавшими на черноморском берегу Малой Азии²⁶. К значительно более раннему времени относится заимствование греч. гомеровск. *χαλκός*, микенск. *ka — ko*; это слово было заимствовано еще до появления производства железа в Греции и поэтому стало обозначением металла вообще, меди и бронзы (как основного металла бронзового века, ср. также производное *χαλκεύς* 'кузнец', микенск. *ka — ke — u —*).

Звуковая форма греческого заимствования предполагает отсутствие передачи *—f—/—w—*, реконструируемого для звучания хатти (*ḥafiki*)²⁷. Исходной для греческого могла быть форма **g^hlġ^h*, где палатальный **ġ^h* передавал хатти /k'i/, **g^h* — хатти *ḥ* (как и в ряде других древних заимствований) и при этом соблюдалось общеиндоевропейское правило несовпадения начальных и конечных фонем корня и выполнялся закон Грассмана (как это наблюдается и в других греческих заимствованиях раннего времени)²⁸. Реконструируемая дописьменная греческая праформа **g^hlġ^h* по правилам индоевропейского аблаута соотносится с **g^helġ^h*, восстанавливаемым в качестве славянского (ст.-слав. *желѣзо*, болг. *желязо*, сербо-хорв. *жельезо*, словен. *železo*, рус. *железо*, диалект. *зялѣзо*, украин. *жेलізо*, *залізо*, белор. *залезо*, *зелезо*, польск. *żelazo*, чеш. *železo*, в.-луж. *železo* из **g^helġ^h*²⁹) и балтийского (лит. *geležis*, диалектн. жемайтск. *gelžis*, латыш. *dzēlzs* при прусск. *gelso*³⁰). Фонетическую структуру основы **g^helġ^h*, реконструируемой для части балтийских языков, можно объяснить восстановлением корневого **e* в **g^hlġ^h* по законам аблаута корня, тогда как славянское **g^helġ^h* предполагает чередования более позднего времени (по модели так называемых «двуслоговых баз» в индоевропейском).

Относительная хронология этого заимствования, общего для греческого и балто-славянского, заставляет считать, что оно было сделано не порознь в каждый из этих индоевропейских диалектов, а в целую диалектную группу, из которой развились указанные индоевропейские языки. В эпоху заимствования в этой индоевропейской диалектной группе еще существовали палатальные (не ставшие аффрикатами или спираантами), сохранялись древние морфонологические правила структуры корня и серия придыхательных, противопоставленных двум другим сериям фонем. Иначе говоря, заимствование из хатти в эту диалектную группу осуществлялось до слияния придыхательных с непридыхательными в балто-славянском и до исчезновения палатальных, слившихся с непалаталь-

²⁶ X. Planholde. Geographia Pontica II. Les Khalybes: nom de peuple ou qualificatif professionnel? «Journal Asiatique», 1963, t. CCLI, № 3—4, p. 298—309; R. Drew. The earliest Greek settlements on the Black sea. «Journal of Hellenic Studies», 1976, vol. XCVI, p. 26—28.

²⁷ В. В. Иванов. История металлов на Древнем Востоке в свете лингвистики. Историко-филологический журнал АН Арм.ССР, 1976, № 4.

²⁸ W. Dressler. Zur Rekonstruktion phonologischer Prozesse im Altgriechischen: Grassmans Gesetz. In: Bereiche der Slawistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm, Wien, 1975, S. 64—65.

²⁹ Ср. об **—ēġ^h* — в этом слове: P. A. A. Urslawische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der Slavischen Sprachen, Bd. II, Heidelberg, 1976, S. 47. Восточнославянские дублеты с начальным *z* — могли бы объясняться ассимиляцией последующему *z* —.

³⁰ В. В. Иванов. О происхождении некоторых балтийских названий металлов. «Baltistica», 1977, XIII (1); В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Е — Н. М., 1978, с. 200—203.

ными в позднейшем греческом и давших спиранты в балто-славянском. Поскольку микенские греческие тексты относятся к середине II тысячелетия, для заимствования можно указать и абсолютную хронологию: оно должно было осуществиться не позднее III тысячелетия до н. э. Это согласуется и с историческими данными об истории железа, распространяющимся в Грецию с юго-востока не позднее этого времени ³¹.

Эта дата заимствования, устанавливаемая для названия железа, общего для славянского ³², балтийского и греческого языков, находится в хорошем согласии с археологическими данными, согласно которым клинки из земного железа в Аладжа Гююке относятся к началу III тысячелетия до н. э. Можно думать, что носители тех диалектов, из которых развились позднее славянский и балтийский, с одной стороны, греческий — с другой, именно в это время усвоили новое название металла в его древней форме (в отличие от существенно преобразованной его формы при заимствовании в некоторые другие индоевропейские языки ³³). Но следует подчеркнуть, что в это время речь могла идти только об очень редком драгоценном металле.

3. Вопрос о переходе к железному веку в Евразии: металлургия железа у славян

Если техника получения из руды железа, а возможно и стали (железа для клинков) была изобретена хатти, то, как полагает большинство исследователей, роль хеттов — прямых наследников усвоенной ими культуры хатти — состояла скорее в том, что они способствовали задержке широкого распространения железа. Предполагается, что у хеттов в эпоху Нового Царства (XIV—XIII вв. до н. э.), как до этого в царстве Куссар в эпоху староассирийских колоний (и как много позднее в Китае I в. до н. э. ³⁴), осуществлялась государственная монополия на железо. Несомненно, что железо оставалось у хеттов дорогим металлом, доступным для изготовления единичных ювелирных изделий (в том числе и клинков из науглероженных пластин стали), которые хранились на царских складах в ограниченном количестве. Потребовался существенный мутационный скачок в ценностной ориентации ³⁵, чтобы перейти от изготовления таких изделий к использованию железа и стали как наиболее удобного металла для массового изготовления разных видов оружия, а затем и орудий труда (в частности, сельскохозяйственного). В этом по существу и состоял переход к так называемому «железному веку» ³⁶.

³¹ R. P l e i n e r. Iron working in Ancient Greece. «Sbornik národního technického muzea u Praze», 7. Praha, 1969 (с библиографией); D. V e r e i n. Pour une voie cimérienne de diffusion de la metallurgie du fer. «Archeologické rozhledy», 1964, XVI, с. 264—279.

³² Приведенные культурно-исторические и лингвистические доводы заставляют решительно отвергнуть все другие объяснения общеславянского названия железа вплоть до недавно предложенного: H. L e e m i n g. A slavonic metal-name. «Rocznik slawistyczny», 1978, t. XXXIX, cz. 1, p. 7—17 (там же библиография предшествующих аналогичных объяснений).

³³ Ср. об арм. *erkat* и др.-инд. *parśu* в связи с тем же *hapalki*: A. A n c i l o t t i. Un antico nome del ferro nel vicino oriente. «Асме», 1975, t. 28, № 1—2, 27—48.

³⁴ R. J. F o r b e s. Metallurgy in antiquity, New York, 1964, p. 440.

³⁵ Ср. Г. Е. А р е ш я н. Древнейшие центры металлургии железа в Западной Азии. «Вестник Ереванского университета», 1974, № 3, с. 124—138; е г о ж е. Железо в культуре Древней Передней Азии и бассейне Эгейского моря (по данным письменных источников). «Советская археология», 1976, № 1, с. 87—99. Le passage du 1er au 2e Age du Fer en Europe (Congrès de l'Union des Sciences prehistoriques et protohistorique, IX, Nice, 1976, Actes des Colloques, 29) ed. par A. Bocquet.

³⁶ Ср. R. M a d d i n, J. D. M u h l y, T. S. W h e e l e r. How the Iron Age Began.—«Scientific American», 1977, vol. 237, N 4, p. 122—131; J. C. W a l d b a u m. From bronze to iron, the transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean (Studies in Mediterranean Archaeology, 54). Göteborg, Paul Åströms Förlag,

Начиная с XII в., после падения Хеттской империи, железо быстро распространяется у разрушивших ее «народов моря» (как их называют египетские источники) и у их соседей, но основные центры производства железа остаются еще в пределах провинций, некогда входивших в эту империю. Характерно, что в IX в. до н. э., когда для Ассирии констатируется классический железный век³⁷, основные количества железа ассирийцы получают либо из самой области Хатти (15 т при Апшур-нацирапале, 24 т при Салманасаре III), либо из прилежащих областей на территории исторической Армении (18 т из Наири при первом из этих царей).

Наступление «железного века» в истории орудий знаменуется изготовлением целых серий железных (и стальных) предметов разнообразного назначения (подобно тому, как такие серии изготовлялись из чистой меди в Египте «медного века» и из бронзы в Шумере и в древних городах долины Инда «бронзового века»³⁸). Наиболее ранние свидетельства таких серий орудий из железа, датируемых VIII в. до н. э.; обнаружены при раскопках в Гордионе (Фригия); их анализ дается в одной из последних работ выдающегося чехословацкого специалиста по археологии железного века Р. Плейнера. Чрезвычайно показательно, что эта наиболее ранняя серия железных орудий обнаружена на той же самой территории центра Малой Азии (на которой фригийцы сменили хеттов), где за две тысячи лет до этого «протохетты» (хатти, которых сменили хетты) начали изготовление земного железа. Сходным образом окончательное наступление железного века в Восточной Европе знаменуется сериями железных предметов черняховской культуры³⁹. Этнографические данные позволяют считать, что набор железных предметов весь в целом составляет важнейшую осознаваемую самими носителями характеристику племени или народа, вступившего в железный век⁴⁰.

В раннем железном веке процесс прямого восстановления железа из его окислов⁴¹ осуществлялся посредством так называемого сыродутного способа, основные особенности которого реконструируются достаточно точно

1978. Для датировки начала железного века в последний период истории Новохеттского царства перед его крушением существенно обнаружение в слое 13 в. до н. э. в нижней (жилой) части города Хаттусас (Богазкёй, столица хеттов) железного боевого топора того типа, который до того изготовлялся из бронзы, см. Н. Е r k a n a l. Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausend in Zentralanatolien (Prahistorische Bronzefunde, Abteilung IX, Bd. 8), München, 1977, S. 6, 9, Tafel 3—27.

³⁷ В. N e u m a n n. Die älteste Verfahren der Erzeugung technischen Eisens durch direkte Reduktion von Erzen mit Holzkohle im Rennfeuern und Stückeröfen und die Stahlerzeugung unmittelbar aus dem Eisen erz. Mit einem Nachwort von H. Wilsdorf. «Freiberger Forschungshefte. Kultur und Technik», D 6. Berlin, 1954, S. 77.

³⁸ W. M. F. P e t r i e. Tools and weapons, London, 1916; И. Л у р ь е. История техники древнего Египта. В кн. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.—Л., 1940; Н. Н. С o g h l a n. Metal implements and weapons. — «History of technology», vol. I, Oxford, 1954, p. 600—622; Г. Ч а й л д. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Пер. с англ. М., 1956, с. 147—148, 240, 269—271. Ср. к типологии «веков металлов»: Н. М ü l l e r - K a r p e. Zu den Stufenbenennungen der vorgeschichtlichen Metallzeitalter. Germania, 1975, Jahrgang 53, Hbd. 1—2, S. 24—29.

³⁹ Г. А. Вознесенская. Техника обработки железа и стали. В кн. Т. Б. Барцева, Г. А. Вознесенская, Е. Н. Черных. Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 11.

⁴⁰ Автор настоящей статьи во время экспедиции по изучению кетов на Енисее в 1962 г. убедился в том, что полный набор (целая серия) всех нужных для домашнего хозяйства старинных железных орудий с их специфическими названиями хранился в памяти каждого из старых кетов и селькупов (относительно ранее вступление кетов в железный век доказывается наличием названия железа *eg-в енисейских языках). (В. В. Иванов. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонами. В кн. Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975).

⁴¹ См. детально: Б. В. Некрасов. Курс общей химии. М.—Л., 1952, с. 760.

на основании сравнения археологических находок с этнографическими данными о народах и племенах (в частности, африканских), до XX в. сохранивших этот способ производства железа. Сыродутный горн сооружался из глины или из камней, обмазанных глиной. В стенах оставались отверстия для дутья, обычно два, на противоположных сторонах. В эти отверстия вставлялись глиняные трубки-сопла, на которые надевались кожаные мехи, приводившиеся, как правило, в движение рычагами. Горн засыпали древесным углем и железной рудой. Частицы железа при сыродутном способе его получения свариваются в крицу — комок железа, представляющий после проковки его молотом предварительный материал для кузнечной работы.

В отдельных местах Западной Европы ремесленное производство железа таким способом продолжалось до XVIII в., а в стране басков на Пиренеях — и еще позднее. К началу н. э. в Западной Европе восходят простейшие ямы для плавки железа диаметром около 1,5—1,6 м, глубиной 0,6—1 м. Ямы были обмазаны двумя слоями глины соответственно толщиной в 16 и 8 см. Сохранились следы глиняных сопел для принудительного дутья.

Другой тип древнеевропейских железоделательных сооружений, известных начиная с римского времени, использовал для дутья естественный ветер (в частности, горный). При слабом ветре приходилось создавать движение воздуха, размахивая подобием веера из ветвей деревьев⁴².

Металлургические процессы в железоплавильной печи сыродутного типа были изучены в стране басков. Для изготовления 100 кг железа требовалось 312 кг руды (с содержанием 63,99% Fe_2O_3 , 5,13% Mn_2O_3 , 12,2% SiO_2) и 340 кг угля. В железоплавильной печи с принудительным дутьем процесс восстановления железа начинался в зоне, прилегающей к наружному слою. В зонах, расположенных в глубине печи, энергично протекали процессы восстановления железа из окислов, шлакообразования и сплавления капель железа. В верхней зоне руда теряла свою окраску и выглядела черной, она содержала здесь 49,21% Fe_2O_3 , 26,95% Fe_3O_4 , 4,13% Mn_3O_4 . В следующей зоне выделялись уже капельки восстановленного железа, здесь содержалось 1,04% восстановленного железа, 59,51% FeO , 22,91% Fe_2O_3 и 4,03% Mn_3O_4 . В третьей зоне, еще более удаленной от наружного слоя, шло интенсивное восстановление железа, кусочки которого сплавлялись вместе, а железные кристаллики соединялись, образуя корку толщиной в 2 мм на поверхности мягкой железной массы черного цвета. При температуре 1000° в шлаках содержалось 41,2% FeO , 11,07% MnO , 27,5% SiO_2 ; капельки железа составляли 7,55% шлаков. В четвертой зоне, наиболее удаленной от наружного слоя, при температуре 1200—1300° шлаки отделялись от кусков железа⁴³. Представляется, что эти данные имеют исключительное значение для истолкования соответствующих археологических фактов, в частности, относящихся к материальной культуре древних славян.

Из археологических раскопок в средневековой Европе для изучения подобных совершенных методов производства железа сыродутным способом значительный интерес представляет исследованная Р. Плейнером славянская домница XIII—IX вв. до н. э. в Желеховицах⁴⁴. Домница

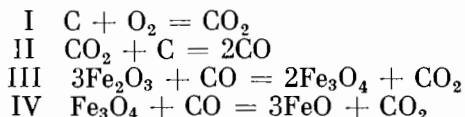
⁴² В. Neumann. Ibid., S. 21.

⁴³ Ibid., S. 30—31. Ср. о железе в стране басков: R. Sprandel. Das Eisengewerbe im Mittelalter. Stuttgart, Anton Hiersemann. 1968, S. 99—101.

⁴⁴ R. Pleiner. Výroba železa ve slovanské huti u Zelechovic na Uničovsku. «Rozpravy Československé Akademie věd», ročník 65, řada SV, sešit 6. Praha, 1955; его же. Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemích. Vývoj přímé výroby železa z rud od doby halštatské do 12 věku, Praha, 1958. Относительно этимологии чеш. Zelechovice, Zelechu, польск. Zelechów, греч. Ζελεχοῦσα, болг. Зилягова, Ζελεχοῦσα

состояла из целой системы сыродутных горнов. Общий для всей системы горнов шлаковый выпуск одновременно служил и воздушным отверстием для перехватывания часто дующих в этих горных местах Северной Моравии западных ветров. В каждом горне имелось воздуходувное сопло для принудительного дутья. От очага наискось вверх шла воронкообразная шахта печи, наклоненная на 70% к западу. Внутренность шахты и очаг были снабжены обмазкой, состоявшей из нескольких слоев веществ разной степени огнеупорности: песчаный слой красного цвета был менее плотен, но огнеупорность его была 1730° (по своим качествам этот слой может быть сопоставлен с современными огнеупорными обмазками), более плотный глинистый слой имел наименьшую огнеупорность (1200°).

Процесс плавки в домнице реконструируется в следующем виде. Для восстановления железа из руды (магнетита — Fe_3O_4 и гематита — Fe_2O_3) использовался древесный уголь, полученный из ясеня, клена и липы. К предварительно нагретым горнам доставлялась раздробленная на мелкие части руда. В горнах зажигался древесный уголь, в разогревшийся огонь бросали руду и производили принудительное дутье из меха, расположенного за горном (вместе с тем пользовались и природным ветром). Как показывают эксперименты со шлаками, температурное напряжение в горнах достигало 1450°. Восстановление железа начиналось при температуре 500—600°: окись углерода CO отнимала у руды кислород:

При 900° осуществлялось выделение частиц железа:

При температуре 1100—1200° образовавшаяся на предыдущем этапе закись железа FeO принимала участие в шлакообразовании. Частицы железа сплавлялись при 1300—1400° в железные крицы. Текучий шлак предохранял железо от нового окисления.

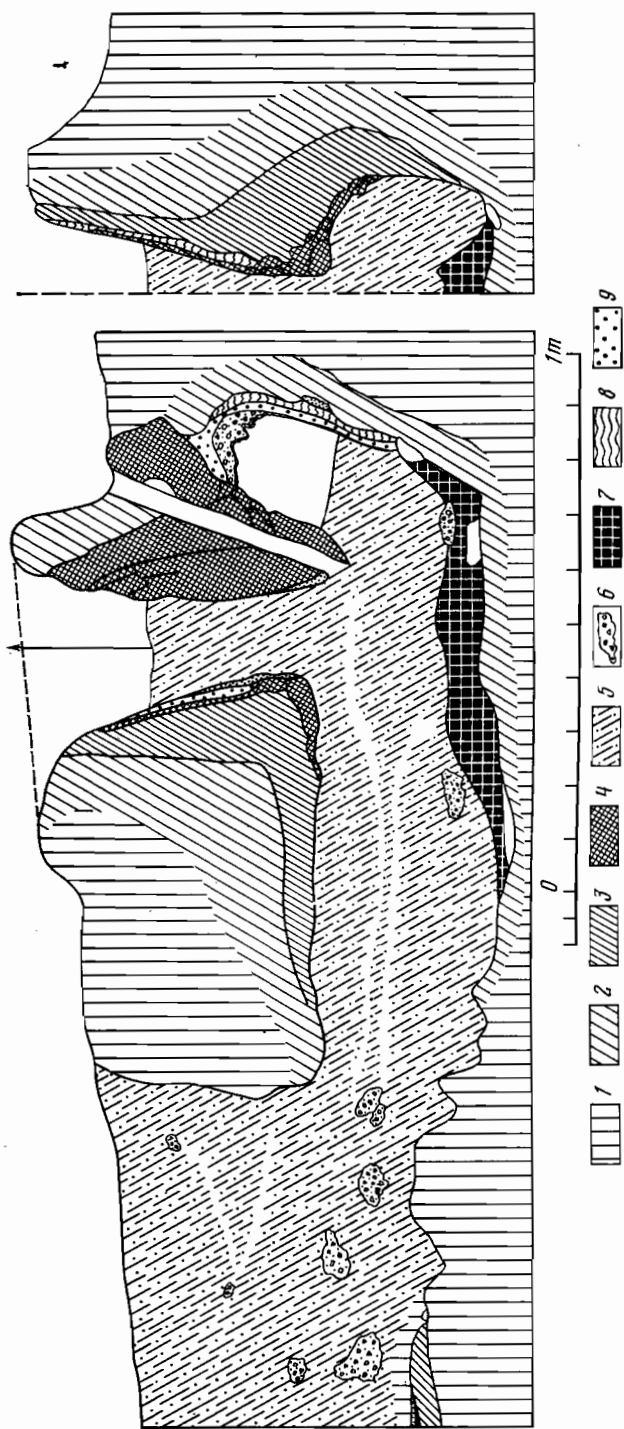
Сходный температурный потенциал был достигнут при изготовлении железа в средневековой Польше⁴⁵ и в древней Руси⁴⁶. Предположение о продолжении древней общеславянской традиции может опираться также и на сравнение с данными о температурном потенциале, необходимом для совершения кремации, который (как показано в работах польских археологов) оказывается весьма высоким; поэтому наличие обряда трупосожжения у древних славян (как и у других групп индоевропейских народов) весьма существенно и для соотнесения с температурным потенциа-

(1309) ср. M. Vasmer. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1944, S. 35, 147, 217; И. Н. Иванов. Из старата славянска ономастика. Български език, 1979, год. XXIX, кн. I, с. 71—73.

⁴⁵ A. Kruckowski, T. Reymann. Badania metaloznawcze nad przekutym półfabrykatem żelaza z Witowa, pow. Pińców i żużlem dymarkowym z Igołomi, pow. Miechów. Warszawa, Sprawozdania P. M. A. V., 1954, s. 53.

Чрезвычайно существенной представляется проблема определения температуры костра на основании изучения микроструктуры металлических предметов из мест сжигания: W. Różański. Badania przedmiotów metalowych pochodzących z grobów ciepłopalnych. In: Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa, t. 2, Warszawa, 1958, с. 109, 110; Ср. сб. Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии н. э. Под ред. В. В. Седова, М., 1974, с. 18, 19, 43, 60, 61, 68, 87, 150, 151. В частности, важны использовавшиеся способы увеличения протока воздуха и интенсивности горения (благодаря применению больших камней).

⁴⁶ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953, с. 25.

Желеховица, окр. Штернберг. Продольная и южная часть поперечного профиля горна XXV (по Р. Плейнеру)

1 — лесс, 2 — обожженный лесс с оттенком красного цвета, 3 — глинистый слой бурого цвета, 4 — песчаный слой красного цвета со шлаковой корустой, 5 — засыпанная глина с угольками и шлаком, 6 — большие куски шлака, 7 — древесные угольки, 8 — 9 — песчаные слои внутренней обкладки белесого цвета

лом, реконструируемым в истории металлургии. Совершенные формы сыродутного способа производства железа обеспечивали возможность получения достаточно больших количеств этого металла, а также чугуна и стали.

Ранние этапы сыродутного способа производства железа моделировались в серии экспериментов Б. А. Колчина. На территории раскопок в Новгороде была построена глиняная печь древнерусского типа. Руда доставлялась из отвалов древних выработок старого сосновского рудника на Урале. Были учтены все существенные технологические подробности, как предварительный разогрев печи, сушка руды. При 17 произведенных опытах плавки было получено губчатое железо. Многократные попытки превратить железную губку в крицу — в монолитный кусок железа без шлака и пустот (в таком виде железо и должно было поступать к кузнецам для позднейшей обработки) не увенчались успехом⁴⁷. К выводу о крайней сложности получения крицы (для чего требовался высокий температурный режим и ожигание шлаков особыми сварочными флюсами) приводят и другие опыты моделирования сыродутного способа производства железа⁴⁸. Очевидно, что трудности и не были преодолены в ранней традиции кельтов, не знавших во всем объеме технических достижений древнеближневосточных металлургов, этим и объясняется ломкость ранних железных изделий кельтов, не умевших еще реализовать все возможности, заложенные в сыродутном способе. В этом плане может представить значительный интерес сопоставление различий в обозначениях железа у кельтов и германцев, с одной стороны, балтов и славян, с другой. Рассмотренная балто-славяно-греческая форма названия железа, некогда заимствованная из области, где впервые в Евразии было открыто железо, отличается от кельтского и германского названий, возводимых к **īsarǵom*⁴⁹ (откуда нем. Eisen, англ. iron). Представляется возможным предположить сопоставить языковые различия между наиболее архаическим названием, сохраненным в балто-славяно-греческом диалектном ареале, более поздним кельто-германским и отличным от него латинским (*ferrum*) с различиями, которые обнаруживаются между локальными металлургическими традициями на территории древней Европы. Известно, в частности, выявляемая по археологическим данным разница между древнейшими кельтскими и германскими образцами железа относительно низкого качества⁵⁰ и теми традициями, которые, как римская, рано характеризовались искусством изготовления высококачественных видов железа и стали⁵¹, что давало их металлическому оружию существенное преобладание над примитивным кельтским (масштабы добычи железной руды в римское время свидетельствуют о растущей значимости металлургии железа⁵²). О древ-

⁴⁷ Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. В кн. Археология и естественные науки. Под ред. Б. А. Колчина. М., 1965, с. 196—215.

⁴⁸ J. Gilles. Rennversuch in Geblaseofen und Ausschmieden der Luppen. Stahl und Eisen, 1960, Bd. 80, Heft 14, S. 943; R. Pleiner, M. Radman. Polsko-Czechosłowackie doświadczenia wytopu żelaza w dymarnach z okresu Rzymskiego. «Kwartalnik historii nauki i techniki», 1962, t. 7, № 3.

⁴⁹ E. Veneniste. Le nom celtique du fer. «Celtica», 1955, III, p. 279—283. Заманчивой представляется возможность сближения с восточно-иранским термином: ваханск. *īšn* 'железо', хатано-сакск. *hiššana*.

⁵⁰ R. Pusch. Metallkundliche Untersuchungen an alten Eisenfunden «Stahl und Eisen», 94 Jahrgang, № 15, 18 Juli 1974, S. 682, R. M. Rowlett. The Iron Age north of the Alps. Science, 1968, vol. 161, p. 123—134. Ср. также В. Максимов. Зарубиенская культура. В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978, с. 47.

⁵¹ R. Pleiner. Staré evropské kovarství, Praha, 1962.

⁵² W. I. Dawson, J. E. Harper. European Economic History, vol. I, The Ancient World, New York, 1972, p. 206, 208; D. Ollivier. Roman mines in Europe. Oxford, 1935.

них связях Рима с ближневосточными центрами металлургии железа свидетельствует латинск. *ferrum* < *fersom 'железо', заимствованное (как и греч. βίρρη, название орудия из железа) из того же переднеазиатского источника, что и ряд семитских названий (аккад. *parzillu* 'железо', араб. *parzāl*, манд. *parzla*, др.-евр. *barzāl*, угаритск. *brsl*, ю.-арав. *przn*—) и сванск. *berēž* 'железо'⁵³. Любопытно отметить отличие этого термина от возможно ему родственного более древнего хаттско-хеттского, усвоенного (в более древний период) в балто-славянском и греческом. Отсутствие последующих замен в названии железа в славянском может свидетельствовать в пользу гипотезы, по которой традиция использования, а затем получения этого металла в славянском развивалась с сохранением относительно непрерывной преемственности. Для истории славянской (как и балтийской) металлургии железа представляется существенным отсутствие замен в древнем названии, явно отличающее эту традицию от германской и кельтской.

4. Проблема славянского названия свинца

Др.-рус. *свинць*, украинск. *свиніць*, словен. *svínec*, как и родственные восточнобалтийские названия (литов. *švīnas* 'свинец', латыш. *svīns*), оказывается возможным отождествить этимологически с общепреднеазиатским культурным миграционным термином, выступающим (как и рассмотренное название железа) и в греческом (микен. греч. *ku — wa* — по 'стекло синего цвета'; гомеровск. *χαλκος* 'синее стекло, медь, сталь'), и в древнемалоазиатских (анаатолийских) языках: хеттск. *kuwanna* 'драгоценный камень, купоросно-синий, медь', лувийск. *kuwanzu* 'медь'⁵⁴.

Для сопоставления славянского и балтийского названий свинца с греческо-анаатолийским названием 'синего стекла, меди' представляется существенным выяснение того, почему в балто-славянские языки было заимствовано это название из тех же языков (или из того же культурного ареала), из которого были заимствовано и название железа. Выше отмечалось сходство технологии производства стекла (в частности, окрашенного с помощью определенных примесей) и железа. Их производство становится возможным в одну и ту же эпоху (и в близких или совпадающих областях) при достижении определенного температурного потенциала — в интервале от 1000° до 1400° и выше. Это делало возможным получать отделяющиеся от металлов искусственные силикаты (позднее стекло) и восстанавливать железо из его кислородных соединений.

Наблюдаемое в славянских и балтийских языках семантическое развитие этого древнего термина металлургического и стеклодувного производства предполагает либо обозначение свинца по цветовому признаку (что в славянском и балтийском наблюдается и в отношении названия золота, а, возможно, также и по отношению к названию олова, см. ниже), либо также сближение свинца (часто сплавлявшегося с оловом) и меди, обычное при знакомстве с производством бронзы. Переднеазиатское происхождение термина требует обращения к соответствующим историко-металлографическим данным.

⁵³ G. A. Alessio. *Le lingue indoeuropee nell'ambiente mediterraneo*, Bari, 1955, p. 534, 569; E. J. Furgé. *Die wichstigten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen*. The Hague—Paris, Monton, S. 65, 232, 251, 252, 355.

Продуктивной представляется гипотеза о возможной связи аккад. *parzill-* и т. п. с северо-восточнокавказским *ba-r̥-i-l-? (ср. груз. *r̥ki-na*), в конечном счете сопоставимым с хатт.-хурит. *ha-ba(-wa?)lki-*: И. М. Дьяконов. *Хуррито-урартский и восточнокавказские языки*. В кн.: *Древний Восток 3*, Ереван, 1978, с. 31.

⁵⁴ В. В. Иванов. *К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах*. В кн. *Славянское и балканское языкознание*. М., 1977 (там же литература вопроса).

В древней Месопотамии (в Шумере) достаточно рано (еще до появления оловянистых бронз) были известны и сплавы меди со свинцом: добавка 9% свинца была обнаружена в архаических слоях Урука⁵⁵. Позднее добавки свинца нередко обнаруживаются в изделиях из оловянистой бронзы в разных частях Евразии, где постепенно обнаруживается тенденция к употреблению тройных сплавов меди (Cu), свинца (Pb) и олова (Sn). Экспериментальная археология показала, что свинец, температура плавления которого 327°, можно выплавлять из руды на открытом костре. Не удивительно поэтому, что древнейшие изделия из свинца начинают использоваться очень рано. В одном из самых ранних центров предгорной цивилизации Малой Азии — Чатал Гююке свинцовые бусы и подвески найдены в VII и VI слоях — рубеж VII и VI тысячелетий до н. э.⁵⁶ В соседнем географическом ареале на островах Эгейского моря, где широко распространены свинцовые руды, в середине III тысячелетия до н. э. встречаются как магические изделия из свинца — человеческие фигурки и модели лодок, так и свинцовые скрепы для укрепления разбитых сосудов⁵⁷, что лишний раз свидетельствует о тесной связи ранней металлургии с гончарным делом.

Следует также отметить, что ранняя металлургия серебра возникает в прямой связи с добычей свинца из соединений, где свинец и серебро встречались вместе. Археологические находки этих металлов синхронны⁵⁸; поэтому рассматриваемая переднеазиатская этимология славянского (и восточнобалтийского) названия свинца согласуется с предлагаемой ниже средиземноморской этимологией названия серебра.

Для определения исходной формы термина следует отметить, что (как и в рассмотренном названии железа) греческая и балто-славянская формы по консонантизму могли бы быть сведены вместе при предположении исходного палатального, но в этом случае в анатолийском ожидалось бы отражение палатального перед $*\check{s}i < *k̄u$; отсутствие этого отражения (не наблюдающегося только в отдельных изолированных словах, где палатальный дает *k* и в литовском: хет. *zamankur* 'борода', лит. *smākga* при др.-инд. *śmaṅgu* и отражении палатального в древнем общедагестанском заимствовании из индо-арийского: $*mV\check{C}Vr$, арчин. *мучГор*, дарг. *муцГур*, агул. *мунджур* и т. п.) предполагает именно заимствование, а не общее индоевропейское наследие, что согласуется и с несоответствием вокализма (слав. $*i$). Возможно, что для объяснения фонетических и семантических особенностей этого слова, пути заимствования которого сходны с историей термина, восходящего к хатти *ḥaralki-* 'железо', нужно учитывать и возможность контаминации в древности этого термина с названием меди *šiniti* в хатти (хотя в этом последнем слове в графике не отражено *u* после *š*, поэтому прямое сближение с хет. *kuwanna* исключается); особенно показательно сходство *šiniti* с формой $*suinī-$ в славянском. Поскольку греческая и балто-славянская формы могут предполагать заимствование до окончательной спирализации палатальных, относительная хронология

⁵⁵ Г. Ч а й л д. Там же, с. 201.

⁵⁶ J. M e l l a a r t. Çatal Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, 1967; В. М. М а с с о н. Неолит Турции. В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 163.

⁵⁷ С. R e n f r e w. Cycladic metallurgy and the Aigean Early Bronze Age. «American Journal of Archaeology», 1967, vol. 71, № 1; Т. В. Б л а в а т с к а я. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976, с. 78—79.

⁵⁸ J. R. F o r b e s. Extracting, smelting and alloying. — In: History of technology vol. I, Oxford, 1954, p. 582—585; е г о ж е. Studies in ancient technology, vol. VIII, Leiden, Brill, 1964, p. 194—259; L. A i t c h i s o n. A history of metals, vol. I, London, Macdonell and Evans Ltd., 1960, p. 46—47.

может оказаться близкой ко времени заимствования названия железа, хотя по вокализму различие между славянской и балтийской формами и греческой, в данном случае исключает восстановление общей праформы и, следовательно заимствование скорее всего осуществлялось порознь в каждый из этих диалектов.

5. Проблема славянского названия серебра

По названию серебра (как и названию золота, которое с точки зрения истории металлов нередко объединяется с серебром, в том числе и по их роли в мифологической и социальной символике⁵⁹) славянские и балтийские языки обнаруживают общую лексическую изоглоссу с германскими языками⁶⁰ (а не с греческим, как в отношении железа и свинца — меди и синего стекла). Это слово характеризуется различиями в диалектном отражении плавных: последовательность l...g в лужицких языках (в.-луж. slěbro, н.-луж. slobro, slabro) находит ближайшее соответствие в такой же последовательности в германских языках (гот. silubr, др.-в.-нем. silabar, др.-сакс. seolfor, др.-исл. silfr), тогда как в укр. срібло (как и в прус. sigaplis, вин. п. sigaplan) засвидетельствована обратная последовательность г...l, а в других славянских языках имеется последовательность г...r: русск., укр. (дублетная форма к приведенной выше), белорусск. *серебро*, ст.-слав. съребро, съребро, болг. *сребрѣ*, сербо-хорв. *срѣбро*, слов. srebrŏ, чеш. stříbro, словацк. striebro, польск. srebro, полаб. srebrŭ (при d...g в лит. sidābras, ст.-литовск. sidrabas). Почти все варианты, представленные в славянском и балтийском, находят точное соответствие в баскских формах этого миграционного средиземноморского термина: zillar, zigar, zidar 'серебро'⁶¹, тогда как в картвельском (грузино-занском) слове представлено в форме *werc₁x₁ — 'серебро' (груз. wercx₁-, мегр. warčxil⁶², ср. баскский вариант zilhar), а в других околосредиземноморских языках засвидетельствована форма без —l—: араб. šarīf, ассир. šarpu, бербер. azerf, azerfa, хауса azurfa 'серебро'. Не только состав согласных, но и гласные в славянских и балтийских формах очень близки к таким позднеанатолийским, как лид. Σίβρος' ἀργύρεος (Σίβρωφ ἐπ'ἀργυρέω ποταμῷ)⁶³.

⁵⁹ Ср. J. R. Forbes. Studies in ancient technology, vol. VIII, p. 1—2; L. Aitchison. Ibid., p. 13; J.-P. Vernant. Genèse et structure dans le mythe hésiodique des races. — In: Entretiens sur les notions de genèse et de structure, Paris, 1965; е го же. Le mythe hésiodique des races. «Revue de philologie, de la littérature et d'histoire anciennes», 1966, t. 40, fasc. 20; R. Halleux. Le problème des métaux dans la science antique (Bibliothèque de la faculté de philosophie et des lettres Université de Liege, 209). Paris, Les Belles Lettres, 1974.

⁶⁰ Chr. S. Strang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen (Scrifter utgitt av Der Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II Hist.—Filos. Klasse, Ny Serie, № 11), Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, S. 47.

⁶¹ A. Т о в а r. Basque language and the Indo—European spread. In: Indo—European and Indo—Europeans. Los Angeles, 1970, p. 271—272; Ср. об этом сопоставлении уже О. Ш р а д е r. Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886, с. 261; Н. Я. М а r p. Из поездки к европейским яфетидам. В кн. Яфетический сборник. III. М.—Л., 1925, с. 44; К. О š t i r. Drei vorlavisch-etruskische Vogelnamen. Ljubljana, 1930, S. 44; В. С о p. Oštirs Sprachwissenschaftliche Ideenwelt. «Linguistica». XIII. (Karel Oštir — in memoriam) Ljubljana, 1973, S. 81.

⁶² Г. А. К л и м о в. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 83—84.

⁶³ F. R i b e z z o. Il nome lidio—ligure dell'argento. «Archiv Orientalni», 1950, vol. XVIII, pars 4, p. 243—243; маловероятны дальнейшие анатолийские этимологии. М. Б у д и м и r: Protoslavica. В кн. Славянская филология, II. М., 1958; с. 113; е го же. Грци и пеласги. Београд, 1950, с. 113. Полное совпадение славянских форм со средиземноморскими миграционными терминами исключает то объяснение славянского слова из индо-арийского, которое предложено в ряде работ О. Н. Трубачева, посвященных выявлению следов индо-арийской лексики на Северном Кавказе.

Хотя археологические данные о металлургии серебра на Кавказе ⁶⁴ и могли бы использоваться как аргумент в пользу возведения славянского и балтийских названий металла именно к картвельскому, тем не менее существенным представляется далеко идущее сходство с баскским. Анализ географического распространения тех древнеиберийских названий, которые обнаруживают явное сходство с баскским ⁶⁵, показывает далеко идущее совпадение этого ареала с областью распространения мегалитических сооружений, датированных радиоуглеродным методом V—II тысячелетиями ⁶⁶. Поскольку и за пределами Иберии эта область простирается в основном на те крайне западные прибрежные области Европы, которые заведомо не были изначально заселены индоевропейцами, представляется возможным предположение, по которому данный миграционный термин мог быть усвоен германо-балто-славянской (северо-западной) группой «древне-европейских» (или западных) индоевропейских диалектов при первом их столкновении с теми группами населения Европы, которые были связаны с культурой мегалитических построек. В этом случае заимствование следует приурочить ко времени распространения указанных индоевропейских диалектов на запад (не ранее II тысячелетия до н. э.).

б. Название 'золота'

Название 'золота', как и название 'серебра', является у славянских языков общим с (восточно-)балтийскими и германскими, а, возможно, и с мессапским ⁶⁷: ст.-слав. *злато*, болг. *злато*, сербо-хор. *злато*, словен. *zlatō*, рус. *зѳлото*, укр. *зѳлото*, польск. *złoto*, в.-луж. *złoto*, чеш. *zlato*, литов. *želtas*, латыш. *zēlts* 'золотой', гот. *gulþ* (суффикс. *—to— при *—no— в индо-иранском производном от того же корня: др.-инд. *hiraṇyau* 'золото', авест. *zaganau*—, ср. венет. *goltano* 'кузнец — золотых дел мастер'). Внутренняя форма этого названия показывает, что золото в славянском, как и в других древних индоевропейских языках обозначалось как 'сверкающее', 'блестящее, желтое'. Известно, что эстетические свойства этого металла сыграли существенную роль и при позднейшем его использовании как символа при обмене ⁶⁸.

К. Маркс писал: «Большое значение металлов вообще в непосредственном процессе производства связано с их функцией как орудий производства. Не говоря уже о редкости золота и серебра, их большая мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их непригодными к такому использованию и лишает их поэтому в значительной степени того свойства, на котором покоится потребительная стоимость металлов вообще. Насколько они бесполезны в непосредственном процессе производства, настолько же они являются ненужными и как жизненные средства, как предметы потребления. Поэтому любое их количество может войти в общественный процесс обращения без ущерба для процессов непосредственного производства и потребления. Их индивидуальная потребительская стоимость не вступает в конфликт с их экономической функцией. С другой стороны,

⁶⁴ А. А. И е с с е в. Древняя металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. В кн. III Международный конгресс по иранской археологии 1935. М.—Л., 1939, с. 91—103; Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья. Л., 1939; Э. В. К и л ь ч е в с к а я. Некоторые детали возникновения искусства черни на Кавказе. В кн. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 246—255.

⁶⁵ Ср. А. Т о в а г. The ancient languages of Spain and Portugal, New York, 1961, p. 61, 113, 127.

⁶⁶ Ср. С. R e n f r e w. Before civilization. The radio—carbon revolution and prehistoric Europe, Harmondsworth, Penguin books, 1976.

⁶⁷ Chr. S. S t a n g. Ibid., S. 64 (прис. *sealtmeno* может не быть связано с этой группой слов). О мессап. *σελτη* 'aureum' см. V. P i s a n i. Zur Sprachgeschichte des Alten Ialien. Saggi di linguistica storica, Torino, 1959, p. 67, n. 1.

⁶⁸ C. L é v i-S t r a u s s. Anthropologie structurale, Paris, 1958, chapitre V.

золото и серебро не только в отрицательном смысле излишни, т. е. суть предметы, без которых можно обойтись, но их эстетические свойства делают их естественным материалом роскоши, украшений, блеска, праздничного употребления, словом, положительной формой избытка и богатства»⁶⁹. В этой связи Маркс ссылаясь и на доказанную сравнительно-историческим индоевропейским языкознанием «этимологическую связь названий благородных металлов с соотношениями цветов»⁷⁰. В этом отношении славянские языки не отличаются от других индоевропейских.

7. Название олова

Значительно более проблематичным остается то, в какой мере и название олова (ст.-слав. олово, болг. *олво*, сербо-хорв. *длово*, словен. *olov*, *ólono*, рус. олово, укр. *олово* 'свинец', бел. *вблово*, чеш. *olovo*, польск. *olów*, в.-луж. *wołoj*), как и родственные балтийские слова (прус. *alwis* 'свинец'⁷¹, лит. *alvas* 'олово', латыш. *alvs*) так же правомерно возводить к обозначению блестящего или белого цвета (типа др.-в.-нем. *ēlo* 'желтый', латин. *albus* 'белый', греч. *ἄλφος*). Хотя эта последняя точка зрения находит широкое отражение в этимологических словарях, тем не менее необходимо иметь в виду, что эта связь названия олова с названием цвета могла явиться следствием народной этимологии, приведшей и к перестройке начального сочетания фонем в слове. Первоначально же это слово, как и название железа, могло быть связано с тем же переднеазиатским источником, из которого заимствовано и греч. *μάλυβδος*, родос. *βόλιμος*⁷² (слово засвидетельствовано в нескольких формах, указывающих на явно негреческое его происхождение, начиная уже с микенских текстов). Это могло бы указывать на то, что название олова (которое должно было ввозиться в области первоначального обитания славян и балтов) было заимствовано из одного из средиземноморских языков (как и большинство других рассмотренных терминов: сходство фонетической структуры отмеченного выше заимствованного греческого названия стали *χαλψ* и олова *μάλυβδος* могло бы указывать и на сходство языка-источника). Пути торговой передачи олова объединяли весь переднеазиатский и средиземноморский ареалы во II тысячелетии до н. э., когда олово было необходимо для производства оловянистых бронз⁷³. В этом случае можно было бы думать, что контакты носителей славянских (как и балтийских) языков (и предшествовавших им индоевропейских диалектов) с обитателями древнеближневосточных очагов ранней металлургии следует датировать начиная с эпохи оловянистой бронзы, в которую и было осуществлено в Малой Азии изобретение железа, а в Месопотамии — стекла; эта датировка контактов согласуется и с хронологией одновременной разработки свинца и серебра. Этот вывод, который может относиться, разумеется, и к контактам торгового характера, следует учитывать в исследованиях по славянским древностям.

Обнаруживаемое по отношению ко всем рассмотренным группам слов далеко идущее сходство славянской и балтийской (особенно восточно-балтийской) терминологии металлов согласуется также и с наличием об-

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, М., 1959, с. 436.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. А — D. М., 1975, с. 81.

⁷² К этому сопоставлению, предложенному еще Микколой (J. J. Mikko la. Baltisches und Slavisches, Översigt af Finska Vetenskapet. Societens Förhandlingar, Bd. 45, № 4, Helsingfors, 1903, S. 41) целесообразно вернуться в свете новых данных.

⁷³ E. R. Eaton and Hugh Mac Kerell. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenic copper. — World archaeology, 8, 1976, pp. 174, 181; Mc C. A d a m s R. Рец. на кн. Larsen M. R. The Old Assyrian City—state and its colonies. «Journal of Near Eastern Studies», 1978, vol. 37, № 3, p. 265—269 (переход от мышьяковистых бронз к оловянистым в Анатолии).

щего названия 'кузнеца' (ср.-болг. *вътръ*, серб.-ц.-слав. *вътръ*, прус. *autre* 'кузница', *wutris* 'кузнец' ⁷⁴), сходного круга мифологических представлений о кузнеце — участнике схватки с мифологическим чудовищем ⁷⁵, а также с наличием целого ряда общих для славянского и балтийского названий орудий (таких, как слав. **szgrъ*, русск. *серп*, болг. *сърп*, чеш. *sgr*, латыш. *siģpis*), изготовлявшихся кузнецами. Весь этот комплекс данных, относящихся к материальной и духовной культуре, позволяет реконструировать кузнечное производство, обладавшее значительным числом общих черт у славян и балтов в древнейший период их истории.

⁷⁴ В. Н. Т о п о р о в. Прусский язык. Словарь, А—D, с. 174—175.

⁷⁵ Этот общий балто-славянский мифологический мотив входит и в более широкий круг евразийских представлений. (В. В. И в а н о в. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа об убийстве чудовищного пса и евразийские параллели. В кн. Структура балканского текста. М., 1977, с. 206 и сл.); (там же дальнейшая литература.) Ср. также Р. С. Л и п е ц. «Меч из редкостной бронзы...» (Отголоски эпохи освоения металлов в тюрко-монгольском эпосе). «Советская этнография», 1978, № 2, с. 107—122 (ср. с. 117—122 — о кузнецах).

Из истории славяноведения

И. А. ВОРОНКОВ

КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА — 40 ЛЕТ

В мае 1939 г. Ученый совет исторического факультета МГУ принял решение организовать кафедру истории южных и западных славян, которая была открыта 1 сентября 1939 г. Долгое время такая кафедра была единственной в стране ¹. Она сыграла важную роль в становлении и развитии советского славяноведения. Основателем кафедры и ее первым заведующим был В. И. Пичета (1878—1947 гг.), один из родоначальников школы советского славяноведения ².

В первые годы своего существования кафедра испытывала большие трудности. Специалистов по истории зарубежных славянских народов в нашей стране было мало, почти не было специальных исследований, отсутствовали учебники, программы и учебно-методические пособия. Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война нарушила нормальное течение учебного процесса. Тем не менее интерес к истории зарубежных славян возрастал. Кафедра продолжала работать.

Еще до войны В. И. Пичета привлекал к работе на кафедре крупных ученых, которые в той или иной степени занимались историей зарубежного славянства. Среди них прежде всего следует назвать известного чешского ученого и общественного деятеля З. Р. Неядлы (1878—1962), работавшего на кафедре в 1939—1945 гг., Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Н. П. Грацианского, С. А. Никитина. После смерти В. И. Пичеты С. А. Никитин в течение 14 лет (1947—1961) возглавлял кафедру; он внес значительный вклад в развитие советского славяноведения и в подготовку историков-славистов. С 1961 по 1973 г. кафедрой заведовал И. А. Воронков, а с 1973 г. ею руководит В. Г. Карасев.

¹ В настоящее время существуют еще три кафедры, занимающиеся историей зарубежных славянских стран: кафедра истории южных и западных славян Львовского университета; кафедра социалистических стран, южных и западных славян Киевского университета и кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского университета.

² О В. И. Пичете см. «Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты». М., 1978; «Владимир Иванович Пичета. Библиографический указатель». Минск, 1978 (здесь на с. 74—79 указана литература о В. И. Пичете); В. Г. Карасев, В. Д. Королюк, Г. Э. Саничук. Академик В. И. Пичета (1878—1947). (К 100-летию со дня рождения.) «Советское славяноведение», 1978, № 5; Л. И. Уткина. В. И. Пичета в Московском университете. (К 100-летию со дня рождения.) «Росток Московского университета», 1978, История, № 5.

Штаты преподавателей кафедры в первое десятилетие ее существования были очень скромными. В 1939 г. она располагала тремя штатными единицами (два профессора и один доцент), а в 1946 г. — четырьмя (профессор, два доцента и ст. преподаватель).

Первыми штатными профессорами были В. И. Пичета и З. Р. Неедлы. В. И. Пичета читал общий курс истории славян, спецкурсы по истории государственного и общественного устройства Речи Посполитой, социально-экономической истории Польши XIX в., истории польского восстания 1830—1831 гг. и польской культуры XIX в., истории чешского национального Возрождения, вел спецсеминары, руководил дипломами и аспирантами. Он положил начало чтению курсов историографии и источниковедения истории славян и создал первые варианты программ по этим дисциплинам и по общему курсу. В. И. Пичета не ограничивался только аудиторными занятиями. У себя дома он создал семинар («пичетник»), который сыграл большую роль в подготовке историков-славистов. Большинство московских историков-славистов старшего поколения вышли из этого семинара.

З. Р. Неедлы вел преподавательскую и исследовательскую работу по истории Чехии и Словакии, чешско-русским связям, историографии и источниковедению истории Чехии, читал общий курс истории славян, руководил дипломами и аспирантами³.

В послевоенные годы работа кафедры значительно активизировалась. Успешно шла подготовка историков-славистов. К концу 50-х годов было выпущено свыше 200 специалистов. В 1957 г. издан первый в истории славистики учебник по истории южных и западных славян.

С конца 50-х годов начинается новый период в истории кафедры. Значительно выросла численность преподавателей и студентов, введены новые спецкурсы и спецсеминары, новые учебные дисциплины (архивоведение, экономическая география, историческая география, латинская палеография), заметно активизировалась научно-исследовательская работа и расширилась ее проблематика, расширились и углубились научные связи и контакты с зарубежными учеными. В 1961 г. на кафедре работало 8 штатных преподавателей, в 1968 — 10 (7 доцентов, ассистент и 2 младших научных сотрудника), а в настоящее время — 13 (3 профессора, 5 доцентов, 2 ст. преподавателя, ст. научный сотрудник и 2 мл. научных сотрудника).

Интерес студентов к истории зарубежных славянских народов всегда был велик. В первое послевоенное пятнадцатилетие кафедру ежегодно заканчивало в среднем по 15 человек, а в 60—70 годы число выпускников удвоилось. За 1939—1979 гг. кафедра подготовила через очное, вечернее и заочное обучение 880 специалистов: из них 183 специализировались по истории Болгарии, 248 — по истории Польши, 233 — по истории Чехословакии и 206 — по истории Югославии.

За это же время в очной, заочной и целевой аспирантуре обучался 101 аспирант, из которых 23 специализировались по истории Болгарии, 35 — по истории Польши, 18 — по истории Чехословакии и 25 — по истории Югославии. Свыше 150 выпускников кафедры защитили кандидатские диссертации и 21 — докторские: Ц. Бобинская (ПНР), Ю. В. Бромлей (академик АН СССР), Л. В. Воробьев, И. Б. Греков, Р. П. Гришина, И. С. Достян, В. Г. Карасев, А. Х. Клеванский, В. Д. Королюк, И. И. Лещиловская, И. С. Миллер, Е. П. Наумов, Д. Г. Песчаный, В. Е. Сироткин, Ф. Тых (ПНР), С. М. Фалькович, Ф. И. Фирсов,

³ Б. М. Р у к о л ь. Педагогическая и научная деятельность Зденека Неедлы в Московском университете. «Вестник Московского университета», 1978, История, № 3.

В. И. Фрейдзон, Ш. Штэфанеску (СРР), А. Г. Харчев, И. С. Язборовская, а двум (И. М. Белявской и И. А. Воронкову) было присвоено ученое звание профессора без защиты докторских диссертаций. Непосредственно на кафедре подготовлено 55 кандидатов и два доктора наук. Среди историков-славистов высшей квалификации нашей страны выпускники кафедры составляют большинство.

В числе студентов и аспирантов кафедры 27 человек были иностранцами. Для Польши кафедра подготовила 13 специалистов (Ц. Бобиньская, Ф. Тых, Е. Можи, Е. Дурачинский, Е. Борейша и др.), для Чехословакии — 5 (В. Матула, М. Готвальд и др.), для ГДР — 3, для Болгарии — 2, для Югославии — 2, для Румынии — 1 и для Китая — 1. Большинство иностранцев защитили диссертации и успешно работают в вузах и научно-исследовательских институтах своих стран.

С конца 50-х годов специализация на кафедре охватывает все периоды истории зарубежных славянских стран. Если до конца 50-х годов студенты и аспиранты специализировались прежде всего по истории зарубежных славян XIX — начала XX вв., то в 60—70-х годах большая их часть специализируется по новейшей истории. Значительно расширилась подготовка студентов и аспирантов по истории славян периода феодализма. Из 880 окончивших кафедру студентов 120 специализировались по феодальной истории славян, 369 — по истории славян XIX — начала XX вв. и 392 — по новейшей истории. 20 аспирантов специализировались по истории славянских стран до конца XVIII в., 35 — по истории XIX — начала XX вв. и 46 — по новейшей истории.

За 1963—1978 гг. было прочтено 78 спецкурсов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, из них 20 было посвящено феодальной истории, 28 — истории славян XIX — начала XX в., 30 — новейшей истории⁴.

Тематика спецсеминаров на кафедре также весьма широка и охватывает период истории зарубежных славян с X в. до наших дней.

В итоге многолетней практики сложилась следующая система подготовки кадров историков-славистов. Специализация студентов проводится на основе широкой общеисторической и языковой подготовки. Она начинается на дневном отделении с 3-го курса, а на вечернем и заочном — с 4-го. Студенты, специализирующиеся на кафедре, слушают курс истории южных и западных славян в объеме 200 часов, курсы источниковедения и историографии истории славян по 68 часов каждый, 3 спецкурса, курсы экономической и исторической географии зарубежных славян, архивоведения, изучают 1—2 славянских языка, южнославянскую и латинскую палеографию, работают в просеминарах по истории славян и спецсеминарах, проходят в различных городах нашей страны 2—3 недельную архивно-краеведческую практику и 3—4 недельную производственно-ознакомительную практику в зарубежных славянских странах, а также педагогическую практику в школе. Завершается специализация подготовкой и защитой дипломной работы.

Выпускники кафедры трудятся в научно-исследовательских институтах нашей страны и зарубежных государств, в вузах, университетах, средних школах и техникумах, музеях, на партийной, комсомольской и дипломатической работе, в министерствах, ТАСС, АПН, Радиокomitee, в редакциях журналов и т. д. Подготовка кафедрой большого числа историков-славистов, многие из которых стали известными учеными и общественными деятелями нашей страны и ряда зарубежных государств,

⁴ См. И. А. Воронков. Изучение истории зарубежных славян в Московском университете. «Советское славяноведение», 1970, № 5, с. 61—62.

представляет собой ее важный вклад в развитие науки, просвещения и культуры.

Коллектив кафедры ведет большую научную работу. Им подготовлена вся важнейшая учебная и учебно-методическая литература по курсу истории славян, опубликованы монографии, сотни статей и других материалов по различным вопросам и периодам истории зарубежного славянства.

В 1939—1941 гг. внимание кафедры было сосредоточено на исследовании древней истории южных и западных славян. Вторая мировая война, фашистская оккупация славянских стран и освободительная борьба славянских народов привлекли внимание историков-славистов к исследованию проблем их борьбы против немецкой агрессии, к выяснению их исторических связей с Россией. По этим проблемам были опубликованы тематические сборники, статьи и очерки⁵.

Сразу же после войны В. И. Пичета нацеливал преподавателей, аспирантов и студентов кафедры на изучение национально-освободительного движения славянских народов, русско-славянских революционных связей и отношений, истории крестьянства и аграрных отношений, развития капитализма и формирования рабочего класса, истории рабочего и социалистического движения. Эти проблемы определили основную проблематику научной и педагогической работы кафедры второй половины 40—50-х годов⁶.

Итогом педагогической и исследовательской работы кафедры за первый период ее деятельности явился упомянутый выше учебник по истории славян, а также главы по истории славянских народов в учебниках и учебных пособиях по истории средних веков, новой и новейшей истории и в обобщающих трудах по истории Болгарии, Чехословакии и Югославии. В создании их участвовал почти весь тогдашний состав кафедры (И. М. Белявская, В. Г. Карасев, С. А. Никитин, Б. М. Руколь, И. Н. Частухин).

60—70-е годы характеризуются заметным подъемом научно-исследовательской работы и расширением ее проблематики. Только за 1963—1978 гг. членами кафедры было опубликовано 269 работ объемом в 476 печатных листов. В 50-е и 60-е годы вышло по одной монографии⁷ членов кафедры, в 70-е — четыре⁸. Два члена кафедры в 70-е годы защитили докторские диссертации (В. Г. Карасев, Л. П. Лаптева) и четверем было присвоено ученое звание профессора (И. М. Белявской, И. А. Воронкову, В. Г. Карасеву, Л. П. Лаптевой).

Важнейшая задача кафедры в 60—70-е годы состояла в подготовке нового учебника по истории зарубежных славян. Книга была издана в 1969 г. В ее написании приняли участие И. М. Белявская, И. А. Воронков, В. Г. Карасев, Л. П. Лаптева и другие члены кафедры. В настоящее время выходит из печати «Курс лекций по истории южных и западных славян», охватывающий период с древнейших времен до наших дней. Авторами книги являются: И. М. Белявская, Л. Б. Валев,

⁵ См. И. М. Белявская, И. А. Воронков. Советское славяноведение в Московском университете. «Вестник Московского университета», 1968, История, № 1, с. 5.

⁶ Там же, с. 6—7.

⁷ И. М. Белявская. А. Н. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954; С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.

⁸ Л. В. Горина. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972; В. Г. Карасев. Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974; Е. С. Макова. Загреб в XVI веке. Из истории социально-экономических отношений в феодальном городе. М., 1976; Л. П. Лаптева. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978.

В. И. Владимирская, И. А. Воронков, Л. В. Горина, В. Г. Карасев, А. Х. Клеванский, И. И. Костюшко, Л. П. Лаптева, И. И. Лециловская, А. Е. Москаленко, Б. М. Руколь, И. В. Созин. В это же время кафедрой были подготовлены новые программы и методические указания по курсу истории зарубежных славян и программы по курсу историографии истории славян; заканчивается подготовка программы по источниковедению истории южных и западных славян.

Вторым основным направлением научной работы кафедры была разработка проблем зарубежной славянской историографии, русского и советского славноведения. Эти проблемы у нас до 60-х годов практически не исследовались. Итогом работы кафедры явились: сборник статей «Славянская историография» (1966), главы о развитии исторической науки в зарубежных славянских странах в учебных пособиях по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки, монография Л. П. Лаптевой и другие работы⁹. В исследовании проблем историографии и славноведения участвовали И. М. Белявская, И. А. Воронков, Л. В. Горина, В. Г. Карасев, Л. П. Лаптева, А. Е. Москаленко, Б. М. Руколь, Х. Х. Хайретдинов.

Преподаватели кафедры и аспиранты исследуют также ряд других проблем истории зарубежных славян: социально-экономическое развитие славянских стран в период феодализма (И. А. Воронков, Л. В. Горина, Л. П. Лаптева, Е. С. Макова, А. Е. Москаленко, И. В. Созин), национально-освободительное и революционное движение славянских народов и русско-славянские связи и отношения (Б. Н. Билунов, В. И. Владимирская, И. А. Воронков, В. Г. Карасев), межвоенная история славянских государств (Г. Ф. Матвеев, В. А. Тесемников).

Почти все преподаватели кафедры печатают работы в изданиях зарубежных социалистических стран.

Активное участие члены кафедры и аспиранты принимают в научных конференциях и симпозиумах. За 1963—1978 гг. они участвовали в 88 конференциях, из них в 33 международных. На этих конференциях ими было представлено 163 доклада и сообщения, в том числе 24 доклада и сообщения на международных форумах. С 1962 г. кафедра является координационным центром Минвуза СССР в области истории зарубежных славян (председатель — Воронков И. А.). Коллектив кафедры проделал большую работу по подготовке и проведению восьми межвузовских и всесоюзных научных конференций историков-славистов, проходивших в Московском (1962), Киевском (1963), Воронежском (1966), Белорусском (1968), Харьковском (1970), Львовском (1973), Черновицком (1975) и Донецком (1978) университетах. В работе этих конференций принимали участие и зарубежные ученые.

При кафедре в течение многих лет работает научное студенческое общество (НСО). НСО готовит и проводит научные конференции. Вот темы некоторых из них: «Общественно-политические и культурные связи СССР с народами зарубежных славянских стран», «Славяне-интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России», «Национально-освободительная борьба зарубежных славян в 1941—1945 годах в освещении историографии», «Развитие культуры славянских стран на современном этапе», «Славянские страны и В. И. Ленин», «Молодежное движение в славянских странах» и др. Студенты кафедры приняли также участие в факультетских и общеуниверситетских конференциях, посвященных 30-летию победы над фашизмом, 100-летию Апрельского восстания 1876 г. в

⁹ См. И. М. Белявская, И. А. Воронков. Там же, с. 8; «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М., 1977, ч. II, разд. 2, гл. 2.

Болгарии, 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции и других. На конференциях студенты выступали с докладами и сообщениями. Выступали они с сообщениями и на заседаниях кафедры¹⁰. Участие студентов в работе НСО содействует углублению их специализации, развитию навыков исследовательской работы, укреплению их связей с кафедрой.

Кафедра поддерживает тесные деловые связи с историками-славистами Воронежского, Киевского, Харьковского, Львовского, Ленинградского, Белорусского, Саратовского, Черновицкого, Ужгородского и других университетов и ряда пединституты страны. Многообразны и плодотворны связи кафедры с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР: проведение совместных научных конференций, написание учебников, взаимное рецензирование научных работ, приглашение сотрудников Института на кафедру для чтения студентам спецкурсов, руководства аспирантами и дипломиками и т.д. Педагогическую работу на кафедре в разное время вели М. А. Бирман, Л. Б. Валев, А. И. Виноградова, В. К. Волков, Л. Я. Гибианский, Р. П. Гришина, И. С. Достян, В. В. Зеленин, А. Х. Клеванский, В. Д. Конобеев, И. И. Костюшко, М. Н. Кузьмин, И. И. Лещиловская, А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, М. В. Миско, Г. Э. Санчук, Б. Н. Флоря, В. И. Фрейдзон, И. В. Чуркина и некоторые другие сотрудники Института славяноведения и балканистики. Постоянные контакты кафедра имеет с Институтом международного рабочего движения, Институтом информации по общественным наукам и Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР.

Тридцать лет кафедра истории славян успешно сотрудничает с кафедрой славянских языков и литератур филологического факультета МГУ. Слависты-филологи свыше двадцати лет преподавали студентам славянские языки и историю славянских литератур, а слависты-историки читают студентам филфака историю зарубежных славян. В последнее десятилетие славянские языки студентам истфака преподают сотрудники межфакультетской кафедры славянских языков. Курс экономической географии славянских стран студентам кафедры читают преподаватели соответствующей кафедры географического факультета МГУ.

Коллектив кафедры тесно сотрудничает по учебным, научным и другим вопросам с кафедрами новой и новейшей истории, истории средних веков и отечественной истории исторического факультета МГУ.

С конца 50-х годов установились постоянные связи и контакты между кафедрой и зарубежными учеными из европейских социалистических стран. Только за 1963—1978 гг. сотрудники кафедры 75 раз выезжали за рубеж. Цели командировок были различными: сбор материалов в архивах и библиотеках по темам научных работ, участие в научных конференциях, поездки с группами студентов на производственно-ознакомительную практику, совершенствование знаний в летних школах славянских языков. Преподаватели консультировались также с зарубежными учеными по научным вопросам, выступали в вузах и институтах с докладами и сообщениями о результатах своих исследований, о развитии славяноведения в нашей стране и т. д.

С 1960 г. кафедра стала регулярно направлять лучших студентов 5-го курса и аспирантов в зарубежные университеты сроком на 6—10 месяцев с целью их обучения и подготовки дипломных работ и диссертаций. К настоящему времени стажировку при Варшавском, Пражском, Софийском, Белградском и других университетах прошли 18 аспирантов и 35 студентов кафедры. Свыше 50 студентов обучались в зарубежных странах на

¹⁰ См. И. А. Воронков. Там же, с. 63.

летних курсах славянских языков. С 1966 г. осуществляется регулярный обмен студенческими группами с ведущими университетами славянских стран. 22 группы студентов (свыше 200 человек) прошли производственно-ознакомительную практику в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии. В свою очередь кафедра приняла у себя 22 группы болгарских, польских, чехословацких и югославских студентов.

С 1958 г. на кафедре работали 129 зарубежных ученых, из них 20 — из Болгарии, 42 — из Польши, 23 — из Чехословакии, 35 — из Югославии; 2 — из Венгрии, 2 — из ГДР, 4 — из США. Зарубежные ученые приезжали с научными целями, а также для чтения студентам спецкурсов. Они выступали с лекциями, докладами, сообщениями, беседами и консультациями.

Приглашение крупных зарубежных ученых для чтения спецкурсов является весьма полезной и перспективной формой сотрудничества. С 1964 г. они прочли студентам 12 спецкурсов на темы: «Польское национально-освободительное движение конца XVIII — первой половины XIX в.» (С. Кеневич), «Южнославянско-русские культурные связи с древнейших времен до начала XVIII в.» (Дж. Родойчич), «Планы гитлеровской Германии в отношении славянских народов» (Ч. Аморт), «Экономическое развитие Польши и соседних стран в период общественно-экономического кризиса на Западе в XIV — XV вв.» (М. Маловист), «Проблемы социально-экономического развития хорватских земель в конце XVIII—XIX вв.» (Я. Шидак), «Коммунистическое и революционное рабочее движение в Болгарии между двумя мировыми войнами» (Д. Косев), «Формирование болгарского народа и образование Первого Болгарского царства» (Д. Ангелов), «Оккупация Югославии фашистами и начало освободительной борьбы югославских народов» (Ф. Чулинович), «Народно-освободительная борьба и революция в Югославии (1941—1945 гг.)» (Д. Живкович), «История польской культуры в X—XVI вв.» (А. Гейштор), «Образование буржуазной Чехословацкой республики и возникновение КПЧ» (М. Госиоровский), «Эволюция идеологии и общественно-политических программ польского национального и революционного движения в XIX в.» (Е. Скворнек).

Члены кафедры ведут переписку с зарубежными учеными, обмениваются научной литературой, опытом и т. д. Научные связи с историками-славистами нашей страны и с зарубежными коллегами, взаимные консультации способствуют расширению и углублению научной и педагогической работы, укреплению интернационалистических уз. Историкислависты активно участвуют в общественной работе. Почти все они постоянно выступают на факультете, в университете и вне его с лекциями и беседами о строительстве социализма в зарубежных славянских странах и по другим актуальным вопросам.

Таким образом, успехи кафедры в учебно-воспитательной и научной работе, в подготовке кадров историков-славистов, в укреплении связей с историками нашей страны и зарубежных государств неоспоримы. Но ее путь был нелегким. На этом пути были и успехи и неудачи, были и невосполнимые потери. За 40 лет мы потеряли таких крупных ученых и педагогов, как В. И. Пичета, Э. Р. Неядлы и И. М. Белявская. Нет среди нас И. Н. Частухина и преподавателей чешского, болгарского и сербохорватского языков — Э. П. Грозной, А. А. Никольской и И. И. Толстого.

Отмечая свое 40-летие, коллектив кафедры сознает необходимость дальнейшего совершенствования учебного процесса, повышения качества учебно-воспитательной и научной работы и подготовки высококвалифицированных кадров.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ. Об искусстве. Литература, искусство, классовая борьба. Из литературного наследия. Составление, вступительная статья и комментарии А. П. Ермилова. М., 1976, 367 с.

Настоящий сборник еще раз подтверждает важность, полезность и необходимость обращения в наше время вновь к изучению наследия известных деятелей международного коммунистического движения, к числу которых принадлежит Юлиан Мархлевский. Данное издание, включающее в свой состав эстетические и литературно-критические произведения, демонстрирует значительный вклад выдающегося польского марксиста в развитие марксистской эстетической мысли.

Включенные в состав сборника статьи разнообразны. Одни из них написаны в конце XIX в., другие — в начале XX в., третьи — после Великой Октябрьской социалистической революции. Различен и адресат статей Ю. Мархлевского: они обращены к рабочим Германии, к демократической общественности Польши, к трудящимся Советской России. Но все статьи объединяет глубокая, непоколебимая вера в силу и революционность рабочего класса и в способность искусства содействовать рабочему классу в осуществлении им его великой исторической миссии. Интерес замечательного революционера к проблемам эстетики, искусства, литературы и вообще культуры отнюдь не был случайным, он продиктован широким пониманием задач и средств классовой борьбы пролетариата, горячим стремлением связать воедино передовую культуру и социалистическую революцию. В силу этого и в наши дни многие положения, выдвинутые в статьях Ю. Мархлевского, звучат чрезвычайно актуально.

К числу таких проблем прежде всего относится проблема отношения общества к искусству. Ю. Мархлевский определил это отношение как диалектически сложное и далеко не однозначное, зависящее от уровня развития общества. В обществе, разделенном на антагонистические классы, взгляды людей определяются в конечном счете их классовыми позициями.

Ю. Мархлевский констатирует тот факт, что вследствие социальных причин искусство в буржуазном обществе стало

еще в большей степени роскошью, чем прежде (с. 160). Это явление отражает углубление противоречия между жизнью и искусством, что пагубно воздействует на искусство, так как «роскошь — наиболее опасный враг красоты» (с. 217). Роскошь заставляет искусство «служить деньгам», а это значит служить либо пресыщенному зрителю, утратившему всякие идеалы в погоне за житейскими благами и признающему в искусстве только то, что «вечно ново, вечно переменчиво» (с. 186), либо людям, приобретающим произведения искусства в угоду моде, ради удовлетворения инстинкта собственности и тщеславия.

С роскошью связана и теория элитарности искусства. Суть ее Мархлевский видел в том, что, признавая «исключительное право на величайшее сокровище» (с. 178) только за избранными, она внедряет буржуазные взгляды на собственность в духовную сферу, в сферу интеллекта. В целом основная тенденция капитализма в отношении искусства характеризуется стремлением наложить на него материальные оковы, сузить воспринимаящую его среду, увести его в область формалистических изысканий, лишить его живительного источника — всесторонней связи с жизнью. Вот почему Ю. Мархлевский писал, что «капитализм убивает красоту, это его смертный грех против святого духа человечества» (с. 214).

Ю. Мархлевский утверждает, что «искусство — не роскошь, а хлеб насущный для души, не украшение жизни, а сама жизнь» (с. 178), что оно является потребностью каждого человека, священной необходимостью для него. На многочисленных примерах он доказывает, что народные массы жаждут общения с искусством, поэтому он осуждает «равнодушие властителей красоты к потребности в культуре» среди масс (с. 152). Искусство выросло «на ниве, удобренной работой многих поколений, всего общества» (с. 151). В связи с этим интеллигенция имеет обязанность перед народом — она должна нести красоту в массы, воспитывать в них чувство прекрасного, вести их к более высокой форме осознания

жизни. Положение искусства в буржуазном обществе и его обязанности вообще перед человеком свидетельствуют о том, что интересы искусства и рабочего класса лежат в одной плоскости — в борьбе за демократизацию общества. Ю. Мархлевский указывал, что для деятелей искусства и культуры «надлежащее место — в авангарде борцов за подлинную свободу и демократию» (с. 189).

Большую роль в процессе сближения искусства с массами Мархлевский признавал за художниками слова — писателями и поэтами. Он призывал их, ссылаясь на авторитеты мировой литературы, ориентироваться на социально активные элементы в обществе, которые гарантируют дальнейшее развитие человека, его личности, поддерживать самую тесную связь с народом, чтобы разбудить его душу, сделать ее восприимчивой к добру и красоте, к страданиям других народов. Им высказывались мысли о том, что литературное творчество должно быть оплодотворено сознанием великих социальных проблем (и это ни в коей мере не исключает художественно-стилистических поисков, богатства и сочности языка), что оно должно развивать традиции гуманистической культуры.

Однако Ю. Мархлевский подчеркивал, что только социализм создаст настоящие условия для развития двуединого культурно-революционного процесса — сближения искусства с народом и народа с искусством.

Ю. Мархлевский горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и отдал борьбе за сохранение и упрочение ее завоеваний последние годы своей жизни. Создание новой культуры мыслилось Мархлевским на основе широкой преемственности традиций прогрессивного искусства и литературы. Он утверждал, что такое искусство в противоположность буржуазной идеологии, которая «никогда не может стать идеологией класса, которому принадлежит будущее» (с. 239), способно существенно помочь пролетариату в деле построения нового общества. Это возможно благодаря как его эстетическому воздействию, так и познавательным функциям прежде всего в области истории. Он убеждал молодых коммунистов в том, что «каждое произведение искусства является для нас звеном в той великой цепи, которая соединяет историю человечества в одно целое» (с. 255), что памятники древности необходимы новому обществу, чтобы изучать прошлое, не преклоняясь перед ним, и, изучая его, «получить твердую опору для своих суждений о будущем» (с. 254).

Взгляды Ю. Мархлевского на эстетическое воспитание трудящихся основаны на том, что человеку от природы свойственно чувство прекрасного, но в капиталистическом обществе нужда и эксплуа-

тация перекрыли рабочему человеку пути к искусству и культуре.

Статьи Ю. Мархлевского, в которых популяризировались лучшие произведения мирового искусства, являются собой замечательные образцы осуществляемой на практике идеи эстетического воспитания трудящихся как существенного составного элемента революционной деятельности рабочей партии.

Задачи эстетического воспитания Ю. Мархлевский видел не только в эмоциональном воспитании и в развитии способности понимать прекрасное в искусстве, но и в том, чтобы выработать определенное отношение к окружающей действительности.

В эстетическом воспитании Мархлевский отводил большую роль искусству, потому что видел сущность искусства в правде жизни, в его тесной и глубокой связи с природой и обществом. Мысли об этом им доказывались на примерах творчества отдельных художников и художественных школ. Он утверждал, что только реальность мира может быть одновременно вдохновляющим фактором и объектом для искусства, что только следование правде жизни, отнюдь не исключая права на фантазию и воображение, делает произведение шедевром, заставляющим на протяжении веков восхищаться им.

Наряду с этими мыслями в статьях содержатся и другие важные замечания, касающиеся многих проблем марксистской эстетической теории. Так, знакомя читателя с произведениями Дрезденской галереи, Мархлевский дает представление о том, что искусству свойственно историческое развитие по пути прогресса, что это развитие идет через подъемы и упадки, что и для него характерна борьба нового за свое признание.

Важно отметить, что Мархлевский, как никто другой из среды левой международной социал-демократии, уделил большое внимание прикладному искусству, включая его в понятие искусства наряду с живописью, скульптурой, архитектурой. Им дана высокая оценка этому искусству прежде всего за то, что оно, непосредственно связанное с жизнью, способно украшать окружающую среду человека, умножать красоту в ней. Эти его качества позволяют добиться того, чтобы «искусство перестало быть роскошью, чтобы оно стало всеобщим достоянием, ... действительным фактором... повседневной жизни, вторглось во все области частной и общественной жизни» и превратилось в «важнейший моральный фактор», который совершенствует, облагораживает, возвышает человека (с. 133).

Ю. Мархлевский, хорошо ориентируясь в истории прикладного искусства, верно уловил и приветствовал новые тенденции в нем, связанные с машинным производством, с переходом его на

индустриальную основу. В этом он усматривал блестящие перспективы для прикладного искусства не только в художественном плане, но и в плане его демократизации, проникновения в самые широкие слои общества. Однако это накладывало большую ответственность на прикладное искусство в развитии эстетического вкуса людей, и потому Ю. Мархлевский настойчиво указывал на эстетические особенности этого вида искусства.

Он подчеркивал, что эти особенности требуют от художника отказа от подражания образцам прежних стилей, как уже не отвечающим новым социальным условиям общества, поиска новых простых и ясных форм, связи художественного решения вещи с ее назначением, с природными достоинствами материала и технологией производства. Это означало, что красота предмета может быть достигнута только при органическом единстве целесообразного с эстетическим, исключаяющим украшательство, вычурность и помпезность.

Ю. Мархлевский мыслил границы прикладного искусства очень широко: от художественного творчества до технического. В этом явлении он видел практическую значимость не только для жизни человека, но и для теории искусства, для разработки понятий об искусстве.

В области архитектуры Мархлевский отмечал красоту конструкций из железа и стекла, утверждал за ними право на новый, самостоятельный стиль и считал, что взаимодействие искусства и промышленности сулит прекрасное будущее архитектуры.

Для него были неприемлемы ее буржуазно-идеалистические трактовки. Ю. Мархлевский много размышлял о категории прекрасного. Он раскрыл свое понимание этой категории не только на обширном материале различных видов профессионального искусства, но и на материалах народного творчества. В «Очерках о Татрах» содержится блестящий анализ

гуральской культуры. Здесь, в частности, затронут вопрос о влиянии буржуазной культуры на этот некогда совершенно изолированный уголок земли, а также вопрос о связи свободного времени с развитием эстетических чувств и народного искусства.

Ю. Мархлевский не обошел и вопрос о чувстве прекрасного, которое способно вызывать природа. В этом плане интересны его замечания, сделанные также в «Очерках о Татрах», о таком виде спорта, как туризм.

Невозможно представить все богатство мысли, содержащееся в рассматриваемых работах Ю. Мархлевского. Нами не упомянуты многие ярко очерченные проблемы, такие как милитаризм и культура, развитие национальной культуры в условиях национального гнета, взаимовлияния культур Запада и Востока, просвещение и физический труд при социализме и т. д. и т. п.

В целом данный сборник не только знакомит нас с широким кругом вопросов культуры, которые привлекали внимание Ю. Мархлевского, но и свидетельствует, что его художественно-эстетические взгляды представляли собой стройную систему, выработанную в значительной степени самостоятельно на основе марксистской методологии. Значение этой книги велико. Размышления над ней, несомненно, будут способствовать дальнейшему развитию исследований в области марксистской эстетики. Вместе с тем она прекрасно дополняет наши представления о выдающемся польском революционере и мыслителе, раскрывает по-новому широкий диапазон его интеллектуальных интересов. Во всем этом немалая заслуга принадлежит составителю сборника — канд. философ. наук А. П. Ермилову, проделавшему большие исследования и весьма удачно отобравшему и тщательно прокомментировавшему труды Ю. Мархлевского.

М. Н. Черныш

КНИГА ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ИСТОРИКА О БОЛГАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В 50—70-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Столетняя годовщина освобождения югославянских народов от турецкого ига привлекла к себе значительное внимание в разных странах. Откликнулся на нее и чехословацкий историк Ч. Аморт, известный своими исследованиями о связях между славянскими народами, особенно народами Чехословакии и СССР

(России). Много внимания уделит он освещению вопроса об агрессии фашистской Германии против славянских народов. Болгарское национально-освободительное движение историк осветил в ряде своих работ — он писал о В. Левском, Д. Благоеве, национально-освободительном движении в Болгарии, чешско-бол-

гарских связях в разное время, о Георгии Димитрове и т. д.¹ В 1978 г. вышла его книга «За свободу болгарского народа»². Она представляет собой очерк национально-освободительного движения в Болгарии от Крымской войны до освобождения страны русской армией благодаря победе над турецкими войсками в 1877—1878 гг., до образования Болгарского княжества. Из обширного материала по этой проблематике автор рассматривает ряд крупных вопросов, выделяя их в специальные разделы. В первых двух из них Ч. Аморт останавливается на анти-турецких выступлениях в Болгарии 1856—1857 гг. и движении за автономию болгарской церкви, за болгарскую национальную школу. Здесь же говорится о сотрудничестве болгарских борцов за национальную школу с представителями чешской интеллигенции — П. Й. Шафариком, И. Ф. Шумавским, В. Ганкой, помогавшими издавать в Праге литературу против фанариотов. Некоторое внимание в разделах уделяется экономическому развитию Болгарии после Крымской войны, в частности, проникновению иностранного капитала в Турцию и последствиям этого явления для болгарского населения. Показано, что и Австрия участвовала в экономическом развитии Турции: венская фирма Морица Гирша строила железную дорогу на болгарской территории. Особое внимание обращено на то, что служащие этой фирмы, чешские инженеры (в их числе Иржи Прошек) впоследствии сыграли важную роль в освободительной борьбе болгарского народа.

Большое место отводится в книге характеристике деятельности Г. С. Раковского, которого автор считает первым идеологом и организатором революционного движения болгарского народа в общенациональном масштабе. Автор выступает против бытующей в литературе оценки Г. С. Раковского как романтика, мечтавшего о восстании всего народа, но не учитывавшего и не стремившегося учесть реальное соотношение сил, шансы повстанцев на успех, не имевшего отчетливого представления о целях и средствах

борьбы³. По мнению Ч. Аморта, Г. С. Раковский имел ясную цель и план борьбы, стремился к созданию прочного союза балканских народов («балканской федерации»), что дало бы возможность защитить их независимость как в борьбе против Турции, так и против вмешательства европейских государств⁴.

Остановившись на борьбе в Болгарии 1866—1869 гг., автор далее рассказывает о деятельности Василия Левского, с именем которого связывает создание новой тактики борьбы и возникновение революционной организации, готовившей всенародное восстание в Болгарии. Васил Левский характеризуется как революционный демократ, борец за свободу, равноправие и равенство всех народов, считавший лучшей формой государства республику, полагавший, что болгары должны сами подготовить восстание, а не рассчитывать на помощь извне. Автор книги обращает внимание читателя на то, что одним из сотрудников Левского в революционной деятельности был чешский инженер Иржи Прошек.

Подробно излагается в книге национально-освободительная борьба в 1873—1875 гг. и позднее — особенно Апрельское восстание 1876 г. С горячим сочувствием к болгарскому народу рисует автор драматические события этого периода. В соответствии с принятой в марксистской историографии концепцией, Ч. Аморт оценивает Апрельское восстание как мощный всплеск буржуазно-демократической революции (движущей силой которой были крестьяне и ремесленники, а вождем — народная интеллигенция), как вершину национально-освободительного движения в Болгарии⁵.

В разделе, характеризующем события и дипломатические переговоры накануне русско-турецкой войны, автор подробно останавливается на русском проекте предоставления автономии Болгарии, предложенном на международной конференции в Константинополе в декабре 1876 г. русским послом в Турции Н. П. Игнатьевым. Далее освещается ход русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. Фактический материал, касающийся русско-турецкой войны и всего национального движения, хорошо известен в литературе, предлагаемые ав-

¹ См., например: Č. A m o r t. Národně osvobozené hnutí v Bulharsku. Praha, 1949; его же. Vasil Levski, revoluční bojovník za svobodu balkánských národů. «Slovanský Přehled», 1951; его же. Velký syn bulharského lidu Dimitr Blagoev. «Slovanský Přehled», 1956; его же. Průkopníci dělnického hnutí v Bulharsku. «Slovanský Přehled», 1959; его же. Jiří Dimitrov. Praha, 1972.

² С. A m o r t. Za svobodu bulharského lidu. Ke stému výročí osvobození Bulharska ruskou armadou. Praha, 1978.

³ Ч. Аморт ссылается на кн. F. H ý b l. Dějiny národa bulharského, sv. 2. Praha, 1930, s. 46.

⁴ Автор рецензируемой книги опирается на изданные документы архива Г. С. Раковского, а также на работу: С. К а р а к о с т о в. Диарбекиреки заточени. София, 1946.

⁵ Ч. Аморт ссылается, в частности, на работу: Д. К о с е в. Положението на българския народ преди Априлското въстание. «Исторически преглед», год IV. София, 1947—1948, № 2.

тором оценки и выводы давно признаны марксистской историографией. Однако Ч. Аморту удалось сказать много нового по, казалось бы, хорошо изученному вопросу. Это новое заключено в исследовании международных откликов, особенно чешской и словацкой общественности, на национальное движение в Болгарии. Для выяснения реакции чехов и словаков на балканские события Ч. Аморт исследовал архивные материалы, хранящиеся в Болгарии (например, фонды Центрального государственного исторического архива в Софии, Архива Чехословацкого дома в Софии и др.), Чехословакии (Государственного архива в Тржебони, Центрального государственного архива), СССР (Архива внешней политики России). Большинство документов впервые введено в научный оборот. Весьма кропотливую работу проделал автор по исследованию прессы: изучил чешские газеты «Народни листы», «Покрок», «Политик», «Посел з Праги», «Пльзеньске новины» и ряд других, а также словацкие: «Народние новины», «Народни гласник» и др. В результате Ч. Аморту удалось показать очень живую реакцию общественности (главным образом, чешской) на болгарское движение. Как видно из книги, особенно большой отклик вызвало в Чехии Апрельское восстание: регулярные сообщения о нем давала газета «Народни листы». Ч. Аморт считает, что автором этой достаточно достоверной информации был Иржи Пршек, очевидец событий. В газете «Политик», издававшейся на немецком языке, тоже печатались статьи о положении в Болгарии, их автором был Константин Иречек, что Ч. Аморту удалось установить по дневникам будущего чешского ученого-болгариста. В защиту болгарских повстанцев выступали в печати критиковавший австрийскую «позицию молчания» Ян Неруда, а также А. Ирасек, И. Томайер, Э. Красногорска. Еженедельный журнал «Светозор» помещал много статей о Болгарии. Горячие симпатии к болгарским повстанцам выражали представители словацкой общественности, главный печатный орган словаков «Народние новины».

Далее Ч. Аморт констатирует, что в период русско-турецкой войны чешские политические круги проявляли повышенные симпатии к России. Старочешская партия послала приветствия Славянскому комитету в Москве, его председателю И. С. Аксакову. Интересен с этой точки зрения так называемый «Манифест чешского народа», подписанный Ф. Л. Ригером и посланный Славянскому комитету в Москве. В нем говорилось об общеславянских интересах, о кирилло-мефодиев-

ской традиции, выражались радостные чувства по поводу того, что русские воюют за освобождение сербов и болгар. Пражская печать постоянно публиковала сведения о ходе военных действий, командировала в ставку русской армии корреспондента С. Геллера, который информировал чешскую прессу, описывая энтузиазм болгар при вступлении русских войск в страну, героизм русских солдат и болгарского ополчения в борьбе против турецкой армии. Успехи русских войск усиливали прорусские настроения в Чехии, особенно сильные они были после взятия Плевны. 11 ноября 1877 г. в Праге собралась многотысячная демонстрация во славу русского оружия. Войска и полиция разогнали манифестантов, но чехи отмечали победу русских войск и в провинции — в Чешском Броде, Млада-Болеславе, Бироуне и т. д. Демонстративным вниманием к русским успехам при освобождении Болгарии чешский народ выражал несогласие с античешской и антиславянской политикой кругов монархии Габсбургов, формально придерживавшейся нейтралитета в войне, но за кулисами готовившей план захвата южнославянских территорий.

В Словакии симпатии к русским победам и освободительной борьбе болгар квалифицировались администрацией как панславизм, приравнивались к антигосударственным преступлениям и жестоко наказывались. Но и здесь находились мужественные люди, выступавшие в печати в поддержку болгарского народа, считавшие основательными его стремления к созданию самостоятельного государства.

Исследовав вопрос об отношении чехов и словаков к национально-освободительной борьбе болгарского народа в XIX в., Ч. Аморт открыл новую страницу в истории чехословацко-болгарских связей и расширил наши представления о международном значении балканских событий 50—70-х годов XIX в. и об объективно-прогрессивной роли России в этих событиях. Написанная на основании архивных и опубликованных источников, а также большой специальной литературы на многих языках книга Ч. Аморта излагает события в популярной форме и делает материал доступным широкому читателю. В ней приводятся яркие характеристики болгарских революционеров, выражается сочувствие к страданиям и борьбе болгарского народа. Книги подобного рода имеют большое значение в развитии дружбы и сотрудничества между народами социалистического содружества.

Л. П. Лантеева

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ В XVII—XX ВЕКАХ

В 1977 г. в Варшаве в Государственном научном издательстве под грифом Белостокского научного общества вышла монография «Из истории старообрядцев на польских землях XVII—XX вв.»¹. Монография написана польским исследователем, преподавателем Подзинского университета доктором Эугениушем Иванцем, занимающимся преимущественно историей старообрядчества². Работа явилась итогом почти пятнадцатилетних изысканий автора, защитившего в 1970 г. докторскую диссертацию «Элементы восточнославянской материальной культуры у старообрядцев, проживающих на польских землях»³.

Монография состоит из вступления, семи глав, библиографии, резюме на русском и английском языках и именного указателя. В текст помещено более тридцати фотоснимков, многие из которых, учитывая культурную специфику старообрядчества, можно назвать уникальными.

Во вступлении автор вводит читателя в проблематику данной работы, дает беглый очерк историографии вопроса и указывает отдельные источники (с. 8—9), говорит о многолетних личных наблюдениях над жизнью современных старообрядцев в Польше (с. 19).

Глава I «Раскол в русской православной церкви и развитие старообрядческого движения» (с. 22—34) целиком посвящена истории возникновения движения старообрядчества. Глава эта представляет несомненный интерес для польских читателей, которые до сих пор не имели в своем распоряжении работ о зарождении старообрядчества, «польские» последователи которого им хорошо известны по многочисленным заметкам, репортажам, фотографиям, публикуемым, в основном, в периодической печати.

Глава II «Формирование главных старообрядческих групп и основы их веры» (с. 35—48) является одним из немногих

в современной литературе общих очерков, рассматривающих основы вероучения главных согласий и толков старообрядчества. Особенно подробно автор пишет о поморцах, федосеевцах, филиповцах, черныбыльцах, дяконовцах, особо останавливается на вопросе о единоверии.

Глава III «Расселение старообрядцев на территории давней Речи Посполитой» (с. 50—75) служит собственно обширным историческим введением в одну из главных проблем монографии — историю старообрядчества на современной территории Польши. При написании главы автором собран и обобщен большой литературный и архивный материал, позволивший ему наглядно показать картину расселения старообрядцев в границах давней Речи Посполитой⁴.

Одна из основных глав — IV «Старообрядцы Белостокского воеводства» (с. 78—106) посвящена истории старообрядчества на современной территории воеводства (в границах до 1975 г.), от появления первых старообрядцев (XVIII в.) и до наших дней. Данную главу, так же как и все последующие, трудно назвать чисто исторической, так как автор вводит здесь материал (как правило, результаты своих собственных наблюдений над жизнью старообрядческих общин), относящийся к нескольким гуманитарным дисциплинам, прежде всего, к этнографии, истории религии, языкознанию. Большой интерес представляют сведения о жизни современных старообрядцев, число которых на территории воеводства достигает нескольких сот человек. Автором отмечается повсеместное изменение отношения старообрядцев к традиционным формам религиозной жизни, незнание молодежью церковнославянского языка и, в целом, угасание интереса к вопросам обрядности и веры.

Глава V «Старообрядцы на Мазурах в Ольштынском воеводстве» (с. 107—147) построена аналогично предыдущей. Автор подробно пишет об истории старообрядческой колонии на Мазурах (появилась в 20—30-х годах XIX в.), специально останавливается на деятельности знаменитого в истории старообрядчества Павла Прусского (перешедшего позднее в единоверие). Особое место уделяется истории Войновского мужского монастыря (существует до наших дней в качестве женского монастыря) и основанной Павлом Прусским старообрядче-

¹ E. Iwaniec. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII—XX w. «Prace Białostockiego Towarzystwa naukowego». 1977, № 23. Warszawa, 295 s.

² Отдельные его работы по истории старообрядчества приведены в списке литературы, приложенном к монографии на с. 256.

³ E. Iwaniec. Elementy wschodniosłowiańskiej kultury materialnej u staroobrzędowców na ziemiach polskich. Rozprawa doktorska opracowana pod kierunkiem prof. d-ra B. Baranowskiego. Łódź, 1970.

⁴ По подсчетам автора монографии в границах Польши до ее первого раздела (1772 г.) проживало около 100 000 старообрядцев.

ской типографии в Пишу. Делается обзор изданий этой малоизвестной у нас кирилловской типографии, сыгравшей значительную роль в истории старообрядчества в целом.

В главе VI — «Элементы традиционной религиозной культуры» (с. 150—198) — излагается история духовной культуры старообрядцев, проживавших и ныне живущих на территории Польши. Автор подробно рассказывает о церковной архитектуре, предметах религиозной культуры (литургические книги, иконы, кресты и т. д.). В тексте главы много ссылок на конкретные примеры из жизни старообрядцев, собранные автором во время его многолетних этнографических экскурсий.

Глава VII — «Элементы традиционной материальной культуры» — целиком посвящена бытовой культуре русских старообрядцев в Польше (с. 201—248). Много места уделено истории жилища — избе и, особенно, русской бане, называемой здесьними старообрядцами «байней». Автор приводит также многочисленные примеры изменений в одежде, являющейся одним из главных признаков изменений в культуре старообрядчества последних десятилетий (с. 223—224). В главе даются также подробные сведения о питании старообрядцев в прошлом и в настоящий момент, о прежней системе различных ограничений в пище, о постах и т. д. Отдельный раздел отведен описанию культа погребения.

Помимо подстрочных примечаний и ссылок в монографии дана обширная специальная селективная библиография, составленная автором (с. 249—270). Библиография насчитывает 456 печатных работ, книг и статей. Кроме того, в ней есть раздел «Рукописные источники», в котором указаны некоторые использованные автором материалы, находящиеся в государственных и частных архивах, библиотеках, музеях.

Оценивая монографию Э. Иванца в целом, хочется прежде всего подчеркнуть, что эта работа, написанная на большом фактическом материале, является первым в литературе нашего времени комплексным исследованием подобного рода. Работа предназначена прежде всего польскому читателю, местами имеет научно-популярный характер — это обстоятельство ни в коей мере не является отрицательным свойством работы, так как благодаря этому она выполняет функции популяризатора элементов русской культуры в Польше. Для нас книга Э. Иванца представляет несомненный интерес прежде всего в качестве свода историко-этнографических сведений о русских поселениях в Польше, свода, который, безусловно, будет использован нашими отечественными славистами и русистами, и в первую очередь, конечно, исследователями старообрядчества.

Ю. А. Лабунцев

S. K. KUCZYŃSKI. Herb Warszawy. Warszawa, 1977, 156 s.

С. К. КУЧИНЬСКИЙ. Герб Варшавы

Эмблема польской столицы известна далеко за пределами Польши. Изображение женщины с рыбым хвостом — сирены с поднятым мечом в одной руке и щитом — в другой, сегодня во всех странах мира воспринимается как символ Варшавы — города, имеющего героическую многовековую историю. Этому символу посвящена недавно вышедшая книга польского ученого, известного специалиста в области сфрагистики и геральдики, С. К. Кучиньского. На первый взгляд тематика книги представляется довольно узкой. Однако устье эта только кажущаяся. Ибо семивековая история герба Варшавы неразрывно связана с историей города и страны в целом. Автор очень умело, творчески подошел к выявлению этой связи, композиционно построив книгу таким образом, что каждая из ее 11 глав, посвященных отдельным этапам существования знаменитой варшавской сирены, в то же время представляет собой

определенную веху в истории всего государства и, конечно, города. В результате читатель воочию убеждается, что возникновение, а затем то или иное изменение изображения герба, его правового положения обусловлены общественным развитием, закономерны, что городской герб эволюционирует на фоне общеисторического процесса и во взаимодействии с ним.

Изящная и искусно выполненная конструкция возведена на прочном фундаменте: С. К. Кучиньским привлечен широкий круг самых разнообразных материалов. Здесь и не опубликованные ранее архивные данные, извлеченные не только из отечественных хранилищ рукописей, но и из архивов других стран (СССР, Франция и т. д.), редкие печатные издания XVII в., публикации печатей и гербов, многочисленные свидетельства прессы, а также разнообразные вещественные памятники, демонстрирующие эволюцию как самой гербовой фигуры, так

и рост общественной значимости варшавского символа. Демонстрация осуществляется наглядно. В книге помещено более 130 цветных и черно-белых иллюстраций, изображающих варшавскую сирену на печатях, археологических находках, средневековых рукописях и печатных книгах и картах, документах нового времени и современных изданиях, знаменах, наградных и памятных медалях; приведены многочисленные скульптурные воплощения варшавской эмблемы, ее стилизованные интерпретации и т. д.

Автор прослеживает, как постепенно из средневекового чудовища (фантастического полудельца — полуживотного) вырисовывается прекрасный образ покровительницы города над Вислой, русалки-воительницы, с мечом и щитом вставшей на защиту Варшавы. Художественное воплощение этого образа отражает изменяющиеся на протяжении веков культурные представления и эстетические вкусы населения и непосредственных исполнителей — художников, скульпторов, резчиков. Однако в целом сюжетика образа оставалась без изменения на протяжении столетий, на нее не повлияли ни войны, ни иноземное господство. Линия исследования генезиса гербовой фигуры переплетается в книге С. К. Кучиньского с воссозданием картины утверждения варшавской сирены в качестве герба города. Появление в первой половине XIV в. изображенной в гербовом щите сирены на городских печатях знаменовало важный этап организации городской жизни, свидетельствовало о стабилизации внутригородских отношений, существовании городского самоуправления, о функционировании городской канцелярии и проч. В последующие столетия сирена продолжала выполнять функцию символа города. Для варшавян она являлась олицетворением их городского общества — многочисленные предметы городского обихода, общественные здания и различные постройки украшались изображением сирены, поэты посвящали ей стихи. В период иноземного господства роль варшавской сирены в официальной символике городского самоуправления (изображения на печатях и документах городских учреждений) фактически сводилась на нет. В качестве городского герба варшавская сирена вновь возрождалась на основании постановлений польского правительства.

Красной нитью проходит через всю книгу С. К. Кучиньского идея большого влияния символа Варшавы на формирование национального самосознания поляков. В период фашистской оккупации мобилизующая роль варшавской сирены как символа свободной независимой Польши нашла отражение в многочисленных приведенных автором примерах, показывающих практическое использование ее изображения на знаменах и печатной

продукции антифашистского подполья, на воинских стягах польских соединений, на всевозможных военных отличительных знаках, на жетонах, медалях, в изобразительном искусстве польских узников концлагерей и т. д. Знамя с изображением варшавского герба, эмблемы героической и непокоренной Варшавы, было пронесено по Красной площади во время победного парада в Москве в июне 1945 г. В послевоенное время сирена являлась важным элементом пропаганды прежде всего в деле восстановления разрушенной польской столицы, которое объявлялось важнейшим для всего польского народа. В настоящее время варшавская сирена прочно вошла в жизнь государства, являясь «визитной карточкой» столицы Польши, постоянным источником, питающим изобразительное искусство, выступая в качестве рекламы различной продукции, выпускаемой в Варшаве.

Гражданское звучание книги «Герб Варшавы» очевидно. Без сомнения, она внесет большой вклад прежде всего в процесс воспитания молодого поколения поляков в духе патриотизма, уважения к истории своего города, традициям прошлого, воплощенным в исторически сложившемся символе.

Хотелось бы также указать на большое научное значение, которое имеет книга С. К. Кучиньского для развития вспомогательной исторической дисциплины геральдики. Проблемы развития данной дисциплины в польской исторической науке С. К. Кучиньским ставились несколько лет назад¹. В данной работе автор, на наш взгляд, продемонстрировал исследовательские приемы, которые позволяют ему с большей убедительностью по сравнению с предшественниками решать вопрос о времени и принципах возникновения городского герба. Методически правильно подошел автор к решению данного вопроса, собрав все имеющиеся печати с изображением варшавской эмблемы, в результате чего выделилась их ранняя группа, наиболее достоверно рисующая изначальный вариант этого знака. Автор, несомненно, прав, расширяя традиционные рамки источников геральдического исследования, включая в сферу изучаемого им материала не только печати, но и всевозможные предметы археологии, произведения изобразительного искусства и т. д., что дало возможность выявить любопытные аналогии образу варшавской сирены. Не вызывает сомнения также правильность привлечения автором при объяснении

¹ S. K. K u c z y Ń s k i. Niektóre zagadnienia symboliki heraldycznej na tle funkcjonowania herbu jako znaku. In: Problemy nauk pomocniczych historii. II. Materiały na II konferencję poświęconą naukom pomocniczym historii. Katowice. 1973, s. 29—43.

сюжета эмблемы литературных источников. Методическая точность позволила автору вполне аргументированно отклонить мифы и предположения о возникновении варшавского герба. Думается, что методические принципы автора книги о варшавском гербе найдут применение в последующих геральдических работах.

С. К. Кучинский подверг анализу огромный изобразительный и документальный материал. Однако в главе, рассказывающей о варшавском символе периода Царства Польского, автор несколько сузил изложение, рассматривая мероприятия царского правительства в отношении польских территориальных гербов слишком изолированно от общероссийского процесса городского и областного герботворчества в XIX в. Территориальное герботворчество в целом в Российской империи XIX в. носит ярко выраженный характер государственного мероприятия, проводимого сверху. Применение и использование территориальных гербов показывает, что предназначенные служить символом самоуправления города, его отличительным знаком, свидетельствующим о значимости города в общественной жизни, территориальные гербы в Российской империи этого времени не выполняли данную функцию, войдя в систему самых различных знаков, функционирующих в государстве, превратились

в один из многочисленных элементов, из которых вырастал весь комплекс разработанных царизмом мер по укреплению его идейных позиций. Общий характер атрибутики территориальных гербов соответствует утвердившейся в Российской империи XIX в. системе знаков, санкционированных правительством. Главный акцент в ней делается на обязательное включение таких эмблем, как корона, двуглавый орел, александровская, андреевская ленты и проч., т. е. символов, выражающих правительственную идеологию, и прежде всего — главенствующую идею самодержавия. Таким образом, территориальные гербы в Российской империи в XIX в. вообще создавались прежде всего в интересах верховной государственной власти, являясь знаком, при помощи которого отражались и выражались принципы определенного направления в политике царизма. На этом фоне отчетливее вырисовываются и мероприятия царского правительства, касающиеся варшавского герба.

В целом рецензируемая книга является не только существенным пополнением польской геральдической литературы, она представляет большой интерес и служит прекрасным примером для аналогичных исследований в других странах.

Н. А. Соболева

Д. В. СТЕПОВИК. Болгарське образотворче мистецтво. 1878—1978. Київ, 1978

Д. В. СТЕПОВИК. Болгарское изобразительное искусство. 1878—1978

В Институте искусствоведения, фольклора и этнографии имени М. Ф. Рильского АН УССР успешно осуществляются исследования искусства стран социалистического содружества. Свидетельством этого является вышедшая недавно фундаментальная книга Д. В. Степовика «Болгарское изобразительное искусство. 1878—1978». Новаторский характер монографии советского искусствоведа заключается в том, что в ней систематически, с учетом методологических принципов, принятой периодизации этапов развития болгарского общества, на огромном конкретном материале рассматривается развитие живописи, скульптуры и графики Болгарии на протяжении последнего столетия; становление новых черт и тенденций (демократизм, критический реализм). Исследование проводится в нераздельной органической слитности с большими социальными изменениями и многими общественными явлениями. Изобразительное искусство, —

отмечает автор, — стало зеркалом «исторического утверждения и революционного возрождения болгарского народа», в нем нашли отражение идеи пролетарской, антиимпериалистической, антифашистской борьбы, а в последние десятилетия — идеи социализма и пролетарского интернационализма.

Уже во «Введении» читатель находит определение специфики связей между социальными и художественными явлениями в их диалектическом развитии. Пятивековое турецкое иго сузило границы бытования искусства, формы и средства художественного выражения. Справедливо отмечается, что ассоциативность, символика, эзоповская образность были присущи языку болгарского искусства периода османского гнета. Этот язык вобрал в себя и поэтические средства фольклора, метафоры баллады, персонафикации сказки, сравнения песни (с. 7). Автор подчеркивает, что тенденция к демократизму, проявившаяся

в зачаточном виде в произведениях древнего болгарского искусства, в послеосвободительный период завершается окончательным утверждением демократизма как ведущего идейно-тематического принципа. Направление демократической линии в искусстве углубляется с выходом на историческую арену болгарского рабочего класса и его авангарда — социал-демократической (позже коммунистической) партии. Лучшим произведением болгарского искусства присуще классовое звучание. Под влиянием идей Великого Октября многие художники переходят на революционные, пролетарские позиции, связывают свое творчество с борьбой трудящихся за социальное освобождение. Уже в период фашистской диктатуры в Болгарии под влиянием советского искусства закладываются основы метода социалистического реализма.

Новую яркую страницу в историю Болгарии внесло 9 сентября 1944 г., когда в результате общенародного восстания политическая власть в стране перешла к Отечественному фронту, руководимому партией коммунистов. Искусство заявило о своей готовности служить делу социалистического строительства. Болгарская социалистическая революция положила начало утверждению, обогащению и расцвету искусства социалистического реализма.

Автор отмечает, что процессы обновления художественного творчества осуществляются наряду с процессами социального развития, большими принципиальными переменами, произошедшими в обществе в 1944 г. За три десятилетия народной власти в болгарском искусстве утвердились партийность, народность, гуманизм, легшие в основу творческого метода социалистического реализма.

Основная часть книги состоит из трех глав, соответствующих хронологическому диапазону развития искусства Болгарии: «Борьба за демократизм в болгарском изобразительном искусстве» 1878—1918; «Родное искусство» и «Новый реализм», «Пролетарская тема в искусстве» 1918—1944; и «На магистраль социалистического реализма» 1944—1978. Внутри этих периодов выделены разделы по видам искусства. Четкая конструкция монографии, ощущение логических связей, переходов и пропорциональной нагрузки формы изложения позволяет автору сгруппировать большой аналитический материал.

Элементы демократического мировоззрения болгарских художников проявились в период подъема национально-освободительного движения. В первой главе автор верно определяет три главных этапа развития демократических тенденций: конец 70—90-годов, когда наблюдается повышенный интерес художников к бытовому жанру; первые десятилетия XX в., характеризующиеся

борьбой прогрессивных и реакционных течений; события двух Балканских и первой мировой войн, во время которых в искусстве наблюдается интерес к «простому человеку», возрастают критические, антивоенные нотки и слышатся признаки нового, пролетарского периода.

В книге подчеркнута, что творческие концепции художников, начавших работать после 1878 г., формируются на основе эстетических принципов, выработанных в период болгарского Возрождения (с. 19).

Автор уделяет значительное внимание роли болгарской марксистской эстетики, усматривая ее значение, в частности работ Д. Благоева, в пропаганде реалистического творчества. Автор останавливается на многих теоретических вопросах — взаимосвязях национального и интернационального, народного и профессионального. Ценными являются страницы, посвященные развитию графики на переломе XIX и XX вв., монументальной живописи и скульптуры, так как они содержат много нового, неизвестного до сих пор материала.

Второй раздел книги начинается с анализа социально-политического развития Болгарии. Становление пролетарского направления в болгарском искусстве проходило в тесной связи с жизнью общественных классов. Теоретическое наследие Д. Благоева развивали марксисты Г. Димитров, В. Коларов, Г. Кирков и другие, воспитывающие новый тип художника, беззаветно преданного делу рабочего класса. В книге находят основательное освещение художественные процессы 20—30-х годов XX в., кристаллизация в болгарской изобразительной культуре под несомненным влиянием советского искусства основополагающих примет социалистического реализма. Уделяя значительное внимание монографическому освещению творчества ведущих мастеров таких, как В. Димитров-Майстора, Ц. Лавренов, С. Венев, Н. Петров, автор фиксирует свое внимание на острых проблемах теории и практики.

Читатель знакомится с графикой, где классово-пролетарская тенденциозность дает знать о себе еще более четко и непосредственно, нежели в живописи. Наблюдается интенсивный процесс профессиональной специализации графиков, возрастает значение книжной иллюстрации и эстампа антифашистского и пролетарского содержания.

Несомненным достижением монографии является включение главы о скульптуре. Впервые читатель знакомится с творчеством М. Паращука, а также других мастеров: Л. Дудулова, И. Лазарова, И. Фунева, М. Маркова.

В третьем разделе говорится о развитии болгарского искусства на протяжении последнего тридцатилетия, когда художественное творчество и личность

художника окружены заботой и вниманием общества. Художники активно откликаются на социальные изменения в жизни страны, часто организовывают персональные выставки, способствуют расширению контактов со зрителем. Болгария стала центром организации международных выставок реалистического искусства социалистических стран. Принципы социалистического реализма стали ведущими. В 1940—1950-е годы формируется идейно-тематическая платформа искусства. Самые большие достижения связаны с тематической картиной, специфика и возможности которой подходит для художественного освоения действительности.

Как и в двух предыдущих разделах, здесь большое внимание уделяется живописи. Исследуя творчество ряда мастеров, автор акцентирует внимание на вопросах художественного мастерства, мотивированно трактует проблему национальных традиций, имеющую здесь особое значение, останавливается на многогранных связях между народно-прикладным и профессиональным искусством. Образностью, умением найти точные формулировки, широтой эрудиции отмечены характеристики, данные творчеству С. Венева, З. Бояджиева, И. Петрова, П. Пайнботова.

В 60—70-е годы в искусство Болгарии влился большой отряд творческой талантливой молодежи, живопись которой нельзя оценивать однозначно. Ценными и актуальными являются мысли автора о путях развития искусства молодых. Многие из них — С. Русев, И. Киров, Д. Киров, Т. Трифоновский, С. Сеферов, Д. Василянская, К. Тасева, Ц. Дочев, Л. Русева — уже прочно заняли место в числе ведущих болгарских художников. Исследователь мотивированно, убедительно трактует проблему традиций и новаторства, исследует так называемый «коварный стиль», вопросы художественного образования, деятельность разных художественных групп.

Графика вместе с живописью является могущественным фактором освоения действительности. Характерной особенностью становится широкое употребление пластических возможностей графических техник. В Болгарии существует большая школа сатириков и юмористов, необыкновенный расцвет получил плакат, особенно злободневной стала станковая гравюра, расширилась сфера прикладной графики, — все это находит должное освещение.

Новые задачи стоят перед болгарской скульптурой. Основной акцент автор де-

лает на направлении поисков, обогативших реалистическую пластику. Важнейшим моментом в развитии искусства является расцвет монументализма, рассматривая который автор останавливается на богатстве и разнообразии пластической формы, убедительности конструктивной композиции, подчинении пространства внутренним закономерностям пластики (с. 238). Достаточно внимания уделяется станковой скульптуре.

Раздел, написанный в значительной степени на основе личных наблюдений, непосредственного знакомства с современной художественной практикой (беседы с многими мастерами, посещение мастерских, дискуссии с критиками, изучение иконографического материала на выставках) знакомит читателя со многими новыми художественными явлениями и фактами.

Верно и убедительно характеризуя тенденции в искусстве 60—70-х годов, автор называет среди них монументализацию станковых форм, но обосновывает этот тезис в основном примерами из скульптуры. На наш взгляд, эта тенденция проявилась также (если не прежде всего) в живописи, особенно в творчестве Д. Узунова, С. Русева, Г. Тасевой, М. Гарудиса, а также в станковой графике, в плакате. Кроме того, в увлечении монументальными формами есть, помимо положительных, и некоторые теневые стороны, которые следовало бы оговорить в книге.

Молодые художники современной Болгарии продолжили лучшие традиции искусства прошлых десятилетий, одновременно внесли много нового, в частности, в отображение темы научно-технической революции. Но в книге, видимо, надобно показать, что процесс обновления художественной формы проходит не гладко. Были и продолжают дискуссии, иногда весьма острые, в частности, по проблемам эксперимента и формы.

Книга содержит наблюдения и выводы о неразрывном единстве болгарского искусства с мировой реалистической, прогрессивной художественной культурой.

Новая книга Д. В. Степовика — плод его многолетних исследований — продолжила научный поиск искусствоведа, начатый в его предыдущих работах — «Украинско-болгарские художественные связи» и «Современное изобразительное искусство Болгарии (Пути и тенденции развития в послевоенный период)». Она несомненно станет вкладом в разработку проблем искусства социалистических стран.

А. К. Федорук

ДВЕ МОНОГРАФИИ О СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Длительное время монографическое описание славянской фразеологии ограничивалось исследованием русских фразеологических единиц (книги Н. М. Шанского, В. Л. Архангельского, А. М. Бабкина, С. Г. Гаврина, А. И. Молоткова, А. И. Федорова, М. Ф. Палевской и др.). Исследования фразеологии славянских языков носили, как правило, частный характер и во многом целиком базировались на модели анализа русской фразеологической системы. Такое положение не только вело к отставанию славистики в области фразеологии, особо ощущавшемуся на фоне фундаментально разработанной в теоретическом и прикладном планах фразеологии германских и романских языков, но и стало серьезным препятствием в дальнейшем исследовании самой русской фразеологии. Сопоставительный и сравнительно-исторический анализ последней в особенности понес ущерб из-за неразработанности фразеологии славянских языков и из-за недостаточности надежных славистических материалов.

В последние годы в изучении славянской фразеологии заметен ощутимый подъем. Растет число частных исследований, появились серьезные монографические труды по белорусской (Ф. Я. Янковский, И. Я. Лепешев) и украинской (Л. Г. Скрипник, Ф. П. Медведев) фразеологии, вышли толковые и переводные словари белорусского, украинского, польского и болгарского языков. Монографии словацкого фразеолога Й. Млацка и белорусского ученого А. С. Аксамитова, базирующиеся на опыте советской фразеологии, во многом близки по концепции, теоретическим воззрениям и даже по композиции. Вместе с тем, в них немало и различий — различий как в подходе к принципиальным общетеоретическим вопросам фразеологии, так и в способе подачи конкретного языкового материала и в его интерпретации.

Книга Йозефа Млацка — первый опыт синтетического анализа словацкой фразеологии. Учитывая работы весьма немногочисленных предшественников, автор стремится не только и даже не столько дать полное описание словацких фразеологических единиц (ФЕ), сколько на словацком материале решить важнейшие теоретические проблемы общей фразеологии. Уже поэтому труд Й. Млацка представляет интерес как для словакистов и славистов, так и для всех фразеологов.

Актуальные проблемы фразеологии в монографии рассматриваются в спектре новейших достижений науки о ФЕ. Автор блестяще знает советскую литературу, умело обобщает и критически осмысляет ее, вносит существенные поправки в решения отдельных важных проблем.

В шести главах книги исследуются кардинальные вопросы словацкой и общей фразеологии; фразеология и ее границы; ФЕ, ее сущность и свойства; классификация ФЕ; варианты и актуализация ФЕ; специфические группы ФЕ; историографический очерк изучения словацкой фразеологии. Центральной проблемой, к которой автор возвращается постоянно, является вопрос о сущности ФЕ и ее границах. Не случайно эта проблема выделена в особую главу (с. 16—51) и привлекает автора в других разделах: именно от ее решения зависит ответ на все дискуссионные вопросы фразеологии, которые Й. Млацек пытается найти в ходе своего исследования.

Основная концепция автора отличается цельностью и последовательностью. При ее разработке Й. Млацек сумел преодолеть одностронность и субъективность многих современных трактовок ФЕ как особой языковой единицы. Фразеологизм, по мнению Й. Млацка, определяется не каким-либо единственным или доминирующим отдельным признаком, а комплексом свойств, из которых основными являются устойчивость, образность (или переносность) и экспрессивность. Признавая эти свойства основными, Й. Млацек дает следующее определение ФЕ: «ФЕ (фразеологизм) — это устойчивое сочетание слов, которое отличается образностью и цельностью своего значения, так же как и экспрессивностью» (с. 34). Спорно в этом определении лишь признание образности (или переносности) релевантным признаком ФЕ при включении в набор таких признаков и экспрессивности. Известно, во-первых, что далеко не все ФЕ имеют образную основу (ср. в русском языке *дурак дураком*, и *так и сяк* и под.), хотя при этом они обязательно экспрессивны. Во-вторых, образность фразеологизмов — это лишь один из ресурсов создания фразеологической экспрессии и потому может считаться важным, но не релевантным признаком ФЕ. Следовательно, включая в набор релевантных свойств ФЕ экспрессивность, можно не называть в их числе образность. В целом же определение ФЕ, данное Й. Млацеком, нельзя не признать объективным. Именно оно позволяет разумно ограничить объект фразеологии набором единиц, близких друг другу по основным своим свойствам.

В спектре основной концепции объек-

¹ J. Mlaček. Slovenská frazeológia. Slovenské pedagogické nakladateľstvo, Bratislava, 1977, 119 s.; А. С. Аксамитов. Белорусская фразеология. Минск, 1978, 223 с.

тивно рассматриваются в книге такие важные проблемы фразеологии, как взаимоотношение ФЕ и слова, вариантность ФЕ, специфика ФЕ в лексическом и синтагматическом планах. Й. Младек аргументированно выступает против трактовки компонентов ФЕ как «не слова», признавая в то же время их специфику по сравнению с лексическими единицами (с. 36). Удачен детализированный анализ вариантности словацких ФЕ. При классификации фразеологической вариантности Й. Младек широко применяет понятие актуализации, разработанное пражской лингвистической школой, и уместно разграничивает вариантность и актуализацию. Если явление вариантности отражает возможные изменения ФЕ на уровне языка, то актуализация — это их речевые изменительные потенции: «актуализация должна нести новую информацию, должна в каком-либо направлении расширять или, наоборот, сужать, специализировать, конкретизировать исходное значение единицы» (с. 96). Интересны также наблюдения автора над синтаксическим варьированием ФЕ, которые основаны на специальном предварительном исследовании синтаксических свойств словацкой фразеологии. Не всегда, правда, автор последователен в рассмотрении фразеологической вариантности. При анализе лексических вариантов ФЕ, он, например, несколько противоречив: с одной стороны, считает незаменимость компонентов признаком устойчивости (с. 31, 76—77), с другой же — широко описывает явление лексических замен в словацкой фразеологии (с. 47, 51), объективно разграничивает такие случаи от фразеологических синонимов (с. 50) и указывает на их специфичность (с. 86—87). Вообще необходимо подчеркнуть, что специфика фразеологии особо интересует исследователя — в частности, во всех рубриках возможных классификаций фразеологии он постоянно оговаривает эту специфику.

Можно отметить и ряд удачных наблюдений частного характера: последовательное разграничение понятий диалектная и народная фразеология с убедительной аргументацией его для словацкого национального языка (с. 72—74), замечания об особой функциональной роли архаизмов во фразеологии по сравнению с лексикой (с. 88), признание особой, «модальной» вариативности антонимических пар типа *otrávit' červíka* — *neotrávit' červíka* и др. Такие наблюдения, как и общие теоретические выводы, автор сумел сделать, опираясь на большой фактический материал. Лимит места, правда, не дал возможности продемонстрировать этот материал во всей его полноте. Тем не менее, в тех случаях, где «материализация» того или иного положения особенно необходима, Й. Младек это делает с большим вкусом. Таково, например,

иллюстрированное примерами художественных трансформаций словацкой фразеологии в пассажах о фразеологической актуализации и коптаминации.

Немалой заслугой автора является и большая терминотворческая работа. Ни в какой отрасли языкознания не появляется сейчас столько новых терминов, как во фразеологии. Й. Младек, знакомящий словацких лингвистов с новейшими фразеологическими теориями, вынужден переводить на словацкий язык массу новой, не зарегистрированной лингвистическими словарями терминологии. И языковой вкус никогда не подводит его (ср. *фразеологические совмещения* — словацк. *frázeologické združeniny, метод окружения* — *metoda okolia* и др.). В этом плане труд Й. Младека является несомненным вкладом в создание славянской лингвистической терминологии.

Разумеется, в монографии словацкого исследователя, внявшей наиболее острые вопросы фразеологии, есть и дискуссионные места. Трудно согласиться, прежде всего, с категоричным отрицанием особого уровня статуса фразеологии (с. 10—11): сам автор во всем тексте книги последовательно вскрывает специфику фразеологизмов и, следовательно, имплицитно доказывает самостоятельность статуса фразеологии в языковой системе. Кажется излишне широким понимание объема фразеологии: в нее включаются также пословицы (с. 99—102 и др.), что несколько противоречит определению ФЕ, которое дано в книге. Кстати, толкование Й. Младеком термина и понятия *поговорка* (*porekadlo*) также представляется спорным: в отличие от пословиц, поговорок, по его мнению, это — «образные выражения без... назидательной и а п р а в л е н н о с т и» (с. 100) типа *Kto nemá v hlave, má v päťach* или *Kto sa hanbí, má prázdne gambu*. Такое понимание поговорки, как видно из примеров, не дает возможности разграничить пословицу и поговорку. Нарушая известную паремиологическую традицию, представленную в славянской традиции паремиологии В. И. Далем, Фр. Челаковским, Вуком Караджичем, Р. Славейковым, А. П. Затурецким и другими собирателями, трактуящими пословицу как суждение, законченное назидательное высказывание, а поговорку — как образный оборот речи, не имеющий синтаксической законченности и потому могущий быть частью пословицы², оно может внести

² Автор богатейшего сборника словацкой паремиологии Адольф Петер Затурецкий принимает это распределение пословиц и поговорок и даже практически пользуется им, помещая в сборнике поговорки лишь после пословиц: А. Р. Z á t u r e c k ý. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1975, s. 650—651.

излишнюю терминологическую путаницу и уже потому кажется нежелательным.

В книге Й. Млацака дан один из самых полных анализов возможных классификаций фразеологизмов — им рассмотрено десять типов классификации. Не все они, однако, представляют собой самостоятельные и равноценные способы распределения ФЕ: например, близки друг к другу семантическая классификация В. В. Виноградова (с. 53—57) и классификация по отношению между устойчивостью и вариантностью ФЕ (с. 76—78) или классификация по отношению ФЕ к литературному языку (с. 71—74) и стилистическая классификация (с. 78—80). Стилистическому распределению ФЕ к тому же уделено слишком мало внимания: словацкая фразеология классифицируется на стилистической оси лишь на два разряда — разговорную и книжную (с. 78—80). В стороне остаются важнейшие для фразеологии и особенно фразеологии разграничения отгенов по шкалам экспрессивности (*грубо, вульгарно, пренебрежительно, насмешливо* и под.), сферам употребления (*сленг, профессиональное аргю, диалектизм* и под.) или происхождению (*архаизм, неологизм* и под.). Спорными кажутся и некоторые частные утверждения, высказанные автором: причисление местоименных конструкций типа *ten a ten* к фразеологизмам (с. 63); трактовка диалектных ФЕ (точнее, такого их типа, где налицо фонетические, формальные или синтаксические расхождения) как «диалектных вариантов литературных ФЕ» (с. 72)³; признание самостоятельных компаративных оборотов типа *čierný ako sadza — čierný ako kominár* или *čierný ako smola — čierný ako kolomaz* лексическими вариантами (с. 102) и др.

Несмотря на оправданный полемический характер книги, автор ее не заостряет излишне и без того острых вопросов фразеологии и в большинстве случаев стремится найти объективное, диалектическое решение наиболее сложных проблем. Исследование Й. Млацака не только подводит итог изысканиям в области словацкой фразеологии, но и намечает перспективы на будущее. Разработка этой молодой лингвистической дисциплины в теоретическом отношении, можно надеяться, послужит импульсом и для прикладной фразеологии, в первую очередь, для создания большого толкового фразеологического словаря словацкого языка.

Выход в свет монографии А. С. Аксамитова «Белорусская фразеология» отражает интенсивное изучение ФЕ белорусского языка в последние десятилетия. Этому, в первую очередь, способствовал свежий фразеологический материал,

собранный «в поле» и сведенный в многочисленные сборники и словари народных фразеологизмов⁴. Этот материал был фундаментом теоретических и описательных работ по белорусской фразеологии (монографии Ф. М. Янковского, А. С. Аксамитова, И. Я. Лепешова и др.), начатых еще в 50-е годы диссертацией А. М. Базыленко⁵. Успешная разработка белорусской фразеологии несомненно была вызвана и общим подъемом фразеологических исследований в советском языкознании.

Вместе с тем, интерес к белорусской фразеологии в ее речевых, а не «языковых» проявлениях вел к тому, что в основном она разрабатывалась в двух руслах: изучалась народная (диалектная) фразеология и индивидуально-авторское ее использование в художественной литературе. Уже поэтому монография А. С. Аксамитова, ставящая целью дать общий очерк белорусской фразеологии, восполняет значительный пробел в белорусистике. В книге дается научное обоснование белорусской фразеологии как особой лингвистической дисциплины, рассматриваются ее основные понятия, анализируются ее структура и семантика, приводятся возможные типы классификации ФЕ. Две главы книги имеют общетеоретический характер («Объект, предмет и задачи фразеологии (вводная часть)» и «Классификация ФЕ»), а три посвящены проблемам, связанным с национальной спецификой белорусских ФЕ («Фразеологический состав белорусского языка», «Развитие фразеологического состава белорусского языка», «Белорусскоиноязычные фразеологические параллели»).

Отдавая дань уже сложившейся в монографиях по фразеологии отдельным языкам композиционной традиции, автор в то же время много места уделяет новым, пока еще почти неразработанным проблемам. Особенно следует отметить три из них — историческая и ареальная фразеология и вопросы идеографического распределения ФЕ. А. С. Аксамитов ставит и решает эти проблемы по-новому, привлекая свежий и самостоятельный белорусский материал.

⁴ Ф. Я н к о ў с к і. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы, выд. 2. Мінск, 1962; его же. Беларуская фразеалогія. Мінск, 1968; его же. Беларускія народныя параўнанні. Кароткі слоўнік. Мінск, 1973; Г. Ф. Ю р ч а н к а. І коңіца і валіца. Мінск, 1972; его же. І сячэ і паліца. Мінск, 1974; его же. Слова за слова. Мінск 1977; Е. С. М я ц е л ь с к а я, Я. К. К а м а р о ў с к і. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972 и др.

⁵ А. М. Б а з ы л е н к о. Устойлівыя словазлучэнні ў мове Якуба Коласа (канд. дисс.). Мінск, 1951.

³ Известно, что такие варианты во многих случаях могут быть исконными.

Исторический аспект, как известно, является одной из серьезных лагун при изучении славянской фразеологии. Посвятив проблематике развития фразеологического фонда белорусского языка отдельную главу (с. 137—201), А. С. Аксамитов частично восполнил эту лагуну. Диахронический экскурс, сделанный в книге, ценен и тем, что в поисках истоков белорусской национальной фразеологии автор обращается к древнерусским источникам — в научный оборот вводится свыше 50 памятников. Такой подход делает эту часть книги не только историческим очерком белорусской фразеологии, но и исследованием по восточнославянской фразеологии вообще. Правда, как показывает это исследование, сложность исторического анализа фразеологии по памятникам заключается как в ограниченном числе текстов, так и в невозможности объективно установить степень идиоматичности словосочетаний из-за трудности определения их диахронического тождества (с. 137). Вот почему автор совершенно оправданно не ограничивается при историческом исследовании лишь материалом памятников: формирование фразеологического фонда древнерусского языка, по его мнению, происходило «в результате взаимодействия и синтеза старославянских (или церковнославянских), деловых, государственно-правовых, народно-диалектных и фольклорных устойчивых словесных комплексов и штампов» (с. 146). Основными же ресурсами старобелорусской фразеологии являются народно-разговорные и фольклорные элементы, отраженные в памятниках XIV—XVII вв. (с. 153).

На основе проделанного анализа автор приходит к выводам, небезытересным для истории восточнославянской и белорусской фразеологии. По мнению А. С. Аксамитова, фразеологический фонд древнерусского языка в период X—XIII вв. находился в стадии первоначального формирования. Большинство устойчивых словесных комплексов, входивших в него, были еще слабоидиоматичными. Основной корпус этих оборотов составляли сочетания церковнославянского происхождения, собственно славянские сочетания лексем играли в формировании древнерусской фразеологии незначительную роль. Формирование же старобелорусской фразеологии, так же как и формирование всей системы старобелорусского языка, относится к началу XVI в. Наибольшее развитие получили старобелорусские фразеологизмы предметности, движения и взаимодействия. По мере дальнейшего развития наиболее жизнестойкими оказались те белорусские ФЕ, которые уходят корнями не в книжную, а в народно-разговорную или народнопочтовую старобелорусскую традицию.

Признавая в целом эти основные тен-

денции развития древнерусской и старобелорусской фразеологии объективными, хочется, вместе с тем, опспорить некоторые общие положения диахронического анализа ФЕ, выдвинутые А. С. Аксамитовым. Нельзя, как кажется, основную задачу такого анализа видеть в «определении характера и степени сочетаемости компонентов фразеологизмов» (с. 138). При таком подходе историк фразеологии становится лишь пассивным регистратором степени идиоматичности той или иной ФЕ на разных этапах ее существования. Более того, если учесть, вслед за самим автором, что «расплывчатость признаков устойчивых словесных комплексов делает проблему их выделения из письменных памятников очень сложной» (с. 184), то такая задача делается и крайне неопределенной, ибо у истоков каждого фразеологизма лежат свободные сочетания. Поэтому, как кажется, регистрация степени сочетаемости лексем для исторической фразеологии является целью второстепенной. Основная же задача диахронического анализа — вскрыть цепь последовательных превращений свободного сочетания в высокоидиоматичный оборот, найти истоки ФЕ, ее исходное значение и показать ее временную и пространственную динамику.

Можно дискутировать и о критериях выделения ФЕ старобелорусского (resp. древнерусского) языка, выдвигаемых А. С. Аксамитовым (с. 184—187). Ими, по мысли автора, являются воспроизводимость, прием нахождения этимологически близкого слова в старобелорусском или современном белорусском языке (например, *бити челом* > *чалобіцце*, *кровь прольяти* > *кровапраліцце* и под.) и тавтологичность компонентов ФЕ (тип *казнью казнити*, *службу служити*). Бросается в глаза разноплановость этих критериев, а также частный характер двух последних из них — известно, например, что тавтологичность была широко распространенным шаблоном деловой речи в памятниках, и по этому шаблону образовывалась и масса свободных сочетаний, что препятствует отождествлению тавтологичности с фразеологичностью. Критерий же воспроизводимости, переоцениваемый, вслед за Л. И. Ройзензоном, А. С. Аксамитовым, особенно уязвим в качестве релевантного и притом единственного признака ФЕ именно в диахронической плоскости. Не случайно в орбиту фразеологии, очерченную таким критерием, нередко попадают воспроизводимые (впрочем, и невоспроизводимые) единицы, к ней не относящиеся. Такие сочетания, как *всади́ти в порѹбѣ* «посадить в тюрьму», *вынѣти изъ порѹба* «освободить из заключения» (с. 148), *листовое припомянанье* «письменный документ» (с. 153), *кѣрунт погно́ный*, *кѣрунт каменісты*, *кѣрунт песчаный* (с. 156), *брати глыбей* «копать глубже» (с. 182) и др. представляют собой свобод-

ные сочетания; *волочити озеро* «ловить рыбу неводом или сеткой в озере» (с. 157), *казіная (сабачая) ножка* «самокрутка» (с. 193) — народные терминологические сочетания; *грошы не пагнуць* (с. 198) — цитата, крылатое выражение, принадлежащее Веспасиану; *На бзэрыб'і і рак рыба* (с. 206) или *Бліка кашуля як кабат* (с. 214) — пословицы и т. д. При таком подходе границы фразеологии — особенно фразеологии исторической — становятся излишне обширными, а предмет ее изучения расплывчивым и неопределенным. Поэтому при определении фразеологизма к критерию воспроизводимости следует, как кажется, прибавить и такие важные релевантные признаки, как относительная целостность фразеологического значения и особенно экспрессивность⁶.

Много внимания уделено в книге ареальному анализу ФЕ. Глава «Белорусско-иноязычные фразеологические параллели» (с. 202—217) является ценным вкладом в ареальную фразеологию, которая лишь начинает разрабатываться. А. С. Аксамитов последовательно описывает разные типы ареальных отношений, характерных для белорусской фразеологии (общеславянские, восточнославянские, собственно белорусские фразеоглоссы), особо подчеркивает близость восточнославянской ареальной зоны и роль билингвизма в ее формировании, постоянно увязывает задачи ареального и сопоставительного анализа. Немало наблюдений, существенных для ареального аспекта изучения ФЕ, сделано автором и в других частях книги, особенно в разделах о народной, диалектной и фольклорной фразеологии белорусского языка.

Естественно — в силу общей недостаточной разработанности ареального аспекта фразеологии — в конкретной изоглоссной диагностике А. С. Аксамитов допускает отдельные промахи. Так, ФЕ *мець зуб на каго* причисляется к общеславянским, в то время как известны ее индоевропейские параллели (ср. франц. *avoir une dent contre qn.*) *між молатам і кавадлаж* и *голы як бізун* «бедный» (с. 187) трактуются как восточнославянские обороты, в то время как для первого характерна широкая культурно-историческая проекция (ср. франц. *être entre l'enclume et le marteau*, лат. *inter malleum et incudem*; др.-греч. *μεταξύ ἄχμορος καὶ σφύρας* и др.), а лингвогеографическая дальнобойность второго может быть расширена за счет польского компаративного оборо-

та *goły jak bizun* с тем же значением. Подобные ареальные поправки можно сделать и для ФЕ *убіць асінавы кол* (с. 205), *падрэзаць крылы, як на далоні, як ад казла жалака, за царом гарошам* (с. 206—208), *на чорны ногаць, як палатно бледны* (с. 216) и др. Иногда неверная ареальная констатация закономерно ведет автора к ошибочной этимологической интерпретации: так, фразеологизм *мець мухі ў носе* «капризничать» трактуется А. С. Аксамитовым как заимствование из польского, в то время как давно показана его исконность, уходящая корнями в суверенные языческие представления⁷.

Удачны в книге разделы, посвященные идеографической разработке белорусской фразеологии (с. 99—115). Эта проблематика, давно интересующая автора книги, в монографии освещена весьма последовательно: А. С. Аксамитов предлагает оригинальную типологию основных идеографических групп белорусской фразеологии (фразеологизмы предметности, взаимодействия и движения, состояния и отношений, количества и качества), используя метод субституции. Разумеется, такая классификация связана со многими трудностями, частично сознаваемыми и самим автором: необходимостью дублировать один и тот же фразеологизм в разных рубриках, излишняя грамматикализация этих принципиально отличающихся семантических разрядов ФЕ, чрезмерная широта включаемого в эти группы материала (он нередко выходит за рамки фразеологии даже в самом широком ее понимании) и др.

Несмотря на эти, во многом объективно оправданные трудности, А. С. Аксамитову удалось не только систематизировать большой фразеологический материал и продемонстрировать его в наглядных таблицах, но и выявить специфику выделенных микросистем.

Монографии Й. Млапека и А. С. Аксамитова, обобщающие богатый опыт изучения словацкой и белорусской фразеологии и, вместе с тем, открывающие новые перспективы исследования этой молодой отрасли славянского языкознания, являются весомым вкладом в науку.

В. М. Мокиенко

⁶ Подробнее об этих признаках ФЕ см. В. М. Мокиенко. Противоречия фразеологии и ее динамика (автореф. докт. дисс.). Л., 1976.

⁷ Ф. Буслев. Русские пословицы и поговорки. М., 1854, с. 172; П. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. Сб. ОРЯС, т. 76, № 4, 1904, с. 165—166; Н. А. Никифоровский. Полупословицы и полупоговорки, употребляемые в Витебской Белоруссии. Зап. Сев.-Зап. отделения имп. Рус. геогр. общества, кн. 1, 1910, с. 204.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВО ЛЬВОВЕ

С 30 января по 2 февраля с. г. во Львове проходила Всесоюзная научная конференция по теме «Проблемы истории социально-политического развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, формирования и развития мирового социалистического содружества».

Конференция была созвана по инициативе и проводилась под руководством секции истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Мировая социалистическая система». В организации и проведении конференции приняли участие Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт общественных наук АН УССР (г. Львов), Научный совет по проблемам истории мировой системы социализма, международного рабочего и национально-освободительного движения АН УССР, Министерство высшего и среднего специального образования страны СССР.

Конференция имела комплексный характер. В ней приняли участие историки, историки культуры, литературоведы, философы, языковеды из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Минска, Ужгорода, Харькова, Николаева, Баку, Донецка, Днепропетровска, Казани, Ворошиловграда, Луцка и ряда других городов страны, всего около 150 ученых.

Целью конференции явилось определение основных направлений дальнейшего изучения истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и истории социалистического содружества, улучшение координации исследований в этой области.

На пленарном заседании были заслушаны доклады д-ра ист. наук А. И. Недорезова «Основные проблемы истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, формирования и развития социалистического содружества», чл.-корр. АН СССР И. Н. Мельниковой «Возрастающая роль социально-политической активности трудящихся в развитии социалистических международных отношений», канд. филос. наук В. П. Агафонова «Опыт и проблемы сотрудничества ученых вузов со-

циалистических стран» и канд. филол. наук М. Б. Ешича «История культуры в контексте истории строительства социализма».

А. И. Недорезов в своем докладе подвел итоги работы историков по исследованию проблем социализма за последние 5 лет, охарактеризовал направления разработки этой проблематики на будущее. Докладчик подчеркнул необходимость и важность борьбы против буржуазной идеологии и враждебных социализму маоистских теорий.

Работа конференции, помимо пленарных заседаний, протекала в четырех секциях, на которых были заслушаны в общей сложности свыше 100 докладов и сообщений.

В первой секции рассматривались вопросы социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы на этапе народно-демократических революций. В докладах и сообщениях на основе богатого фактического материала были раскрыты проявление и действие общих закономерностей социализма, на конкретных примерах из практики социалистических стран подтверждена вновь непреходящая жизненность и актуальность ленинского положения о том, что основные черты Октябрьской революции имеют не национально-особенное, не русское только, а международное значение. В значительной части выступлений освещалось развитие революций и взаимоотношений общественных сил в отдельных странах.

Большое внимание было уделено деятельности коммунистических и рабочих партий в этот период по созданию благоприятных внутренних и внешнеполитических условий для строительства социализма. В выступлениях были проанализированы вопросы борьбы коммунистических и рабочих партий за союзников, роль отдельных классов общества, в частности, рабочего класса и крестьянства в осуществлении социалистических преобразований, в реорганизации промышленности, в решении аграрно-крестьянского вопроса. В докладах и сообщениях рассматривались проблемы идеологической борьбы, содержалась критика буржуазных и маоистских концепций.

Много важных проблем истории строи-

тельства социализма обсуждалось на второй секции. Большой интерес вызвали сообщения по вопросам периодизации социалистического строительства, о развитии социализме и его критериях, успехах и перспективах дальнейшего строительства, об особенностях идеологической борьбы на этапе строительства развитого социализма, о построении развитого социализма в СССР и международном значении этого факта.

В ряде сообщений рассматривались вопросы о руководящей роли коммунистических и рабочих партий, рабочего класса в строительстве социалистического общества.

Обсуждались вопросы о коренных изменениях в социально-классовой структуре общества на этапе строительства развитого социализма, о решающих изменениях в положении и роли рабочего класса, о кооперированном крестьянстве как новой социальной категории.

На секции было выражено пожелание о дальнейшей научной разработке вопроса о хронологических рамках отдельных этапов строительства социализма в европейских социалистических странах и, в частности, о начале строительства развитого социализма.

Работа третьей секции была посвящена, главным образом, вопросам развития социалистической культуры. В докладах были поставлены и подверглись анализу вопросы о периодизации развития социалистической культуры, соотношении и сочетании национального и интернационального в культуре, об особенностях культурного строительства на современном этапе, о развитии национальных художественных культур и их интернациональных связей, формировании социалистической культурной общности, духовном формировании человека нового общества, взаимоотношениях языка и научно-технической революции, языка и культуры и т.д. Во многих докладах рассматривался вопрос о культуре как предмете исторического исследования. Следует отметить, что в докладах и дискуссии был поставлен ряд сложных и недостаточно ясных вопросов, по которым состоялся полезный обмен мнениями, выдвинуты новые теоретические и методологические положения и

идеи, в частности, о культуре как одной из системообразующих подсистем общества, о преобразовании национальной культуры капиталистического общества в национальную культуру социалистического общества, о периодизации развития культуры и критериях периодизации, о содержании и объеме самого понятия «культура», о хронологических рамках культурной революции и т. д.

В четвертой секции рассматривались вопросы формирования и развития социалистического содружества. В докладах и выступлениях была раскрыта картина складывания содружества, развития двустороннего, а затем и многостороннего сотрудничества европейских социалистических стран, возникновения международных отношений нового типа.

Значительное внимание уделялось вопросам теории международных социалистических отношений, рассмотрению внешнеполитических концепций и понятий, вкладу КНСС и других коммунистических партий социалистических стран в разработку проблем развития социалистического содружества. Было отмечено, что многие актуальные проблемы в этой области нуждаются в дальнейшем исследовании, являются дискуссионными, по некоторым из них имеются различные точки зрения в советской и зарубежной научной литературе, не во всех случаях существуют единые критерии и единство взглядов в отношении таких понятий и вопросов, как закономерности развития социалистического содружества, сущность принципов, на которых строятся отношения между различными группами государств, цели и задачи социалистической внешней политики, соотношение между интернационализацией, сближением и интеграцией, между интернациональными и государственными интересами и т. д.

Ряд докладов и сообщений был посвящен вопросам внешнеполитической деятельности социалистических государств, их взаимоотношениям между собой и с другими странами, их позиции по коренным проблемам современности.

В целом конференция прошла на хорошем научном уровне и была полезной.

М. Е. Позолотин

СИМПОЗИУМ «ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА XVIII—XIX вв. И РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ»

В октябре 1978 г. в Польше состоялся симпозиум советских и польских ученых. На нем было заслушано 12 докладов, предложенных обеими сторонами. Кроме сотрудничающих Институтов, на симпозиум прислали своих представителей Варшавский университет, Национальный музей в Варшаве, Институт славяноведения ПАН.

Симпозиум открыл директор Института искусств ПАН доцент д-р Станислав Моссаковский, передавший слово одному из ведущих польских ученых, директору Национального музея в Варшаве академику Станиславу Лоренцу. В своем выступлении он подчеркнул значение совместных советско-польских исследований, а также отметил вклад советских ученых в изучение польской культуры, особо выделив труды И. Ф. Балзы.

Д-р искусствоведения проф. И. Балза в докладе «Традиции и перспективы исследований польской художественной культуры XVIII—XIX вв.» остановился на проблемах изучения польской культуры, выделив две из них. Первая — это пополнение фактических данных, требующих обращения к архивным материалам (польским, русским и французским). В качестве примеров такого пополнения был приведен «ренессанс» Я. Потоцкого, многочисленные советские и польские публикации произведений предшественников и старших современников Шопена, позволяющие полнее обосновать тезис о непрерывности развития польской музыкальной культуры.

Второй существенной проблемой, как отметил И. Балза, следует считать углубление методологических принципов изучения польской культуры, основанное на интердисциплинарном, синтетическом ее понимании.

С большим интересом был воспринят доклад проф. А. Рышкевича «Зарождение польского искусства нового времени (Просвещение — XIX в.)». Рассматривая новые явления в искусстве того периода, особое внимание докладчик уделил роли Станислава Августа в развитии национального искусства, в деле подготовки национальных мастеров. Сознательно заостренные докладчиком формулировки вызвали оживленную дискуссию о соотношении объективных процессов и субъективного начала в польской художественной жизни второй половины XVIII в.

В докладе д-ра ист. наук В. А. Дьякова «Польское освободительное движение и культура в 30—50-х годах XIX в.» были освещены вопросы, связанные, с одной стороны, с воздействием национально-освободительной борьбы польского народа на литературу и искусство,

с другой — с влиянием литературы и искусства на участников конспиративных организаций между восстаниями 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. Наибольшее внимание докладчик уделил участию литераторов в конспиративной деятельности, основываясь на ранее неизвестных документальных материалах, хранящихся в советских архивах.

Доклады, посвященные рассмотрению русско-польских связей в различных областях культуры, показали различия подхода к этой теме. В сравнительно-типологическом аспекте картина взаимоотношений русского и польского театра была представлена в докладах проф. К. Вежбицкой-Михальской и канд. филол. наук Л. А. Софроновой.

Доклад К. Вежбицкой-Михальской «Зарождение национального театра в России и Польше» был посвящен проблеме типа театра (история возникновения театра в России и Польше, соответствия в их организации, устройстве, в типе финансирования). Большое внимание было уделено сравнительному рассмотрению системы жанров в русском и польском театре.

Л. А. Софронова остановилась на вопросе дидактической, политической функции театра в общественной жизни того времени, на проблеме взаимоотношения театра с публикой. В результате краткого анализа поэтики просветительской комедии и соответствий и различий между двумя театрами докладчик указал на следующие различия: острые социальные темы получали на русской сцене более законченное выражение; в Польше по сравнению с Россией более энергично велась борьба с наследием прошлого (с сарматизмом); в различных планах решалась и важнейшая проблема эпохи — проблема воспитания (в России на первом плане — фигура юного неуча, недоросля, в Польше — галломана). Имея в виду выявленные различия, докладчик приходит к выводу об общности двух театров в плане их организации, художественной системы, общественной функции и рассматривает их как два варианта реализации одного и того же культурного феномена.

В докладе доцента З. Вильского «Первые выступления польских актеров в России в XVIII в.» была представлена картина взаимоотношений польского и русского театра уже не в типологическом аспекте, избранном двумя предыдущими выступающими, а в плане конкретных связей. Автор на большом новом фактическом материале проследил гастроли в России польских театральных трупп.

Аналогично был построен доклад д-ра З. Хехлиньской «Польско-русские му-

зыкальные связи в XIX в.». Представленную З. Хехлинской картину истории исполнения русской музыки в Польше и польской в России дополнил доклад доцента Киевской консерватории К. И. Шамаевой «Новые архивные материалы о русско-польских контактах в области музыки».

Задача определить аспекты изучения русско-польских художественных взаимодействий на материале искусства первой трети XIX в., чтобы получить их возможно более полную и объективную картину, была поставлена в докладе канд. искусствоведения И. И. Свириды. Отмечая необходимость сравнительно-типологических исследований, которые, расширяя сходство и различия в развитии двух культур, позволяют понять объективные предпосылки культурных взаимодействий, их направление, избирательную способность той или иной культуры, докладчица вместе с тем подчеркнула важность конкретно-исторического изучения путей развития этих взаимодействий. Опираясь конкретным, в значительной мере новым материалом из истории русско-польских художественных отношений первой трети XIX в., докладчица показала, что его правильная интерпретация возможна при изучении его в системе историко-культурных явлений эпохи двух народов и вместе с тем при его рассмотрении в контексте общеевропейского культурного развития.

Доклад научного сотрудника Института искусств ПАН Я. Михаловского «Александр Орловский» был посвящен роли польского художника, проведшего тридцать лет в России, в развитии жанра в русском искусстве. Отмечая демократизм, социальную заостренность рисунков Орловского, автор дал типологическое сопоставление произведений Орловского и Венецианова, подчеркнув, что в литературе недооценивается значение работ первого из них (с чем несомненно можно согласиться) и переоценивается значение второго. Сравнивая этих мастеров, существенно принимать во внимание и то, что Орловский работал преимущественно в рисунке, что уже само по себе определяло большую непосредственность, заостренность образов, схваченных с натуры этим блестящим мастером зарисовки.

Венецианов писал прежде всего живописные полотна, в которых крестьянские образы, неразрывно слившиеся с пейзажем, выполняют часто аллегорическую функцию. В этом плане Орловский опережает своего коллегу, сближаясь с мастерами критического реализма более поздних лет. Однако поэтические полотна Венецианова были для русского искусства необходимым этапом. В крепостнической России они учили видеть в крестьянине одухотворенное начало, красоту живущего в окружении природы «естественного» человека.

Особую группу составили доклады, посвященные фольклору. Канд. филол. наук Л. Н. Виноградова в докладе «Первые программы польского народоведения как выражение национального самосознания» показала, что уже начальные шаги развития польской фольклористики характеризовались относительно высоким (по сравнению с другими славянскими странами) теоретико-методологическим уровнем, что проявилось в обилии ценнейших для начала XIX в. документов — программ, проектов, инструкций и призывов изучать и собирать факты, относящиеся к народной культуре. По-новому оценив ряд известных документов этого типа, докладчица убедительно показала, что интерес к фольклорному собирательству в Польше был идеологически тесно связан с усилением национально-патриотического движения в культурной и общественной жизни тех лет.

Доцент д-р Л. Белявский в докладе «Связи польского музыкального фольклора с фольклором восточных славян (XIX в.)» рассмотрел характер контактных и этно-генетических связей в области музыкального фольклора польско-белорусского пограничья. Сопоставительный анализ мелодических песенных типов польского и белорусского народного творчества позволил поставить и частично решить важную этно-музыкологическую проблему об общеславянских фольклорных связях, мало разработанную в науке.

В целом симпозиум отличал высокий научный уровень докладов, что подчеркнул в заключительном слове д-р С. Моссаковский. Несомненно, важен и комплексный состав его участников, среди которых были историки, специалисты различных видов искусства, фольклористы.

Цельность симпозиуму придавало то, что большинство докладчиков стремилось рассматривать поднимаемые ими вопросы, связывая их со стержневой для этого времени проблемой формирования польской национальной художественной культуры нового времени, развития национального самосознания.

Продланная работа создает предпосылки для расширения и углубления советско-польского сотрудничества, для развития его в плане комплексных исследований культурного процесса.

Симпозиум, хорошо организованный польскими коллегами, проходил в Неборове, во дворце, построенном в XVII в. выдающимся архитектором Тильманом Гамернским. Интерьеры дворца с его прекрасными коллекциями и библиотекой, парк, вызывающие ассоциации с многими событиями польской истории и культуры, создали прекрасную атмосферу для этой научной встречи, для продолжительных разговоров и дискуссий, которые выходили далеко за пределы времени, отведенного для заседаний.

И. С.

CONTENTS

Pozolotin M. E. On the Way of the Socialist Development. *Pribylov V. I.* The Fondation of the League of Nations and Poland. *Likhach E. V.* Bourgeois Public Opinion of Great Britain and the Yougoslav Question, 1916—1918. *Vladyko N. N.* On the Historiography and New Sources on the History of National Liberation Movement in Herzegovina in the 1850s—1860s. *Vaptsarova B.* (Bulgaria). The Soviet Culture in the Life of Nikola Vaptsarov. *Kishkin L. S.* Czech-Russian Literary Connections (from the Ancient Times to the Middle of the XIX-th Century). *Ivanov V. V.* The Slavonic Metal Names and Problems of the Reconstruction of the Early Stages of the History of Metallurgy of Slavs. 3

On the History of Slavonic Studies

Voronkov I. A. The Department of History of the Southern and Western Slavs at the Moscow University — 40 Years from the Founding 101

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Chernykh M. N. Ю. Мархлевский. Об искусстве. Литература, искусство, классовая борьба. Из литературного наследия. *Lapteva L. P.* The Book of a Czechoslovak Historian on the Bulgarian National Liberation Movement of the 1850s—1870s. *Labyntsev Ju. A.* A Complex Study on the History of the Orthodox Old-Believers in the Polish Lands in the XVII—XXth Centuries. *Soboleva N. A.* S. K. Kuczynski. Herb Warszawy. *Fedoruk A. K.* Д. В. Степовик. Болгарське образотворче мистецтво. 1878—1978. *Mokijenko V. M.* Two Books on the Slavonic Phraseology 108

SCIENTIFIC LIFE

Pozolotin M. E. Scientific Conference in Lvov. *I. S.* The Soviet-Polish Symposium «The Polish Culture of the XVIII—XIXth Centuries and the Russian-Polish Cultural Connections» 124

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 11.06.79 Подписано к печати 21.08.79 Т-11486 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12,8 Бум. л. 4,0. Тираж 1200 экз. Зак. 1947

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121069, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891